

Отблески Этерны

Вера Камша

**Сердце Зверя. Том 1.
Правда стали, ложь зеркал**

«Автор»

2008

Камша В. В.

Сердце Зверя. Том 1. Правда стали, ложь зеркал / В. В. Камша — «Автор», 2008 — (Отблески Этерны)

ISBN 978-5-699-31798-1

Излом Эпох... Странное, неустойчивое время, но великие бедствия из полузабытых пророчеств не спешат обрушиться на Кэртиану в отличие от столь привычных людям войн, интриг и предательств. Шар Судеб катится все быстрее. Гаснут маяки и звезды. Золотой Договор превращается в пустые слова. Древние знания отброшены или искажены, но человек остается человеком и во тьме, и в тумане. Робер Эпинэ – и не только он – пытается защитить тех, за кого считает себя в ответе. Альдо Ракан – и не только он – рвется к древнему могуществу. Ойген Райнштайнер – и не только он – подбирает осколки прошлого, пытаясь разглядеть в его зеркале грядущее. Лионель Савиньяк – и не только он – уже ведет бой. Куда толкнет Шар Судеб равнодействующая их усилий? «Отблески Этерны» вспыхивают ярче, чтобы уже скоро погаснуть. И произойдет это в трилогии «Сердце Зверя», которая начинается романом «Правда стали, ложь зеркал».

ISBN 978-5-699-31798-1

© Камша В. В., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Книга первая	5
Пролог	6
Часть 1	12
Глава 1	12
Глава 2	19
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	35
Глава 6	41
Глава 7	48
Глава 8	52
Глава 9	56
Глава 10	65
Глава 11	71
Глава 12	76
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Вера Камша Сердце Зверя

*Гаснет мир. Сияет вечер.
Паруса. Шумят леса.
Человеческие речи,
Ангельские голоса.*

*Человеческое горе,
Ангельское торжество...
Только звезды. Только море.
Только. Большие ничего.*

*Без числа, сияют свечи.
Слаще мгла. Колокола.
Черным бархатом на плечи
Вечность звездная легла.*

*Тише... Это жизнь уходит,
Все любя и все губя.
Слышишь? Это ночь уводит
В вечность звездную тебя.*

Георгий Иванов

Мы погибли бы, если б не погибали...

Фемистокл

Книга первая Правда стали, ложь зеркал

*Время – камни собирать.
Время – быть, а не казаться.
Всё, что можешь ты сказать,
Не откладывай на завтра.*

*Разделение людей,
Непрощенные обиды,
Разделение идей,
Монолитных только с виду.*

*Отводить не смей глаза
От всесильного мерзавца.
Всё, что можешь ты сказать,
Не откладывай на завтра.*

*Год Дракона – трудный год,
Время зрячих и незрячих.
Кто-то камни соберет*

И за пазуху их спрячет.

*Что нам век сулит опять? —
Крик погрома? Грохот зала?
Всё, что должен ты сказать,
Не откладывая на завтра.*

Александр Городницкий

Автор благодарит за оказанную помощь Александра Бурдакова, Олега Вертинского, Марину Ивановскую, Данила Мелица (Rodent), Кирилла Назаренко, Юрия Нерсесова, Ирину Погребецкую (Ira66), Анну Полянскую (Lliothar), Михаила Черниковского, Татьяну Щанову.

Пролог

Агарис

400 год К.С. 1-й день Весенних Скал

1

Волны помнят. Ветер, тот забывает, Молния ударит и простит – пепел уже невиновен, вчерашний день канул в Закат, Скалам довольно знания, а Волны помнят и ждут. Долго ждут, то играя, то плача. Песня Волн – песня памяти, песня времени, песня жизни. Кто сказал – «изменчив как волна»? Кто решил, что сила есть твердость, мудрость – покой, прощение – благо? Волны бьются в берега, крича о минувшем.

Скалы молчат. Скалы стоят. Скалы рушатся. Волны вечны, тысячелетия для них значат мало, века – ничего. Скалам неведома мудрость бега, им ведом покой. Ветер не думает, он лишь дышит. Молнии не плачут, никогда не плачут, а кто не плачет, тот не поет, не любит, не ненавидит...

Рассвет. Первый рассвет весны. Солнце высветило горизонт на востоке, но само еще не показалось. Андиевы шторма уже три дня как улеглись. Море стало спокойным и дружелюбным, радуя людей берега, а те уже проснулись и торопятся к своим лодкам. Они думают о ветре, о рыбе, что ходит в глубинах, и о наживе. Слепцы, они ничего не чувствуют и боятся не полдня, а полуночи. Они живы морем, они принадлежат морю, но сами даже не пена по краю прибоя. Люди слепы и глухи, это Волны знают, не видя, а Скалы ждут, всегда ждут... Пестрые скалы у маленькой деревушки, примостившейся рядом с великим Агарисом; им осталось недолго ждать, совсем недолго.

Утренняя суэта на берегу. Кто-то споро управляет с сетями, кто-то сталкивает в воду лодки, догоняя отлив. Молодой рыбак обнимает жену, двое постарше ссорятся, а самые расторопные, торопясь на утренний лов, уже выходят из бухты. Солнце выныривает из волн красным спрутом, пенные гребни становятся розовыми. Все как всегда... Нет! Уже вышедшие в море суденышки торопливо поворачивают; суматошно взмахивая веслами, они бросаются к отмелям в стороне от деревни.

Только что отплывшие рыбаки, ничего не понимая, тревожно переглядываются, поднимают весла; лодки замирают посреди розовеющей воды черными пятнами. На берегу кричат и размахивают руками, заходятся плачем чайки, вторя им, ошалело лает и носится вдоль кромки воды черная собачонка. Что-то грядет – теперь это чувствуют все.

Тянутся минуты. Свет стекает вниз по склонам, выметая тени. Замолкают люди, но птицы кричат все громче, и собачонка не унимается, а вот и *они!*.. Одно– и двухмачтовики с узкими обводами и сильно наклоненными вперед форштевнями заполняют горизонт, врываются в рыбацью бухту, несутся к берегу. Скалятся клыкастые пасти, грозят хищные клювы, раздувают ноздри змеезубые морские кони. Корсарские фациески! В хорне от Агариса...

Вода кипит под чужими веслами, еще немного, и мориски достигнут деревни. Рыбаки кидаются прочь, криками поднимая на ноги округу. Бежать, спастись, прятать семьи... С шумом, с плачем, с проклятиями люди выскакивают из домов, бросая нажитое годами добро. Скорее! Прочь от нежданной, невозможной беды. Зря – цепочки темных фигур заступают путь, оттесняя беглецов назад, к жалким беззащитным домишкам, а фациески с лошадиными, соколиными, кошачьими головами на форштевнях с хрустом и шорохом выбрасываются на прибрежную гальку. Переваливаясь через борта, на берег сыплются десятки, сотни двуногих зверей. В широких темных рубахах, с обвязанными головами, с кривыми широкими саблями и короткоствольными мушкетами... Они всесильны, они могут творить все, что вздумают, но даже не смотрят на скованную ужасом добычу. Быстро и деловито пришельцы собираются у своих кораблей. Кричат чайки, шипит в гальке морская пена...

Понятный лишь морискам сигнал, и пестрый поток устремляется прочь от деревни. Мимо бесценных для рыбаков сетей, распахнутых дверей, растрепанных перепуганных женщин. Идут быстро, почти бегут. Отстающих подгоняют вожаки, их головы повязаны алым, сабли обнажены. Короткие резкие окрики не дают засмотреться на плохо прикрытые груди, вырвать из судорожно сжатых рук узел с пожитками, заскочить в подвернувшийся по дороге дом.

Несколько бесконечных минут, и корсары исчезают за апельсиновой рощей. Остается охрана у судов, остается цепь «сторожей» на берегу. Они никого не трогают. Переговариваются на своем языке, поглядывая то в сторону Агариса, то на свои фациески. И еще они смеются. Смех, равнодушие, чужие клинки. Неопределенность. Страх.

Широкоплечий пожилой мориск в алой безрукавке поверх рубахи не спеша подходит к растерянным рыбакам. Смотрит не на женщин – на мужчин. Выбирает. Кто-то вжимает голову в плечи, кто-то отодвигается, норовя укрыться за соседской спиной, но двое вскидывают головы.

– Вы! Объясните медузам. – Знакомые слова, на загорелом лице что-то похожее на улыбку... На усмешку обнявшей форштевень крылатой кошки. – Надо сидеть тихо. Вы не нужны... В этот раз – нет.

Поворачивается спиной, все так же неспешно возвращается к своим. Алое пятно еще долго притягивает взгляд. Рыбаки послушно затихают. Они ждут, сами не понимая чего, и вместе с ними ждут мориски, чайки, выброшенные прибоем водоросли, сухие сети, белая колоколенка. Непрочную тишину разрывает грохот, донесшийся из-за прибрежных рощ, за которыми лежит святой город Агарис. Грохот пушек...

2

Голос пушек не отличить от грома, людям не отличить, но гроза никому не служит. Гроза не убьет просто так, гроза не закончится, не свершив, что должно. Тогда она стихнет, и станут слышны песни и шум тростника. И в зеленых глазах печали, и в цветах, что всегда молчали, отражаясь и умирая, не иссякнет волна живая, не иссякнет песня и память, станет месть веками и снами, извиваясь в узорах листьев, убивая клинком и мыслью, засыпая и просыпаясь, не остынет и не истает...

Дым и вечерний сумрак почти скрыли окружавшие Теониев холм кварталы Бархатного предела – самые богатые кварталы Агариса. Вчера, когда торжествующие мориски через взо-

рванные ворота и оставленные без защиты внешние стены ворвались в припортовые, а затем и зажиточные районы, вспыхнуло немало пожаров. До самого утра огонь разгонял темноту над терзаемым городом.

Агарис кричал от боли под ударами неистовых чужаков. Стрельба, песнопения, стоны, грохот рушащихся стен... Так было всю ночь, так было утром, к вечеру огонь устал. Огонь – но не сталь и не мориски. В припортовых кварталах всю хозяйничали корсары, потроша склады и богатые дома. Высоких воинов в алых плащах, вырезавших на Старой стене большую часть гарнизона, добыча не прельщала. Морские шады свое сделали и свое получили, Алые явились за другим – за тем, что гнездится в Теониевой Цитадели, оскорбляя море, берег и небо. Оно порождает грязь и само есть *грязь*.

Серые стены, сухость пеплом забивает горло. Раньше на серый холм было не подняться, сейчас там просто больно, но надо открыть дорогу и спеть...

Смутная текучая тень возникает на краю колодца рядом с храмом Семи Свечей. Ей тяжело, очень тяжело, ведь она тоже дышит, тоже пьет, тоже испытывает боль, только ненависть сильнее боли, сильнее отвращения, сильнее небытия. Скоро серое станет алым, алое канет в синеву, и вернется песня... Она будет петь и помнить о начале и конце, как и раньше, когда на этих берегах было *чисто*.

Выше, еще выше, туда, где надрываются от плача колокола. Она должна увидеть все, тогда из дыма и ненависти сплетется напев. Тихим плачем цветов сожженных, колокольчиком прокаженных и нестройным воплем набата в этот город пришла расплата. В город гнойной луны, невиновных и виноватых... Бесконечные крыши вниз. Темные крыши, рыжие мельтешащие огни, запах гари. Он не горек, ей не горек, а вот *грязь*... Она еще здесь. Чувствует. Видит. Боится. Вот она – кучка людей на стене...

Стоят, мрачно смотрят вниз. Серые одежды, серые лица, серые мысли. Сколько таких было на этом холме! Они мнили себя всемогущими, они судили, велели убивать и убивали сами. Серые всегда жили долго, но эти скоро умрут... Они считают факелы и думают об утреннем штурме и о смерти. Хорошо, что они думают... Глупости трудно мстить, глупость невозможно испугать, глупость умирает, закрыв глаза. Эти умны, как может быть умно серое. Они боятся и надеются, они хотят жить, хотят властвовать, мстить, разносить свою грязь, но прежде всего – жить!

Пусть хотят. Пусть надеются. Пусть вновь предадут, а если не предадут...

– Солдаты ненадежны, особенно те, кто был на Старой стене. Эти демоны... Те, кто имел с ними дело, напуганы. Они не верят, что можно спастись.

– Демонов видят многие. Даже там, где их нет...

– Помогите нам Создатель, сколько же здесь этих порождений Заката?!

– Брат мой, а вы не пробовали... Орден Истины недаром славится...

– Я уже сорок раз повторял – ничего не действует. *Ни-че-го!*

– Жаль, Аристид и его «львы» далеко. Слава для того и создана, чтобы беречь нас от напастей... От таких напастей.

– Кто же виноват, что магнус Леонид скончался столь внезапно? Не вы ли?

– Я?!

– Вы путаете следствие с причиной, брат. Не отдай конклав «куниц» нашим добрым прихожанам, Леонид бы не стал опасен. И нам не пришлось бы... принимать меры.

– И все равно это было недальновидно.

– И не только это. Гоганы явились из Багряных земель... Вдруг это вторжение – ответ на законное желание очистить Святой город от демонопоклонников и чернокнижников? Вы что-то сказали, достойный брат?

– Не отвлекайте магнуса Юстиниана, он вспоминает, сколько золота взяли у «рыжих» его люди. Только зачем оно сейчас? Разве что предложить морискам...

– Гнусные язычники! Даже не попробовать начать переговоры... Не предложить сдаться. Ни здесь, ни в городе, ни в фортах... Идут вперед в своих красных тряпках и режут...

– Братья, они явились за нами... За нами! Аристид обо всем узнал от гоганов... «Рыжие» платили Славе, иначе с чего бы Леонид встал на дыбы?

– Слава бросила нас, потому что знала. Стал бы Аристид горевать из-за... предшественника?! Это не повод возненавидеть братьев во Ожидании и покинуть конклав!

– Вы бы на месте нового Льва испытали благодарность?

– Какая разница, что бы я испытал?! Я не магнус Славы и не умею сражаться с демонами.

– Да, братья, мы бессильны перед слугами Чужого, но разве настал день последний? Для Агариса – возможно, но не для Церкви и не для служителей ея. Светлый Престол там, где Эсператор или... конклав. Гальтара, Кабитэла, Агарис...

– Паона...

– Нет, братья. Эйнрехт, Липпе, Хёгреде...

3

Ветер кружит пепел. «Это смерть!» – сулит он. Ветер не лжет, зачем ему лгать, только есть смерть и *смерть*. Сталь милосердной волн. И огонь милосердной, и даже яд... Голос ветра слушают сердцем, но эти сердца полны гноя. Им не понять, где кончается их страх и начинается их смерть... Гной сердца велит бежать. Сейчас, пока церковные гвардейцы еще готовы умирать на стенах, пока корсары грабят Бархатный предел, пока горожане молятся и проклинают, пока не пришло утро и безжалостная красная волна не захлестнула Цитадель, как накануне захлестнула город.

Серые голоса делаются глуше, шепот становится свистом:

– Здесь мы ничего не сделаем...

– Наша гибель будет напрасной...

– ...семь выходов...

– Только не тот, что выводит на Торквиния...

– ...стбит еще раз...

– ...сколько можно повторять... мы стали слепы и глухи...

– ...на берегу искать не станут...

– ...успеть до рассвета...

– Там гвардейцы Эсператора...

– ...Юнний уже ничего не понимает...

– ...его душа... уже в Рассвете...

– Капитан Илласио не оставит Эсператора...

– ...и не откроет без его приказа решетки...

– Я мог бы это уладить, но... Один из магнусов не вправе решать за... конклав.

– ...но Эсператор решать может. Церкви в этот трудный час нужна сильная рука...

– ...и благочестивое сердце...

– Такое, как...

– Да ляжет Светлая мантия на плечи достойнейшего.

– Орстон...

– Мэратон! Я тронут, дети мои, но нужно спешить...

– Спешить... спешить...

Серые люди торопливо спускаются во дворы. Пусть уходят, скоро они услышат, как смеется закон и поет возмездие. Пусть бегут навстречу хохоту, они увидят, они все увидят сами... Злобой злость, криком вопль, хохот – смехом отзовется тающим эхом, с комариным сравняется писком... Только зелень лунного диска, только гной из глубокой раны, нанесенной клин-

ком багряным. Конский цокот в ночи тоскливой, лунный глаз над сломанной ивой, и Волна в тростниках прибрежных отзовется голосом прежних. Скоро пламя станет рассветом, зелень – кровью, трясина – пеплом, пусть горит Агарис, серый город да станет склепом...

4

В храме Семи Свечей просят помощи у Создателя. Богатые и бедные, молодые и старые, женщины и мужчины сжимают свечи и повторяют на разные голоса вечные слова. Дым от курений возносится к куполу, мешаясь с гарью, а слова песнопений сливаются с плачем, сетованиями, хохотом и выкриками обезумевших. Поет хор, поет, несмотря ни на что. Две сотни монахов возносят хвалу небесам, а воины в алом готовятся к последнему рывку. Все меньше часов, все меньше серых гвардейцев остается между храмом и клинками пришельцев, но монахи еще поют, а паства еще надеется, лишь первые из служителей Его один за другим незаметно покидают обреченный храм. Все, кроме одного...

«Да спасутся те, кого можно спасти, да войдут они в хрустальные врата...»

Блеснул эмалевым крылом голубь – одинокий Эсперадор опускается на колени между старухой с безумным лицом и раненым капитаном. Старуха смеется, капитана бьет дрожь, но Эсперадор их не видит. Он смотрит в Рассветные врата. Он просит – не за себя, сам он мог бы спастись... Он так думает. Он ошибается... Черным змеям и белым птицам в день последний выпало слиться в полный боли клубок тревоги на последнем крутом пороге. На исходе грядущей ночи, где секунды столетья точат, где в глухих глубинах колодцев неживущее шевельнется.

Поодиночке, тихо, члены конклава стекаются в старую ризницу. Она служит для хранения всяких мелочей, без которых даже церковь не может обойтись. Служила...

Тела гвардейцев, несговорчивых гвардейцев, оттаскивают от невзрачного сундука. Лица мертвецов искажены, на губах – пена, а на каменном полу – осколки стаканов и разлитое вино из орденских закровов. Вино, поднесенное защитникам Цитадели одним из тех, кого защищали умершие...

Уходящих без малого три десятка. Будущий Эсперадор, магнусы, кардиналы, несколько надежных – не чета мертвому капитану – охранников и доверенные слуги, нагруженные ценностями. Все они друг за другом исчезают в темной дыре. Со стуком падает крышка, дрожат красные лужи, издалека доносятся песнопения – обреченный хор все еще просит пощады, но беглецы уже не слышат.

Они идут темными галереями, идут долго, спотыкаются, тяжело дышат, меняют факелы. Воздух то становится затхлым, то наполняется сразу и свежестью, и дымом. Порой шарканье и топот перекрывает кашель, кто-то на кого-то натывается, раздаются отнюдь не богоугодные слова. Идут.

Чем дальше Цитадель, тем спокойнее уходящие. Они почти уверились, что выскользнули из западни, и думают о будущем, о том, кто займет освободившиеся места, что делать с мятежным Аристидом, со слугами и охранниками, которые хоть и нужны, но знают слишком много.

Пройдено больше половины пути. Привыкшие к носилкам и каретам старики дышат все тяжелей, с натугой переставляют ноги, завидуют несущим факелы и мешки молодым. Тяжело, очень тяжело, но никто не просит об отдыхе. С каждым шагом приближается неприметная прибрежная расщелина и с ней спасение. Возле Агариса десятки рыбацких деревушек, там найдутся лодки, или нет... Сперва должны уйти мориски. Они не задержатся – что язычникам делать на пепелище?

Идущий впереди офицер насторожился, подал знак, замер, положив руку на эфес. В шуме шагов ему что-то почудилось – словно бы прошуршала по камням змеиная чешуя. Показалось? Осторожность не помешает. Охранники обнажают оружие, двое осторожно выходят вперед, поднимая повыше факелы. Слушают. Смотрят.

Старческий кашель, потрескивание огня, смех. Женский. Очень тихий и очень мелодичный. Или это журчит вода? В подземельях немало колодцев и родников...

Офицер неуверенно улыбается и делает шаг вперед. Остальные стоят, ждут. Да, это ручей. Берег совсем близко – недаром стало легче дышать. Пахнет влагой и ночными цветами. Что-то тихонько звенит. Мерзавец-слуга небрежно обошелся с бесценным грузом? Не до него. Осталось совсем немного. Скоро они увидят небо, скоро они отдохнут... Отдохнут...

Бешеный порыв ветра убивает огонь. Звуки ударов, стоны, звон, полные ужаса вопли и все тот же смех. Схватка стихает так же стремительно, как и началась. Вспыхивает одинокий факел, высвечивает искаженные старческие лица, золотую россыпь на окровавленном полу, мертвеца в сером мундире. Странные тени на стене, блики на чужих гребенчатых шлемах и опять темнота и шаги, но уже в обратную сторону. Запах лилий, журчанье воды... Я – змея, я волна, я дева, стон любви и гримаса гнева. Я жива, я мертва, я вечна, я стрела, что летит навстречу, я клинок, что вонзится в горло, я смотрю, я пою, я помню... Я ждала этот день, этот день возвращенных Молний...

Неясная тень, она вновь примостилась на перилах самой верхней площадки колокольни. Ключья дыма, вообразив себя облаками, охотятся за меркнувшими звездами. День догнал ночь, и пришла весна. Волна разбилась о Скалу, и проснулся Ветер. От весны к осени. От жизни к смерти. От любви к ненависти. От огня к пеплу и от пепла к огню. Лето – не вершина, лето – перевал. Полдень – не солнце в зените, полдень – это расплата. Волна – не забвенье и не измена, Волна – это память...

Мерно шагают по галереям бесполезные стражи, блестят дула мушкетов, орган все еще жалуется и молит, но хор стих – люди не способны петь вечно...

Она ждет, положив подбородок на сцепленные руки; огромные немигающие глаза смотрят в небо, зеленое, как они сами. Осталось совсем немного. Она чувствует это сквозь сухость и грязь, она может уйти, но ей хочется встретить рассвет здесь. Одной. В последний раз.

Ожидание становится наслаждением, когда оно на исходе. Сотни лет смотреть на эти шпили, ненавидеть и ждать... Те, кто утолял ее жажду, те, кто исполнял договор, разорваны в ключья. Она ощущала их смерть и муку корчащихся в огне стеблей и листьев. Эта боль держит ее здесь, боль, память и ненависть.

Розовые губы слегка улыбаются. Кажется, что зеленоглазая грезит о любви, но она предвкушает иное, оно уже поднимается из глубин, как песня и буря. Тонкая рука нетерпеливо отбрасывает серебристую прядь и вновь ложится на балюстраду. Только ненависть может ждать долго, только ненависть станет песней. Синей песней, рожденной болью, сердцем моря, горечью соли, только ненависть станет песней, ожиданием тоже станет на рассвете из сна и стали, на заре в предчувствии молний, только ненависть может помнить...

Зеленоглазая опустила взгляд в то мгновенье, когда из невзрачного строения в одном из внутренних дворов одна за другой выскользнули несколько стремительных смутных фигур. Не успев ни крикнуть, ни простонать, умерли на галереях часовые, а из предательской ризницы уже валили воины в гребенчатых шлемах, и вместе с ними в Цитадель вступала смерть. Захлебываясь ужасом, в последний раз всхлипнул и замолк орган, и, словно отвечая ему, на колокольне раздался тихий журчащий смех. Реквиемом по гибнущему Агарису.

Часть 1 «Башня»¹

Люди не могли бы жить в обществе, если бы не водили друг друга за нос.

Франсуа де Ларошфуко

Глава 1 Замок Савиньяк Ракана (б. Оллария) 400 год К.С. 2-й день Весенних Скал

1

– Так что, вы говорите, они делают? – Графиня Савиньяк рассеянно открыла шкатулку с оленями на крышке и углубилась в созерцание фамильных гарнитуров. Увы, находящихся в полном беспорядке.

– Ждут в Красной Приемной, – с удовольствием доложил седовласый дворецкий и по собственному почину добавил: – Уже час.

– А сколько сейчас времени? – Арлетта близоруко сощурилась. – Пять уже есть?

– Только что пробило.

– Я и не заметила, – соврала госпожа графиня, вертя в руках обрамленный алмазами рубин. – Пусть постоят еще полчаса... Я завершу туалет и... Раймон, граф Валмон пообедал?

– Почти, сударыня.

– Значит, я ошиблась. Мне понадобится около часа. Мятежники подождут, пока графиня Савиньяк выбирает кольцо.

– Это не совсем мятежники, дражайшая Арлетта. – Стоило его помянуть, и Валмон появился, в очередной раз подтвердив свою репутацию закатной твари. – Это те, кого взволновали известия о съезде дворянства семи не примкнувших к мятежу графств. Старший из ваших старших сыновей назвал бы их людьми дальновидными.

– Зато двое из троих назвали бы трусами. – Арлетта наклонилась над сверкающим клубком, не желая смотреть, как таскают кресло с человеком, в которого она в юности была влюблена. Разумеется, слегка и, разумеется, до встречи с Арно. Изловчившись, графиня ухватила прабабкины сапфиры, стараясь не слышать скрипов и топота. Ей самой, окажись она в положении безногой колоды, чужой взгляд был бы неприятен. И Бертраму неприятен, как бы он ни хорохорился.

Облюбованное кольцо заупрямилось, намертво сцепившись с порванной пару лет назад золотой цепью. Сейчас Бертрам примется ворчать, что драгоценности следует хранить в предназначенных для этого гайифских футлярах. Жозина с Карой тоже учили подругу беречь вещи, а верный Раймон тридцать с лишним лет пытается привести украшения госпожи в порядок.

¹ Высший аркан Таро «Башня» (**La Maison Dieu**) символизирует разрушение отжившего, его невозвратность; это конец существующей ситуации под влиянием внешних сил, осознание которого приходит через озарение. Рядом с хорошими картами означает окончание черной полосы в жизни, избавление от тяжелого груза. Эта же карта может означать и потерю счастья, хаос, утрату стабильности и безопасности. **Перевернутая карта (ПК)**: зависимость от существующих обстоятельств, ограниченность возможностей. Вы вынужденно идете старой дорогой, будучи не в силах ничего изменить.

Только Арно не мучил ее коробочками и шкатулочками. Он просто дарил рубины и янтарь. Когда бывал дома...

– Попробуйте изумруды, – раздалось за спиной. – Сегодня они уместны.

– Среди разумных трусов нашелся кавалер, которого пожилая дама не пошлет к кошкам без помощи укрепляющих целомудрие камешков? – оживилась Арлетта, выкапывая из-под кэналлийских подвесок торское ожерелье.

– Не думаю, что здесь найдется пожилая дама. – Валмонский затворник слегка качнул огромной головой – на волосок вправо и тут же на полволоска влево. – Иное с кавалерами. Савиньяк осчастливили даже не отцы семейств, но деды и, кажется, два прадеда.

– Тогда почему изумруды? Хотя будь по-вашему. – Графиня вызволила наконец гордость торских ювелиров и, возвращая былые годы, по-девичьи легко опустила перед гостем на ковер. – Бертрам, вас не затруднит застегнуть и объяснить? Душить меня не надо – я ничего вам не завещала, а Гектору – тем более. Как он, кстати?

– Ваш брат выехал в Ардору на воды. – Толстые, куда свиным колбаскам, пальцы ловко справились с миниатюрной застежкой. – Мне грустно об этом говорить, но лекарь подозревает камень в почке.

– Изумруд? – предположила с детства обожавшая братца Арлетта. – Я поняла. Мне, как урожденной Рафиано, следует носить те же камни. Гектор в почке, я – на шее...

– Сдаюсь, прекрасная эрза, как назвал бы вас никчемный сюзерен проклятого мною сына. – Будь Бертрам здоров, он бы отступил назад и застыл в изысканном поклоне. – Я отказываюсь от намерения вынудить вас перейти к делу первой, ибо держать прадедов на ногах более часа неразумно. Они будут слушать не вас, но свои подагры и ревматизмы, а нам следует заставить их думать о вещах более приятных. Например, о том, чем оплатить прекрасные порывы внуков и глупость сыновей.

– Давайте о делах, – с готовностью согласилась графиня, возвращаясь к зеркалу. – Вы уже знаете, что в Фельпе больше нет Дуксии?

– Знаю, – колыхнул всеми подбородками Валмон. – Недовольные больше не сетуют на избранников птице-рыбо... девы за неимением таковых, Франческа Скварца обрела душевный покой и умиротворение, а адмирал Джильди – герцогскую корону. Что думает об этом ваш младший старший сын?

– Старший младший, – поправила Арлетта. – Эмиль считает, что дуксы – зло, а военные – добро. Особенно кавалеристы, но он согласен и на моряков. Они, кстати, и заняли Дуксию. Это было так мило... Во время последнего сортэо, если я не путаю название, из коробки с номерами выпрыгнули пауканы. Дуксы закричали, и неудивительно. Я бы на их месте упала в обморок. Если бы была в корсете... но дуксы, видимо, корсетов не носят.

При Бертраме можно не шутить, при нем можно даже плакать, да что там плакать, рыдать в четыре ручья, как она рыдала, узнав про Арно... Плакать можно, только Валмон болен, на нем висят уцелевшие графства, если не что-то большее, а с Эмилем обошлось. Это Марсель сейчас целуется с гадуками. Чушь, что женщина должна искать поддержки у мужчины; поддерживать надо того, кому тяжелее.

– Пауканы скакали по всему залу, – графиня с отвращением передернула плечами, – дуксы тоже. Тогда капитан охраны попросил господ не волноваться и на время ловли монстров перейти в комнату для переговоров. Дуксы перешли. Там их ждала вдова адмирала Скварца. Очень сердитая. Надо сказать, в комнате для переговоров нет окон и только одна дверь, ведущая в зал с пауканами...

Арлетта закрыла шкатулку и подкрасила губы, завершая туалет. Бертрам ждал продолжения. Эмиль вряд ли догадался ему написать, вот матери он под настроение пишет... Лионель, тот пишет чаще. Не столько дражайшей родительнице, сколько сестре экстерриора и вли-

ятельной в Приморской Эпинэ особе. Ну а Арно – вылитый Эмиль десять лет назад. Если б не Жермон, она б не знала о безобразнике ничего.

– Представляете, моего старшего младшего сына пытались убить во сне. Такая глупость!

– Возмутительно. – Огромная лапища коснулась набалдашника трости, с которой Бертрам не расставался никогда. – Фельпцев извиняет лишь невежество. Откуда дуксам знать, что Савиньяка можно убить только в бою...

– Савиньяка еще может убить друг, – Арлетта провела рукой по лицу, словно снимая паутину, – а это были всего лишь наемники. Скорее всего, гайифские. Главного Эмиль спросонья прикончил, второй знал не так уж и много. Эмиль хотел пристрелить мерзавца, но этот мальчик... Его подобрал Росио, а теперь взял мой сын. Этот мальчик напомнил об убитом фельпском адмирале и о том, что наш убийца может что-то об этом знать. Эмиль отослал негодя вдове. Лионель поступил бы так же.

– Несомненно, – изрек Валмон, словно печать приложил, – разные побуждения часто приводят к одинаковым поступкам. Взять хотя бы «Историю Агарийской армии»... Этот выдающийся труд был написан сорок восемь лет назад тогдашним агарийским послом в Паоне и там же издан за счет хозяев. Гайифский император презентовал его дружественному агарийскому королю. Вчера я последовал его примеру.

– У мужа такой книги не было. – Арно вообще считал агарийскую армию недоразумением. «Юг, – смеялся он, – разучился воевать лет сто назад». Тогда графиня Савиньяк в военном ничтожестве гайифцев и агарийцев не сомневалась. Это было нетрудно – она жила с любимым в великой стране и ни за что не отвечала.

– «История Агарийской армии», да будет вам известно, делится на три части. – Бертрам не смотрел на Арлетту, как десятью минутами раньше она не глядела на его носильщиков. – Первая часть повествует о победах Золотой Анаксии и Золотой же Империи, ведь среди солдат и офицеров могли затесаться предки будущих агарийцев. Во второй части повествуется о подвигах уэртского корпуса, пришедшего на помощь Гайифе в начале Двадцатилетней войны; при этом все попавшее в промежуток между Золотой Империей и Олларами куда-то исчезло. Затем историк переходит к подвигам агарийской армии, сражавшейся с алатскими и талигойскими полчищами. Эта часть наиболее примечательна. Там в каждой главе подробно расписывается сражение у какого-нибудь оврага или огорода. Описание прерывается на самом возвышенном месте, после чего следует напечатанное мелким шрифтом примечание под названием «Причины неудач». И так все восемнадцать глав.

Увы, не так давно в гариканской королевской библиотеке случился пожар. Я не уверен, что книга уцелела, вот и отправил Его Величеству Антонию отыскавшийся у меня экземпляр.

– Я, кажется, догадываюсь зачем. – Арлетта с нежностью посмотрела на гостя. – Не знаю, права ли я. Вы слишком вежливы, чтобы сказать правду, если я ошибусь...

– Это вы слишком вежливы, – парировал Валмон, – выслушивая по старой дружбе мою болтовню. Я послал «Историю Агарийской армии» королю Агарии с наилучшими пожеланиями и одним-единственным вопросом: желает ли он вписать в изданный в Гайифе том очередную главу с очередным примечанием или же считает книгу законченной... Но как же вы правы, надев эти изумруды!

– Разумеется, – подтвердила графиня Савиньяк, – ведь эти камни напоминают о Бергмарк, о том, что по крови я – Рафиано, и о нашей состоятельности. Отношение бергерров к мятежникам общеизвестно, но с Рафиано всегда можно договориться, хотя за нанесенный ущерб мы берем дорого.

– Вы забыли главное, – ухмыльнулся Валмон. – Изумруды удивительно подходят к вашей коже и зеленому бархату. Вы собирались их надеть и без моего совета, не так ли?

– А вот этого, – с достоинством произнесла графиня, – вы никогда не узнаете. Бертрам, я ценю ревматизмы наших гостей. Сейчас нам подадут шадди с печеньем, вы прочитаете письма моих сыновей, и мы спустимся.

2

«Мой дорогой друг! Мы ведь друзья, не правда ли, причем я Ваш друг дважды. Не думайте, будто я не понимаю, чем Вы рискуете, спасая дорогого нам обоим человека, так располагайте мною и моим именем как Вам угодно.»

Слушая рассказы старого Габайру, я словно бы воочию вижу Вас с кудряшками и пряжками, склонившимся перед скоропалительно переодетым молодым человеком. Я понимаю, что последний вознамерился жениться на деньгах моего отца и чужой реликвии, и очень надеюсь, что, ловя радугу в небе, он споткнется о ведро. Посылаю Вам четыре длинных незапечатанных письма. Надеюсь, они достаточно глупы, чтобы очаровать «жениха», ведь я перенесла в них кое-что из дневника моей сестры; кроме того, они помогут Вам изучить мой почерк. Я не знаю, что Вы задумали, но у меня нет сомнения в том, что Ваш план увенчается успехом. Вы умны, смелы и преданны, я же могу лишь молиться за тех, кто мне дорог, что и делаю, хотя предпочла бы разговор с небесами нечто более действенное.»

Прошу Вас передать герцогу Алва, что я останусь его преданным другом, с кем бы он в будущем ни связал свою судьбу. Мое сердце и моя дружба, в отличие от моей руки и моего разума, принадлежат лишь мне. Отец это знает. Он доверяет мне почти так же, как Габайру, а Вам почти так же, как мне, но Вами он еще и восхищается.»

Берегите себя. Это не вежливость, это искренняя просьба. Я боюсь за Вас не меньше, если не больше, чем за герцога Алва, ведь Вы – обычный человек, хоть и «весьма дальновидный и своеобразно мыслящий» (угадайте, кто дал Вам столь лестную характеристику). Посылаю Вам точные копии своей личной печати и большой печати отца. О первом он осведомлен, о втором – нет.»

Любящая Вас Е.».

«Любящая...» И это принцесса! Еще никогда виконт Валме, а ныне граф Ченизу не был столь близок к тому, чтобы прослезиться. Елена Урготская была удивительной девушкой, а Альдо Ракан – удивительной дрянью, но дрянь эта по-прежнему восседала во дворце и, в отличие от несчастного Надора, проваливаться не торопилась.

Марсель скомкал письмо и, не перечитывая, отправил в огонь под сонные вздохи Котика и писки присланной Капуль-Гизайлем морискиллы. Печати переключались в тайники, устроенные Габайру в ручках кресел, а предназначенные жениху письма – в пошлейшую из найденных Марселем шкапулок. Перечитывать избранные места из дневника Юлии не тянуло – Валме верил своей принцессе на слово, – но долг есть долг. Полномочный посол Ургота развернул первое из посланий и присвистнул:

«С тех пор как наш бывший посол привез портрет Вашего Величества, Ваш образ неотступно преследует меня. Я вижу вашу светлоглазую фигуру, прожигающую взором окно с государственной думой на обрамленном львиной гривой челе. Стройный, хрупкий и непередаваемо одинокий, вы смотрите в темнеющую ночь. Вам дозволено все, но как же вы страдаете, скрывая страдания под маской полночного холода...»

Марселю скрыть страдания не удалось. От хохота виконта морискилла замолчала, а Котик вскочил и неуверенно, чуть ли не по-щенячьи тявкнул.

– Все хорошо, – попытался успокоить пса Марсель и вдруг представил прожженное грибоватое окно, омраченное государственными думами, – это прос... то... прос... О Леворукий и все кош... окошки его!..

Котик чихнул и принялся вдохновенно чесаться, стуча лапой по наборному паркету. В камине мирно горел огонь, на лаковом столике омерзительно блестела розовая шкатулка. Смех иссяк, осталось дело, которое можно было начинать хоть сейчас. Запечатать нелепое письмо, влезть в достойный грез принцессы Юлии туалет и отправиться испрашивать аудиенцию. Габайру вне досягаемости, подарки от Фомы прибыли, и их урготское происхождение не оспорит никто, а Ракану только свистни...

Вот именно – только свистни! Марсель, следуя дурному примеру, поскреб голову и перебрался к обрамленному не гривой, но занавесками окну, за которым бесновался дождь со снегом. Стало холодно. Не от клубящейся за стеклами серой жути – от задуманного. В том, что из негодных яиц он приготовит отменную яичницу, виконт не сомневался, но до okazji из Урготеллы замысел казался далеким, как лето. Теперь все зависело только от самого Марселя и немного от Марианны, но в красавице Валме был уверен даже больше, чем в себе. Баронесса сделает все, что он ей скажет, и не из страха или за деньги, а потому, что хочет того же, что и Елена. Ох уж эти женщины, хлебом не корми, дай поосвободить какого-нибудь маршала...

– Врррр, – сказал Котик и улыбнулся.

– Правду говоришь, – кивнул Валме, – я ничем не лучше моих дам. Даже хуже, а на улице – помесь болота с Килеаном. И все равно гулять мы пойдем. Леденящие душу замыслы лучше всего лелеять в леденящую тело погоду. Надо бы написать об этом проклявшему меня папеньке.

3

Стариков было жаль, особенно деда графини Пуэн, некогда приветствовавшего молоденькую новобрачную от имени дворянства Старой Эпинэ. Арлетта едва удержалась от того, чтобы протянуть престарелому барону руки и спросить о здоровье, но Бертрам уронил трость, и благой порыв был задушен. Смотреть в лица тем, кого знаешь с юности, трудней, чем выбирать давно выбранные драгоценности, но она сегодня не Савиньяк. Она – Рафиано, а Рафиано никогда не провалит переговоры! Арлетта поджала губы не хуже покойной Алисы и проследовала к одинокому, похожему на трон креслу, каковое и заняла. Месяц назад графиня принимала в нем дворян Приморской, Южной и Новой Эпинэ. Тогда зал был полон, пришлось даже вносить дополнительные скамьи, сейчас мебель убрали. Опустошенная приемная напоминала сразу бальную залу и церковь.

Заскрипело – втащили Валмона. Арлетта выждала, пока носильщики не опустят кресло, а камердинер не укутает ноги графа седоземельскими мехами, после чего как могла рассеянно оглядела сбившихся в кучку гостей.

– Вы хотели меня видеть, господа? Я в вашем распоряжении. – Хорошо, что она близорука и лица собравшихся кажутся просто пятнами. – К сожалению, ваш визит стал для меня неожиданностью, и я не могу принять вас должным образом.

– Увы, – скорбно пророкотал Бертрам, – разрушение Сэ и необходимость спасти свою жизнь пагубно сказались на здоровье графини. Я уполномочен братом госпожи Савиньяк проводить ее на воды Рафиано, где она сможет отдохнуть от ужасов войны и заняться лечением.

– Мы отбываем рано утром, – слабо шевельнула рукой больная, – так что я не могу предложить вам ночлег, но придорожные гостиницы в Савиньяке по-прежнему неплохи. В них есть даже кэналлийское, хоть выбор и невелик...

– Вы ошибаетесь, – оживился Валмон, – выбор кэналлийского в Приморской Эпинэ на глазах становится богаче. Трактирщики узнают новости первыми, а кэналлийцы не станут пить чужие вина даже из вежливости, которой сейчас от них ожидать не приходится.

– Кэналлийцы? Вы говорите, кэналлийцы?! – не выдержал высокий сутуловатый старик. Его Арлетта не помнила, но все равно почувствовала себя волчицей в овчарне. Причем сговорившейся с псами.

– Да, – холодно произнесли старательно подведенные губы. – Насколько мне известно, армия Кэналлоа и отряды ополчения пройдут через Савиньяк на Олларию в середине месяца Весенних Ветров. Надеюсь, рэй Эчеверрия правильно воспримет мое отсутствие. Наш дом всегда был дружен с домом Алва, а в Кэналлоа умеют помнить не только зло. Не сомневаюсь, замок, в котором вы сейчас находитесь, не постигнет участь Сэ.

Первым на колени опустился дед Жаклин Пуэн, за ним – Агирре и, кажется, Шарли, остальные отстали настолько, насколько мешали больные колени и спины. Одиннадцать человек, младший из которых годится ей если не в отцы, то в очень старшие братья... Зрелище чужого унижения вызывало тошноту, и Арлетта опустила глаза, разглядывая собственные руки.

Третий камень в браслете казался чуть светлее соседей, а на серебре виднелась маленькая царапина. Графиня Савиньяк не помнила, откуда она взялась, она вообще ее не помнила. Браслеты вместе с колье привез Арно, но прислал их маркграф Бергмарк. Бергеры имеют обыкновение благодарить женщин, дарящих друзьям сыновей, а она родила близнецов...

Графиня рассматривала изумруды, а гости стояли на коленях и молчали. Кошки б раздрали Колиньяров с их родичами и поощрявшим живоглотов Сильвестром, хотя какой с покойного спрос? Что посеяно мертвыми, пожинают живые, а что взойдет из сегодняшних зерен? Кэналлийцы Эчеверрии не опасней драгун Райнштайнера, но ее дело не успокаивать, а молчать. Остальное сделают Бертрам и страх.

За спиной мерно стучали часы, скреблись в окна ветви акации, время от времени поскрипывал пол, а со стен смотрели маршалы и генералы. Приемную Сэ украшали портреты взбалмошной Раймонды и шпалеры с ланями... Теперь ничего этого нет.

Арлетта всегда любила Сэ больше грозного Савиньяка. Три подруги в один год стали хозяйками трех почти соседних замков и женами троих друзей. Как это умиляло местное дворянство... но мир обезумел. Сэ сожгли в ночь смерти Жозины. Если б не барон из Бергмарк, графиня Савиньяк угодила бы в лапы сторонников глупыша Робера, и что потом? Встала бы она на колени? Из-за ковров и картин – нет, а спасая свою жизнь или, что страшнее, жизни близких? Как просто быть гордой издавека, когда все позади, а дети на той войне, от которой избавит только победа. Их победа, иначе просто не может быть.

– Господа, – голос Валмона звучал хрипло и прерывисто, – вам проще, чем мне. Вы можете встать на колени, а я не способен и на это. Мой бывший сын и бывший наследник прилетает с агарисским самозванцем, а я могу лишь проклинать судьбу и помогать северным армиям и ополчению маршала Дорака. Конечно, никакое золото не искупит позора, покрывшего дом Валмонов...

– У вас не один сын, дорогой Бертрам! – спохватилась Арлетта. – А вашу помощь переоценить трудно. Лионель... Один из моих сыновей пишет, что купленные вами пушки выше всяких похвал.

Последнее письмо добиралось до Савиньяка без малого два месяца. О пушках в нем не было ничего, потому что пушек не было, но ходатаям нужен намек. Она намекнула.

– Графиня Савиньяк, – произнес дрожащий высокий голос, – графиня Савиньяк! Мы...

– Мы умоляем вас, – подхватил Агирре, – мы привезли письмо... Его подписало семьдесят два семейства... Мы просим переслать его графу Лионелю...

– И маршалу Дораку!

– С его здоровьем вернуться в строй! Неслыханное мужество...

– Во имя Создателя, будьте милосердны!

– Ваши дети вас слушают! Они всегда были почтительными сыновьями...

– Нас вынудили. То, что творили Колиньяры...
– Гаржиак отказал узурпатору в помощи. Мы тоже откажем...
– Это интриги Агариса...
– Эсператисты всегда... Всегда стравливали талигойцев друг с другом!
– Проклятье им!
– И Гайифе... Павлин привык воевать чужими руками...
– Наши дети защищали свою свободу и свою честь...
– Да, но они не желали зла Талигу!
– Мой сын – истинный талигоец...
– Только ваш?
– Перешлите письмо! Промедление смерти подробно!
– Графиня, вы же из знаменитой семьи. Вы – звезда Эпинэ, неужели вы хотите, чтобы сюда пришли эти... эти полушады?!
– Я готов оказать посильную помощь ополчению Приморской Эпинэ...
– Мой внук не хотел участвовать в мятеже! Его вынудили... Робер Эпинэ вынудил!
Нельзя одинаково карать зачинщиков и тех, кого угрозами...
– Что с вами, барон? В начале зимы вы гордились выходками вашего сына!..
– У вас нет совести, Клод! И никогда не было...
– Будьте нашей заступницей! Арлетта... Я не оговорился, я старше вас, я помню вас еще невестой, вы всегда были так добры!..

Она была не добра, а лишь вежлива. Добрым был Арно, за что и поплатился.

– Графиня, ответьте же!

– Скажите хоть слово!.. Одно только слово. Во имя Создателя!

Быстрый взгляд поверх склоненных голов и едва заметный кивок Бертрама. Все идет, как задумано, а графиня Савиньяк выдержит. Графиня Савиньяк возмущена и обижена. Ей до безумия жаль сгоревшего дворца, особенно шпалер и алатского хрусталя... Или буковых панелей и портьер алого бархата? Неважно! В мятежных графствах никто и никогда не узнает, что ходатаи ломились в открытые двери. Перемирие будет выстрадано, только тогда его не нарушат. Если б только с Арно был Валмон... но муж слишком хорошо думал о тех, с кем пил вино и болтал о дамах и охоте. Он поехал к Борну даже без адъютанта.

– Я тоже помню, – отрезала Арлетта и вдруг поняла, что не играет. – Я очень хорошо помню, что моего мужа убил мятежник, к которому он проявил снисхождение. В том числе и потому, что Каролина Борн была моей лучшей подругой. Как и Жозефина Эпинэ! И еще я помню горящий Сэ, и не только Сэ... Вы не раскаиваетесь, господа, вы боитесь. Адуанов Дьегаррона, которые уже успели вас потревожить, отрядов Дорака, моих сыновей, а теперь еще и кэналлийцев. Только поздно вспоминать о добре и Создателе, когда руки в крови, а за спиной – пепелища. Колиньяр был мерзким губернатором, но он не вешал, не поджигал и не резал спящих. И потом...

Ярость стихла так же стремительно, как и вскипела, потому что Сэц-Ариж заплакал. Он не пытался умолять, никого не обвинял и ничего не просил. Даже слез не утирал. Сэ жгли его сын и внуки, это Арлетта знала. Потом молодые ушли в Олларию с последним сыном Жозины, а старый барон остался.

– Герцог Колиньяр и его сообщники взяты регентом Талига герцогом Ноймариненом под стражу, – бесстрастно объявил Валмон. – Как мне сообщил экстерриор Рафиано, в настоящее время Колиньяр и Манрик содержатся в Бергмарк. После войны их ждет суд, но, как совершенно справедливо напомнила графиня Савиньяк, ошибки и злоупотребления бывшего губернатора не оправдывают преступлений против Талига. Если б не мое личное несчастье, я был бы непреклонен, но мой бывший сын не оставил мне выбора! Арлетта, дорогая, я не

могу встать перед вами на колени, но я умоляю вас о милосердии. Нет такой вины, которую невозможно искупить...

Сколько в том, что творят они с Бертрамом, лжи, а сколько – правды? Сразу и не поймешь, но войны в Эпинэ не случится! С провинции хватит Колиньяров и мятежа.

– Вы правы, Бертрам, – громко сказала графиня Савиньяк и обернулась ко все еще коленапоклоненным старикам. – Встаньте, господа. Я перешлю ваше письмо регенту Талига герцогу Ноймаринену и засвидетельствую, что дворянство Внутренней Эпинэ верно законной власти и предлагает свою помощь в борьбе с агарисским самозванцем и внешними врагами. Более того, я задержусь в Савиньяке и переговорю с рэем Эчеверрией. Какую именно помощь вы способны оказать Талигу, мы обсудим после обеда. К сожалению, короткого и не слишком обильного.

– Увы, – подтвердил Валмон, – нынешние времена не располагают к длительным застолям, но я на всякий случай привез с собой сыры, колбасы и приправы, которые несколько выправят положение.

– Я привез вино, – подал голос незнакомый дед или даже прадед, – лучшее вино Старой Эпинэ... Мы поднимем бокалы за сыновей нашей прекрасной хозяйки. За истинных сыновей Талига! За его маршалов!

Глава 2 Урготелла 400 год К.С. 6-й день Весенних Скал

1

«Скверный город Агарис взят нами во второй и последний раз. – Тергэллах, как и положено мориску, начал с главного. – Третья часть освободившихся кораблей будет у побережья Бордона не позднее, чем в середине Весенних Ветров. Главные силы я поверну на Рассвет. Скверная империя Гайифа ответит за причиненное зло, но для предотвращения зла нового Агернэ заключил союз с Зегиней и Садром. Время велит объединяться. Закон велит выжигать скверну. Сердце велит забыть о себе. Пятая звезда велит отвернуться от несущественного. Флот Агернэ пойдет с Заката вдоль горящего берега навстречу флоту Зегини. Мы соединимся в Паоне, и ее не станет».

– За Межевими островами не забывают ничего. – Фома изо всех сил пытался казаться спокойным. Герцог знал очень много и почти обо всем, но родичей-шадов все же не имел. Эмиль Савиньяк ущипнул гроздь синего винограда, подбирая слова. Он учился разговаривать с хитрецами, хотя разбить парочку капрасов было б и легче, и веселее, чем сидеть с Фомой и думать о политике. Обычно ургот чего-то хотел, а талигоец пытался понять, с чем лучше не соглашаться, но сегодняшние новости были понятней Савиньяку.

– На этот раз павлину хвостом не отделаться, – заверил маршал. – Если не ошибаюсь, «три звезды становятся одной», только вознамерившись кого-нибудь сжечь. Дотла.

Глаза Фомы расширились. Для него мориски все еще оставались источником товаров, а не войн. Маршал выждал еще пару мгновений и протянул союзнику исписанный острыми буквами лист, на который тот с вожделием поглядывал. Эмиль ничем не рисковал – морисская вежливость требовала посылать одинаковые письма всем, кто почитался союзником. То, что предназначалось друзьям, передавалось на словах проверенными гонцами. Рокэ в Фельпе три вечера кряду болтал о привычках и обычаях своей багряноземельской родни. Между делом, под вино, поддразнивая любопытного Герарда. Рассказ пришелся кстати, как и визит шадов.

Кстати приходилось почти все, что Рокэ когда-либо делал. Почти, потому что Ворон сложил крылья именно тогда, когда мир полетел в Закат.

– В любом случае, уладить дело с Бордоном теперь будет гораздо проще, – подал голос Фома. Герцог уже приходил в себя, хотя мощь вступивших в игру союзников его немало озадачила. Зато ургот окончательно уверился, что выбрал нужную сторону, и на переговоры со «скверными» странами теперь не пойдет. Даже за очень большие деньги.

– Мне бы хотелось услышать о подробностях набега. – Дипломатом маршал Эмиль был отвратительным, но за зиму кое-что все же усвоил.

– Мы выслушаем гонца сейчас и вместе, – качнул паричком Фома, – я не считал возможным расспрашивать его до вашего прихода. Гонца зовут Дерра-Пьяве. Он моряк. Это имя вам что-нибудь говорит?

– Говорит, – подтвердил Савиньяк, вспомнив совет Шантэри: отвечай односложно, когда собеседник набивается на подробности, но говори о погоде и здоровье, когда ему требуется «да» или «нет».

– Вы давно знаете этого капитана? – не отставал Фома.

– С прошлой осени. – Вернее, с развеселой кампании, которую и войной-то не назвать. Слишком просто все получилось... но легкие победы имеют обыкновение оборачиваться ударами в спину.

Барсовы Врата почитались неприступными, а разбить взбрыкнувших Борнов смог бы даже Манрик, только из Сагранны вернулись все. Это отец не пережил встречи со старым другом. Выстрел Борна убил радость матери и их с Ли юность... Брат ненавидит до сих пор и правильно делает.

– Дерра-Пьяве – надежный человек? – тоном опытного барышника осведомился Фома.

– Капитан всецело предан Алве, – откликнулся Эмиль, с трудом удержавшись от заверений в том, что фельпец особенно хорош в галопе.

Хозяин Ургота дважды тронул колокольчик.

– Не думаю, что нам понадобятся лишние уши, – доверительно произнес он. Эмиль улыбнулся. Возможно, это вышло многозначительно, но маршалу просто стало весело. Из-за Шантэри. Утром старик заметил, что обойти вниманием Савиньяка Фома не может, но больше он не позовет никого. Даже Елену, хотя наследнице и разрешалось время от времени подслушивать государственные тайны.

Через пять минут маршалу стало не до улыбок, потому что вошел Дерра-Пьяве. Нет, капитан не подрос, не окривел и даже не похудел, но прежний лихой коротышка исчез.

– Садитесь, мой друг, – мягко предложил Фома, но фельпец смотрел на талигойца, и Эмиль кивнул, превращая просьбу в приказ. Дерра-Пьяве уселся в коричневое кресло. Блеснула вороненая сталь. Таких пистолетов у капитана раньше не было.

– Вы были свидетелем штурма? – начал Фома. Капитан кивнул, глядя на свои сапоги. Он не хотел говорить, но желания – это для дам, а не для военных.

– Как удалось в два дня взять такой большой город? – Никаких узоров и украшений, безупречные очертания... Не Дриксен, не Гайифа и тем более не Рафиано. Пистолеты морисские и, безусловно, отменные, иначе Дерра-Пьяве не предпочел бы их прежним – помнится, очень неплохим.

– Да, мой друг, – подался вперед Фома, – как вышло, что Агарис пал столь стремительно?

– По тунцу акула была, вот и съела. – Дерра-Пьяве все еще смотрел на сапоги. – Принц Тергэллах привел полсотни линеалов и десятков шесть больших торговцев. С солдатами. Ватрахос покойный такой силище на ползуба был бы, но морискам показалось мало. Созвали чуть ли не всех морских шадов с их головорезами, а корсары сами сбежались. Сотни три с гаком, хотя большинство – мелочь. Осадка, как у утки, но для десанта – в самый раз. Они и начали...

– Вы знали нападавших? – Военные подробности Фому вряд ли волновали, но герцогу хотелось прийти в себя. Эмилю тоже.

– Кое-кого, – кивнул моряк. – Больше слышал. Про Зубана и Крысьего Пасынка по всему морю болтают... Правильно болтают, как оказалось. Но много было из этих, из восточных. С ними мы дела не имели. И опять правильно – от таких лучше подальше!

– Прибрежные пираты? – удивился Савиньяк. – Никогда не считал их опасными... для крупной дичи.

– Были и береговые, и те, что у Межевых орудуют. Только не стаей город брали, а армией. Дисциплину это сборище очень даже соблюдало. Конечно, опыт в открытую лезть у них небогатый, но приказы выполняли исправно. С кузенком Монсеньора не забалуешь, даже заявись он с одной галерой, а тут – флот! Мы такого в Померанцевом не видали еще, разве что на Марикьяре... Я в линеалах мало понимаю, но хороши зверюги!

– Они бастионы и брали?

– И они, и корсары, и шады... Артиллерии тоже хватало, и саперов привезли. Сдается мне, мориски, не те, что с островов, а настоящие, промеж собой не реже Талига с Дриксен цапаются, иначе с чего бы им так наостриться? Красиво высаживались, куда твоим дожам! Ни одной пушки не утопили.

– Высадиться – это еще не все, – проявил военную смекалку Фома. – Главное, как они воюют.

– В бою не видел, врать не стану, – на дубленой физиономии Дерра-Пьяве проступила досада, – в город нас не пустили. Мы, хоть и послы Монсеньора, и этот их, глазастый, раскуси его зубан... Глядел, будто покупать собирался, но вроде сошло... Даже на сходку свою пустили, но одно дело – вино вместе трескать, и другое – глядеть, как Святой город жгут. Я ведь эсперу ношу, мог и сорваться. И ребята могли, было с чего!

– Значит, самого боя вы не видели?

– Нет, но на улицах дрались все больше агерны. Они покрепче шадов, и потом благословение на них вроде... Или наоборот, но что-то там такое было непростое. Говорили об этом, когда... когда кончилось все.

Как же не хочется спрашивать, как именно кончилось. Не хочется – и все! И вообще для первого разговора хватит, остальное – вечером, в посольстве, под касеру. Гонцов и разведчиков, чье появление не скрыть, расспрашивают дважды. Один раз – для союзника, второй раз – для себя.

– А что Агарис? – тихо спросил Фома. – Как вышло, что гарнизон застали врасплох?

– Что Агарис? – В голосе Дерра-Пьяве послышался былой запал. – Плохо Агарис. Видать, конклав еще тупей дуксов был. Все проспали – и что можно, и что нельзя. Гарнизон вконец распустился, команды корабельные на берегу кур гоганских жрали... Хоть и ходили с осени разговоры о войне, никто толком и не чихнул. Оно, конечно, лет триста никто Святой город не трогал, но соображать-то надо! А конклав еще и с орденом Славы рассорился. Те, как магнуса ихнего кончили, ушли. С этим, новым, как его... Аристидом. Храм Адриана заперли и ушли... Нет, мориски все равно бы город взяли, но не в два же дня!

Дерра-Пьяве замолчал, выразительно косясь на ургота. Он знал многое, но говорить при чужих не хотел. Фома это понял не хуже Эмиля и, будучи эсператистом, предпочел остаться в неведении. Не красящие церковь дела его не занимали, а воинские подробности тем более. Герцог любил повторять, что лучше платить тому, кто делает хорошо, чем сделать самому, но плохо. И платил. В данный момент – Южной армии маршала Савиньяка.

– Что стало с конклавом? – задал неизбежный вопрос Эмиль. – И что с портом?

– От порта только море и осталось, – начал с хвоста фельпец. Помолчал, глядя на все те же сапоги, и через силу договорил: – И от конклава тоже... Утопили их... На закате. Шутка ли, столько кардиналов и магнусов... Только Аристид и остался.

– А Юнний?

– Эсперадор раньше умер. – Мориски научили коротышку говорить коротко, а может, не мориски, а ужас. – То ли в дыму задохнулся, то ли упало на него что. Тергэллах так и сказал – бросили, мол, того, кого поставили над собой, сами сбежали, а его, больного, покинули. И богов предали, сказал, и людей, а теперь и своего же главного. Ызарги, одним словом, ну так и смерть вам будет под стать...

2

Ызарги... Если б не примета, имечко бы кораблик сменил в тот же день, но чем назвал, на том и ходи, пока ходится. Ходи и помни, как дергались, вырывались, орали те, кто раньше поучал и судил... Как рыдали, пытались откупиться, молились, но таких нашлось лишь двое. Их пихнули в мешки первыми, дав закончить разговор с небом, и эти мешки были пустыми. Молившихся оставили наедине с Создателем, прочих провожали ызарги. Длинные, волосатые, шипящие твари. Не бравые – отвратительные. Их хватали двумя руками за основание шеи и хвоста и высоко поднимали, показывая смотрящим на казнь. Твари клацали зубами, высывали серые языки, пытались извиваться, но их по одному совали к осужденному и затягивали веревку. Один человек, один ызарг, один мешок... К дергающемуся, воющему, шипящему мешку прикладывали печать Тергэллаха и что-то негромко говорили, словно считали. Носильщики в алых плащах подхватывали то, что еще жило, кричало, умоляло, и уносили по сходням на стоящую у берега галеру, над которой развевались узкие алые флаги. Магнусы и кардиналы исчезали один за другим. Последними были трое пытавшихся откупиться храмовым золотом... Скверным золотом, как сказал Тергэллах.

Мориски молчали. Даже корсары. Стояли, будто на смотре, и глядели на причал, на мешки, на галеру. Не улюлюкали, не кидали в осужденных всякой дрянью, но и глаз не опускали. Так они служили своим Грозам, они все время им служили – не хватались за обереги, когда припечет, не поминали всуе, не откупались, а жили. Веруя и помня, что заповедано. Потому и бросали чужих клириков в море вместе с ызаргами. Не за иную веру – за предательство того, чему клялись и чего требовали от других. А вот Аристида победители не тронули, когда тот собрался разделить участь конклава.

Магнус Славы думал прорваться с боем – его пропустили. С оружием, со всеми спутниками. Несколько десятков «меченных львом» серым ручьем протекли сквозь алое поле. Они оказались возле мешков, когда последний магнус – магнус Чистоты – попытался целовать сапог стража в алом с белыми молниями плаще.

– Я отсутствовал, когда вы пришли, – сказал Аристид. – Теперь я здесь.

– Зачем? – спросил Тергэллах. Он мог выхватить саблю, мог подать знак стражам, но не сделал ни того, ни другого.

– Я – магнус Славы и член конклава.

– Верю.

– Я должен разделить судьбу моих братьев.

Аристид поворачивается к сидящему на земле магнусу. Стража опускает копьё. Красные, как и все в этот день. Двое воинов в кошачьих шлемах делают шаг вперед. Они похожи, словно близнецы.

– Это не твой брат и ничей, – говорит Тергэллах. – Кто убил твоего предшественника?

– Не знаю.

– Ты обвинял конклав. Ты отказываешься от своих обвинений?

– Они больше не имеют смысла.

– Ты прав. Конклав МОГ убить Леонида, но Юнния он оставил без помощи, спасая себя и богатства. Эта вина очевидна. Очевидна и растущая из нее смерть. Дважды в нашем мире не умирают.

Магнус и мориск смотрят друг на друга. Ничего не делают, только смотрят. Рычит пока еще дальний гром – собирается гроза, а тех двоих, что заступили Аристиду путь, уже нет. Куда они делись? Может, кто и заметил, только не Дерра-Пьяве.

– Скверного города больше не будет. – Тергэллах отворачивается от адепта Славы и смотрит в наливающуюся свинцом бухту. – Те, кто был раньше тебя, забыли главное. Ты помнишь. Уходи и делай, что должно, там, где это возможно. Здесь ты не можешь ничего.

– Я могу здесь умереть.

– Нет.

Пара слов на чужом языке. Тяжелый удар грома. Крик. Нечеловеческий, визгливый. Тощий человек в сером – магнус Чистоты – бьется в руках красной стражи, проклинает, умоляет, обещает. Двое держат человека, двое – мешок, еще один – ызарга. Большого, толщиной в руку. Аристиду не держит никто, но магнус Славы словно бы окаменел. Как и его люди.

Чей-то взгляд. Холодный. Змеиный. Женский. Молодая женщина с очень светлыми волосами оперлась на мраморную балюстраду и улыбается. Перед ней лежит ветка лилий. Белых. Меж мраморных столбиков что-то серебрится, будто течет.

Рука Дерра-Пьяве сама тянется к эспере, над головой что-то сухо шелестит. Вот и все звуки, не считая криков. Женщина у балюстрады, не прекращая улыбаться, подносит к губам цветок. У нее зеленые глаза, не смотреть в них невозможно. Лилии медленно падают вниз, качаются на свинцовой воде у борта полной смерти галеры. Сходни уже подняты, вопли и шипенье стали глуше, но все еще слышны. Крики, гром, равнодушный плеск воды.

Две молнии разом ударяют в ишили колоколен. Святой Торквиний и святой Доминик... Под громовые раскаты галера с красными флагами отходит от берега. Стоит мертвый итиль, на воде сонно раскачиваются белые цветы. Смерть, итиль, лили...

– Значит, саму казнь вы не видели? – уточняет Эмиль Савиньяк. Талигойский маршал – душа-человек, но лучше б он поменьше походил на мориска. Потемнее был, что ли...

– Не видел, – подтверждает Дерра-Пьяве, а перед глазами маячат проклятушие лилии и зеленые глаза. Капитан запивал их четыре дня. Так и не запил.

Глава 3

Северный Надор

Хербсте

400 год К.С. 5-й день Весенних Скал

1

Савиньяк в наспех превращенном в ставку Проэмперадора трактирчике не оказалось. Вместо маршала пришедшего с докладом Давенпорта встретил Фридрих Дриксенский, вперивший мрачный, но победоносный взор в плохонькую герань. Известная всей Северной армии миниатюра была безупречной, розовая рамка с сердцами, лебедями и ландышами – ужасной, но Савиньяк полагал ее своего рода совершенством. Рассказывали, что юный Лионель увидел розовый ужас на каком-то постоялом дворе. Будущий маршал выкупил находку у хозяина за баснословную для того сумму, заменил святую Октавию на вдовствующую королеву и с тех пор возил с собой то ли на счастье, то ли на беду оригиналам, увязавшим в лебединых объятиях портретов.

Шли годы, менялись лица, но не сердечки и не ландыши. Когда в них ненадолго обосновался тессорий Манрик, рамку вызолотили и усыпали торскими изумрудами. Фридрих угодил в нее на исходе зимы. После почти месяца поисков прохода к Олларию Проэмперадор объявил – хватит, а вечером собравшихся на совет офицеров встретил Фридрих. Все стало ясно без слов – Олларию отдавали южанам, Северную армию ждала Торка.

Чарльз не хуже других понимал, что тащиться в обход ставшего обезумевшим решетом Надорского плоскогорья не только опасно, но и глупо. Марш в один конец хоть через Варасту, хоть через Бергмарк занимал не меньше двух с половиной месяцев, и это без самой Олларию. На исходные позиции Савиньяк возвращался к началу лета, да и то в лучшем случае. Возвращался и заставлял хозяйничающих в приграничных городах «гусей» и «медведей», не считая воспрянувшей Каданы. Рисковать было нельзя, и маршал погнал армию на север. Расчетливо, стремительно и безжалостно, как и все, что он делал.

В середине Зимних Молний Савиньяк вернулся в Северный Надор. Оставалось ждать, пока не проявятся намерения противника, но Проэмперадор предпочел их предугадать. Давенпорт хорошо запомнил тот день, потому что накануне пришел пакет от регента, и с ним вместе – письмо отца. Старший Давенпорт не сомневался, что исход военной кампании начавшегося года решит фок Варзов, а столицей займутся Дорак и кэналлийцы. Чарльз просидел несколько часов, перечитывая под треск поленьев суховатые на первый взгляд строки. К вечеру капитан решил и отправился к маршалу, в первый и последний раз воспользовавшись в личных целях правом входить без доклада.

Савиньяк поднял голову от прижатой к столу Фридрихом, подсвечником и грубой глиняной кружковой карты. Он не был удивлен, он никогда не удивлялся. Даже узнав о землетрясении.

– Вот приказ. – Проэмперадор был, по своему обыкновению, краток. – Разошлите по частям сообразно списку и отправьте разъезды для проверки ключевых переправ. Всех.

Чарльз пробежал глазами бумаги. Чернила просохли еще не до конца. Казалось, олень на личной печати Савиньяка летит на помощь Победителю Дракона, только Олларию возьмут другие. Место Чарльза было с ними, но гаунау готовились к войне, и Савиньяк собирал всех, кого мог. В гарнизонах оставались не оправившиеся от ран офицеры, старики и обученные за зиму новобранцы. Уходить сейчас? К тем, кто со своим делом и так справится?

– О разрушенных переправах и незаполненных магазинах². докладывайте немедленно, – уточнил маршал и, не дожидаясь ответа, вновь склонился над картой. Тень от подсвечника черной стрелой пересекла свихнувшееся плоскогорье, устремившись к Олларию, но столица на карту не поместилась. Нарисованный север кончался в Старом Надоре. Недалеко от места, где к отряду Давенпорта вышла нелепая короткохвостая лошадь с заиндевевшей мордой.

– Будет исполнено, – отчеканил капитан Давенпорт и вышел.

Он так и не сказал, зачем приходил, а Савиньяк не спросил, хотя не заметить нарушения субординации не мог. Проэмперадор говорил с подчиненными, когда считал нужным и как считал нужным. Каков он был с друзьями, Чарльз не знал и узнавать не собирался.

Наутро шеститысячный корпус генерала Кодорни выступил в сторону границы Бергмарк и Гаунау. Напрямик, почти по бездорожью. Основные силы тронулись через день. Нельзя сказать, что Савиньяк щадил людей и лошадей, но он хотя бы придерживался оборудованных магазинами дорог. Местные власти не подвели: мосты и переправы были в порядке, фуража и продовольствия хватало. Это не удивляло – Проэмперадор Севера не просто имел право вздернуть хоть бы и губернатора, он показал, что настроен более чем серьезно, а чиновники предупреждают друг друга об опасности не хуже крыс.

² Магазины – продовольственные и вещевые склады, предназначенные для обеспечения армии.

Армия преодолела две трети пути за пару недель, пора было поворачивать. Из Бергмарк сообщали, что, по всем признакам, Фридрих вместе с гаунау готовится ударить по перевалам, чтобы обойти Ноймаринен с востока. Весенняя кампания не обещала быть легкой...

За стеной зашумело, раздался голоса. Это мог быть Савиньяк, а мог быть гонец или выдернутый из войск офицер, но Давенпорт зачем-то одернул мундир.

– Хорошо, что вы тут, – соизволил одобрить вошедший маршал. – Соберите совет.

Савиньяк стянул перчатки и прошел к столу. На светлых даже для северянина волосах таяли снежинки, полетевший на скамью плащ был мокрым. Следом за маршалом вошел начальник штаба и почти вбежал трактирщик с дымящимися кружками. В ноздри ударил запах специй, и Чарльз поспешно щелкнул каблуками, стараясь думать не о гроге, а о деле. Что-то начиналось. Что-то наконец начиналось!

2

Фигурки, приближавшиеся по снежной равнине к дальнему берегу Хербсте, казались игрушечными солдатиками. Капитану Джильди они не нравились; вернее, не нравилось, что их так много.

– Вы полагаете правильным отправляться на переговоры вдвоем? – с деланным безразличием осведомился фельпец, разглядывая ползущих по снежному блюду букашек. – Дриксов несколько десятков, мало ли что взбредет им в голову. Не хотелось бы подвести герцога Ноймаринена и оставить адмирала цур зее в плену.

О том, что отправляться со связанными руками в Дриксен ему хочется еще меньше, Луиджи решил не упоминать. Барон Райнштайнер доводы спутника выслушал вежливо и еще более вежливо посоветовал:

– Оставьте свои южные опасения, господин Джильди. Предательство во время переговоров нам не грозит. Преступления варитов, хоть и приводили в прошлом к чувствительным бедам, – грубее и проще. Дриксы могут напасть без объявления войны, но не когда дело касается возвращения их пленных. Конечно, если вам неприятно не ощущать за спиной поддержку хороших мушкетеров, вы можете вернуться к отряду. В таком случае вам придется всецело положиться на меня.

– На вас иначе, чем всецело, полагаться невозможно, – улыбнулся Луиджи. – Я не поверну. Мне хочется взглянуть на ваших варитов вблизи.

– Вариты не могут быть моими, – не преминул уточнить бергер, – и я не думаю, что от их вида вы получите удовольствие, но любознательность следует удовлетворять. Осторожнее, придержите коня... Этот берег весьма крут; во время весенней кампании это принесет нам пользу, но сейчас будьте внимательны.

На лед спустились без приключений, и Джильди совершенно не к месту вспомнил, что Хербсте не только широка, но и глубока. Доверять замерзшей воде получалось не лучше, чем варитским традициям, а ползущие навстречу солдатики все росли. Луиджи уже различал офицеров, мушкетеров и еще кого-то трехцветного и крупного.

– Фельсенбург, – пояснил барон, хотя его и не спрашивали. – Напоминаю, что молодой Руперт является главной ценностью вашей сделки.

– Я помню, что я – жадный, – заверил Луиджи, чувствуя, как к нему стремительно возвращается отменное настроение – вариты и в самом деле не собирались пускать в ход численное превосходство. От основной группы отделилось двое всадников, одним из которых был трехцветный Фельсенбург. «Гуси» шагом направились навстречу талигойцам. До невозможности похожий на бергера офицер остановил тяжелого жеребца в шаге от Луиджи. Костистое лицо дрикса казалось ужасно серьезным, а к шляпе прицепился непонятно откуда взявшийся

сухой листик. Это было смешно, и фельпец с трудом подавил неуместное хихиканье. Сверкнуло солнце, шаловливый ветерок осыпал съехавшихся всадников снегом.

– Генерал Южной Армии Его Величества Готфрида Хельмут Гутеншлянге. – Владелец листика говорил на талиг. – Уполномочен командующим Южной армии принцем Бруно присутствовать на переговорах о взаимной передаче пленных.

– Командор Райнштайнер, – отчеканил бергер. – Уполномочен присутствовать на упомянутых переговорах от имени регента Талига. Представляю вам капитана Луиджи Джильди, находящегося на постоянной службе у собрано Кэналлоа.

– Представляю вам доверенное лицо дома Фельсенбург. – Генерал указал взглядом на трехцветного великана. – Граф Йоганн фок Ахтентаннен – двоюродный дядя Руперта фок Фельсенбурга.

– Я доставил предварительно оговоренную сумму. – Дородный граф сразу же приступил к делу. – Герцог и герцогиня фок Фельсенбург испытывают надежду, что выдвинутые условия остались неизменными.

– Разумеется, – заверил Джильди и тут же вспомнил, что уроженцу Великого Фельпа следует проявлять больше жадности.

– В таком случае, – торжественно объявил Гутен-кто-то там, – полагаю правильным произвести обмен следующим образом. Люди графа фок Ахтентаннена доставляют на середину реки выкуп. Люди капитана Джильди его забирают и пересчитывают. Когда капитан Джильди убедится, что выкуп внесен в полной мере, Руперт фок Фельсенбург перейдет реку. Затем с двух берегов одновременно начинают движение адмирал цур зее Кальдмеер и захваченные во время осеннего наступления офицеры армии Талига. Пленные встречаются на середине реки, где находимся мы с господином Райнштайнером. Если все проходит благополучно, в чем лично у меня не возникает никаких сомнений, стороны подтверждают совершение обмена и возвращаются каждый к своему берегу.

– Это разумно и обоснованно, – согласился бергер. – Представляемая мной сторона согласна.

– Проверка выкупа потребует определенного времени, – поднял флаг деловитости Луиджи. – Сегодня ветрено, господа. Не стоит ждать результатов пересчета на открытом пространстве.

– Как вам будет угодно. – Если за вежливостью скрывалось презрение к жадному южному неженке, дрикс сумел его скрыть. Райнштайнер слегка приподнялся в стремени, Гутен-кто-то там ответил тем же, и договаривающиеся стороны благополучно разъехались по собственным следам.

– Вы намерены пересчитывать выкуп? – осведомился Райнштайнер.

– Я намерен не портить вам игру, – рассеянно откликнулся Джильди, любясь синими тенями на снежном ковре. Зима заканчивалась, а Джильди так к ней и не привык. Холод фельпец переносил неплохо, но вот снега... Они то завораживали звездным блеском, зажигая в душе неведомую доселе радость, то давили свинцовой безнадежностью, то пугали безумной пляской... Стоило выглянуть солнцу, и Луиджи было не согнать с крепостных стен, зато в непогоду он забивался под крышу, как какой-нибудь воробей. Так, по крайней мере, утверждал Вальдес, настроение которого в последнее время менялось раз по шестнадцать на день. Джильди не сомневался, что адмирал торчит в резиденции регента из-за Кальдмеера, но Ротгер даже не вышел к отъезжающим. Адмирал цур зее и его адъютант покинули Старую Придду в сопровождении чопорного Райнштайнера и двух десятков солдат. Не считая жадного фельпца, разумеется.

– Я объявлю пленным о достигнутой договоренности, – нарушил молчание барон, и Луиджи обнаружил, что они почти приехали.

– Что? – Утренний отъезд отчего-то не давал покоя. – Вы не думаете, что Вальдесу следовало быть с нами?

– Наличие среди нас адмирала, пользующегося совершенно определенной репутацией, – принялся объяснять бергер, – заставило бы дриков искать в сделке скрытый смысл.

– Можно подумать, что сейчас его не заподозрят. Вы полагаете «гусей» безмозглыми?

– Сейчас подозрения останутся в головах тех, кому неприятно видеть Олафа Кальдмеера в Эйрехте. – Другой пожал бы плечами или махнул рукой, другой, но не Райнштайнер! – Странники Фридриха будут говорить, но им нечего сказать. Вы довольны теми солдатами, которые сегодня будут вашими матросами?

– Если они не заговорят. Жаль, я не догадался захватить с собой хотя бы Варотти. Это мой бывший боцман. Теперь он тенъент и мечтает разогнать дуков и посадить в Фельпе короля.

– Очень своевременно, – одобрил планы Уго барон. – Нужно быть очень дурным королем, чтобы быть хуже очень хорошего Совета. Но мы не решили, кто объяснит пленным подробности обмена.

– Все равно. Вряд ли возникнут сложности.

Луитджи ошибся, сложности возникли, и какие!

– Я отказываюсь, – звенящим голосом объявил ценный фок Фельсенбург. – Я перейду Хербсте только с моим адмиралом или вслед за ним.

– Руппи, – Кальдмеер казался очень уставшим, – перестань. Не все ли равно...

– Нет! Это... это унижительно для вас! Я не дам никому ставить... ставить деньги выше... чести и доблести!

– Лейтенант, – в голосе Райнштайнера прорезалось нечто вроде укоризны, – вы нарушаете субординацию. Вы не можете обсуждать решение генерала.

– Я его не обсуждаю, – пошел на abordаж Руппи, – я ему не подчиняюсь.

– Это приказ, – бесцветным голосом напомнил Кальдмеер. – Не следует начинать возвращение с нарушенного приказа, даже если он тебе неприятен.

– Если я нарушаю приказы, – уперся родич кесаря, – то делаю это осознанно!

– Похвально, что вы усваиваете не только уроки фехтования. – Ойген очень пристально посмотрел на упрямого лейтенанта. – Я полагаю, господин фок Фельсенбург, что вы имеете значительный шанс встретить на родине шутников, которые спросят, чему вас научил плен. И вам следует показать, чему и насколько успешно.

– Приложу все усилия. – Руперт покраснел, но почему, Луиджи не понял. Кальдмеер, видимо, тоже. – Господин адмирал, вы можете... вы можете списать меня с флагмана, но я вас не оставлю. Господин командор, я требую, чтобы господин Кальдмеер перешел Хербсте первым!

– Руперт! – Кальдмеер слегка повысил голос. – Приказываю вам... доложить генералу Гутеншлянге о моем скором прибытии и встретить меня на середине Хербсте. Исполняйте!

– Слушаюсь, господин адмирал цур зее, – отчеканил строптивец. Олаф тронул шрам на лице и уставился куда-то вдаль. Вспомнил предупреждение Бешеного или просто голова болит?

– Сперва я должен принять выкуп, – бодро объявил Луиджи. – Пожалуй, пора его встречать, иначе какой же я, к кошкам, фельпец?

– Господин Джильди, – скучным голосом объявил Райнштайнер, снимая с седла нечто завернутое в парусину, – подождите. Прошу вас засвидетельствовать, что я возвращаю господину Кальдмееру его шпагу. Поскольку господин Кальдмеер оказался на вашем судне в бессознательном состоянии и решение о сдаче в плен было принято не им, принадлежащее ему оружие по закону Марикьяре возвращается хозяину. Эномбрэдастрапэ!

– Эномбрэдастрапэ! – Луиджи, позабыв обо всех варитах и приличиях мира, уставился на адмиральский клинок. Очень простой. – На «Акулу»... адмирал цур зее попал без шпаги!

– Шпага была найдена по приказу вице-адмирала Вальдеса. – Бергер счел возможным почти улыбнуться. – На борту «Ноордкроне».

Узнавать подробности Луиджи счел излишним. Костры на вершине Хексберг и крылатые бестии, пляшущие среди насмерть схватившихся кораблей, были тем, что фельпец хотел выбросить из памяти навсегда. Другое дело, что, если б это удалось, Луиджи почувствовал бы себя несчастнейшим из людей, хоть и вряд ли понял бы причину...

– Капитан Джильди! – напомнил Райнштайнер. – Вы свидетель того, что оружие возвращено.

– Я – свидетель, – отчетливо произнес фельпец.

– Прошу... – чужим голосом произнес Кальдмеер. – Прошу передать адмиралу Вальдесу мою благодарность.

– Обязательно, – заверил Ойген Райнштайнер.

Медленно, словно не веря своим глазам, адмирал цур зее протянул руки к вернувшейся из небытия шпаге. Руппи подозрительно шмыгнул носом, и Луитджи едва не последовал его примеру.

3

– Разъезды гаунау и, похоже, дриков перешли каданскую границу и расположились в малолюдной приграничной местности, – холодно сообщил Проэмперадор. – С местными пастухами гости не ссорятся, их цель – обнаружить наши разъезды. Тем не менее Реддинг утверждает, что его люди вернулись в Талиг незамеченными. Надеюсь, всем ясно, что означают эти сведения?

Было ли ясно набившимся в жарко натопленную комнатку шестерым генералам и семейным полковникам, Чарльз бы не поручился, но лично у него сомнений не имелось. В Гаунау узнали, что Савиньяк пошел на Олларию. Благие вести должны были достичь Липпе к тому времени, когда, упершись в очередной провал, маршал повернул войска. Хайнрих с Фридрихом сочли отсутствие Северной армии подарком судьбы и совместными усилиями родили план: пока глупые талигойцы бегают туда-сюда, теряя больных и уставших, умные гаунау обойдут горы, ударят по надорским городам из Каданы и отойдут. Глупые талигойцы начнут стягивать войска к каданской границе и оставят Бергмарк без помощи, что, в свою очередь, оставит без помощи регента и развяжет руки Дриксен. Великие стратеги не сомневались, что подвоха из разбитой Каданы никто не ждет, но вот беда – еще в начале зимы на границу и даже за нее ушли многочисленные разъезды. Лионель Савиньяк желал знать обстановку на всех направлениях, не исключая ни одного. Командовавший «фульгатами» полковник Реддинг полностью разделял желания маршала. Теперь разведчики вернулись.

Офицеры молчали, ожидая разрешения Проэмперадора. Проэмперадор тоже молчал, откинувшись на спинку единственного в комнате кресла. За две недели марша устали все, но, похоже, отдыха не предвиделось. Савиньяк чуть ослабил узел шейного платка и обвел взглядом собравшихся. В Северной армии это означало – «можете говорить».

– Обман, – выразил общую мысль Хейл-старший. – Гаунау хотят отвлечь нас от удара по бергерам и заставить раздробить силы. Айхенвальд, что скажете?

– Мы не можем себе этого позволить, – неторопливо поддержал командующего кавалерией командующий пехотой. Длинноносый генерал всю жизнь служил Талигу, но так и остался бергером. – Господин маршал, у нас тридцать тысяч человек и шестьдесят одна пушка. Этого слишком мало даже для одной кампании. Приграничьем придется временно пожертвовать.

– К нам идут подкрепления, – напомнил генерал Фажетти. – Часть из них может прикрыть каданскую границу.

– Две-три тысячи пехоты и четыре тысячи конницы, – бергер с жалостью посмотрел на южанина, – это несерьезно. Нам следует не поддаваться на обман и продолжать движение к перевалам для соединения с союзниками. Это очевидно.

– В том числе и Фридриху. – Бэзил Хейл отвесил издевательский поклон розовой рамке и сник, нарвавшись на ледяной взгляд отца.

– Горячность тоже бывает права. – Лейдлор надел генеральскую перевязь даже позже Фажетти, но держался, словно ветеран Двадцатилетней войны. – Полковник Хейл, насколько я понимаю, против банальных решений. Я с ним согласен. Предлагаю открыто выступить навстречу Фридриху и скрытно свернуть на Бергмарк.

– Лучше усилить приграничные гарнизоны, – не согласился начальник артиллерии, – и выдвинуть разъезды ближе к границе.

– Разъезды, господин Эрмали, – тонко улыбнулся Реддинг, – хороши, когда армия не дальше чем в двух днях пути.

– А разве «фульгаты» до сих пор не умеют летать? Непорядок...

– Господа, сейчас не время шутить. В Гаунау не могли не узнать о нашем возвращении...

– Но не о дальнейших передвижениях!

– Это ничего не меняет. Мы всего лишь движемся в сторону границы, имея возможность повернуть как на запад, так и на север.

– Каданцы не рискнут поддержать Фридриха сейчас...

– Вот именно сейчас и рискнут!

– От Северной армии Талига ожидают бдительной охраны каданской границы и подкидывают приманку, чтобы приковать к месту...

Генералы и полковники спорили. Савиньяк внимательно и вежливо слушал, так внимательно и вежливо, что Давенпорт, будь он генералом или полковником, раскрыл бы рот разве что под пыткой. Желание убраться из Северной армии в очередной раз подняло голову, чтобы тут же опустить. Это виконт Валме может уходить и приходить, как ему хочется, выбирая маршалов и место службы. Марсель не ждал приказа, когда ждать было нельзя, не удирал, когда следовало вернуться, не держал под уздцы одинокую заиндевевшую клячу, не смотрел в провал, еще вчера бывший увенчанной замком горой...

– Господа, – черные глаза Савиньяка вновь прошлись по разгоряченным от огня и спора лицам, – благодарю за ценные советы. Приказ уже подписан. Утром вверенная мне армия форсированным маршем двинется в Кадану. Я мог бы ограничиться этим, но считаю необходимым развеять ваши опасения. Нынешнюю войну со стороны Гаунау и Дриксен, в первую очередь – Дриксен, ведут политики, а политики думают иначе, чем военные. Им нужна не столько победа над Талигом, сколько поражение собственных противников в собственном доме.

Принц Фридрих не заинтересован в успехе ненавидимого им принца Бруно. Что ожидает «Неистового» в случае успешного вторжения в Бергмарк и Ноймаринен? Затяжные бои в горах с кровными врагами варитов. Бруно же в это время на равнинах Марагоны и Придды будет разыгрывать свой перевес в силах. Перевес, обеспеченный тем, что принц Фридрих с тестем оттянут ноймарские и бергерские резервы на себя. Вся слава после захвата Марагоны достанется Бруно, а его высочество не получит ничего. Нет, на такое Фридрих не пойдет. Другое дело – обходный марш и захват Северного Надора.

Прошу вас внимательно посмотреть на этот портрет. Полковник Хейл, что будет с всадником, который в таких обстоятельствах и таким образом попытается усидеть на такой лошади?

– Рассветные Сады будут, – хмыкнул Бэзил, – только художникам этого не объяснишь.

– Художники рисуют то, за что им платят. – Савиньяк тронул рукой розовую рамку и в свою очередь ухмыльнулся. – Этому художнику платили не за лебедя, а за Ворона. В понимании Фридриха, разумеется. Отсюда и вздыбленный мориск, и шпага... Не вина художника, что

у принца только две руки; будь их шесть, в них были бы и пистолеты, и дамы. Фридрих играет в Алву, только лошадь, на которую он хочет сесть, не нарисованная.

– И вообще не лошадь, а олень, – шепнул Чарльзу Бэзил. – Ну да тем веселее...

Младший Хейл был от Проэмперадора в восторге, Чарльз приятеля не разуверял, а спорить на совете и вовсе было глупо.

– Правильно ли я понимаю, – уточнил Айхенвальд, – что, по вашему мнению, дрикс намерен повторить саграннский маневр герцога Алва?

– Он не будет повторять сам маневр, он попробует изобразить гения неожиданности. – Маршал отодвинул портрет, издевательски блеснули изумруды. – Вместо того чтобы, сковывая силы Ноймаринена, помогать Бруно, Фридрих прикроется ложной активностью на границе с Бергмарк и ударит по Надору из Каданы. В Изонийских предгорьях мы его перехватим. Там дриксы будут меньше ждать нападения, да и снега там, в отличие от равнин, тают позже, распутица еще не начнется. Кроме того, из Каданы проще и быстрее перенести боевые действия в Гаунау.

– А если все-таки обман? – Байард Хейл имел обыкновение сомневаться, когда все решено, и идти напролом, когда другие сомневаются.

– Тогда, – снизошел до ответа Проэмперадор, – наш форсированный марш через Кадану застанет союзников врасплох и вынудит отказаться от первоначальных намерений. Нанести сильный удар по бергерам в этом случае Фридрих не успеет, но он не Бруно, и это – не обман.

– Остается один вопрос, – очнулся старик Лецке. Беднягу по осени вытащили из теплого замка и назначили сперва генерал-интендантом, а затем военным губернатором Северного Надора, но когда-то Лецке был вице-экстерриором, объявление войны. Сначала мы должны заявить протест Кадане и...

– Мы ничего никому не должны! – Савиньяк бешено сверкнул глазами, напомнив Ворона и Октавианскую ночь. – Коль скоро каданцы не могут воспрепятствовать дриксам передвигаться по своей территории, пусть пеняют на себя. Господа, совет окончен.

Глава 4

Старая Придда

400 год К.С. 10-й день Весенних Скал

1

Большая комната вновь стала чужой, внизу ждали лошади и солдаты – баронесса Сакаци отправлялась в Хексберг. Ей прислали платья, обувь, меха и украшения, нашли женщину для услуг и сказали, что среди воинов ничтожной не место. А где оно, это место? Отцовский дом мертв, Сакаци пуст, дворец Первородного полон лжи, так не все ли равно, куда пойдут чужие кони? Последуй Мэллит за мертвым, она бы спала в зеленом озере и ничего не помнила. Как мудры были враги названного Альдо и как глупы достославнейшие! Первородный не знал жалости. Он лил слова, как воду, и топтал сердца любящих, как скот топчет кормящие его травы. Если бы она могла сказать обманувшему, что имя его величию – тень! Если б могла вернуть свою кровь и убить свою память!

– Госпожа баронесса. – Красивая беловолосая женщина ласково улыбалась. Она родила пятерых сыновей, и все стали воинами. – К вам полковник Придд, а вы не причесаны!

Повелевающий Волнами? Зачем ему ничтожная? Названный Валентином привез Мэллит туда, куда обещал, так для чего он здесь? Разве возчик навещает доставленную поклажу, даже если защищал ее от грабителей и укрывал в непогоду?

– Госпожа баронесса, я пришел проститься. – Первородный был одет для войны. Пепел и фиалки исчезли под черными камнями и белым снегом. В этом сердце нет и не будет весны, но нет в нем и тления.

– Мой путь начинается вновь, – негромко сказала Мэллит, – присланные тем, кого зовут регентом, позаботятся обо мне.

– Я был счастлив служить вам. – Повелевающий Волнами не торопился уходить. Внуки Кабиоховы любят длинные разговоры и смутные слова. Они не скажут «не люблю», но «нам не быть вместе». Они поднесут яд, но будут оплакивать не убитого, а себя...

– Ничтожная не слепа. – Мэллит провела рукой по кое-как стянутым на затылке локонам. – Морская вода не станет вином, сколько ни говори о ее сладости. Не нужно лжи, она острее иглы и кислей уксуса.

– Мне трудно следить за вашими мыслями, баронесса. Я сожалею, что вас постигло разочарование, но проходит все, кроме смерти.

Баронесса...

– *Нам следует поторопиться, баронесса...*

– *Позвольте представить вам баронессу...*

– *Позвольте откланяться, баронесса...*

У дочери Жаймиоля больше нет своего имени, но чужого она не хочет! И еще она не хочет жалости.

– Я не баронесса, герцог Придд, – старательно произнесла Мэллит. – Я – гоганни и хочу вернуться к своему народу. Но я знаю – меня не отпустят, потому что названный Альдо – враг регента и многих первородных. Это ваша война, но ничтожная... Лучше бы я умерла раньше своей любви и не взглянула в глаза своей ненависти. Вы идете воевать за своего господина против Альдо Ракана. Ваш путь прост и ясен, так оставьте ничтожную... Оставьте меня без вашей учтивости. Вы сделали, что обещали герцогу Роберу. Вы свободны от неприятной обузы.

– Вы заблуждаетесь, сударыня. – Лед в глазах, лед в словах, лед за окнами. Кругом один лишь лед, а эти люди называют белый холод весной! – Я еще не выплатил свои долги и, что самое неприятное, не вернул чужие.

– Чужие долги взимают дурные ростовщики, – прошептала Мэллит, вспоминая слепой синий взгляд и отказавшееся повиноваться тело. – Я должна вам, но я не просила в долг.

– Сударыня, – названный Валентином смотрел не на нее, а на свою руку, – я не дал выходцу вас увести, но я вижу, что жить вы не желаете. Прежде чем уйти, я обязан сказать вам одну вещь. Если ваша обида и допущенная по отношению к вам несправедливость окажутся сильнее... Что ж... Я сделал все, что мог.

– Ничтожная слушает. – Слова – как дождь. Они погасят костер и не наполняют бездну.

– Я еще не любил, – сказал первородный, – и я потерял хоть и много, но далеко не все. Я не вправе вас поучать, но у меня был старший брат. Однажды ему показалось, что смерть лучше жизни, и он решил умереть. Ему не позволили. Мой брат был... очень раздосадован. Тем не менее со временем он понял, что хочет жить. Разговор с ним мог бы вам помочь, но, к несчастью, Юстиниан погиб. Его убили.

Брат оставил мне свои долги, которые я намерен рано или поздно отдать. В том числе и долг человеку, заставившему Юстиниана по достоинству оценить жизнь. Я рассказываю вам об этом ради слов, которые мой брат услышал от своего старшего друга. Чтобы вы не подумали, будто они принадлежат мне.

Бывает так, госпожа баронесса, что на тебя ополчится само мироздание. Не потому, что ты виновен или плох, и не потому, что ненавидят лично тебя. Просто мир устроен так, что тебе не жить, как ты того хочешь. Это плохо, страшно, несправедливо, но это не повод не жить вообще. Не повод ненавидеть всех, кому не больно. Не повод заползти под корягу и ждать, когда за тобой придут. И уж тем более не повод не быть собой! Мироздание – это еще не мир,

а предсказание – не судьба! То, что пытается нами играть, может отправляться хоть в Закат! Мы принадлежим не ему. Мы сами из себя создаем смысл нашей жизни, как жемчужницы создают перламутр. Из боли, из раны, из занозы рождается неплохой жемчуг, сударыня, и он принадлежит нам, а не тому, что нас ранило.

...Ровная стена, нетронутый снег и рассвет, розовый от ночной крови.

– Откуда у вас Адрианова эспера? – Вот и все, что спросил названный Валентином у той, кого удержал на краю. Бежали и суетились мужчины, кричали женщины, клялись в том, что не сомкнули глаз, стражи, но Повелевающий Волнами велел всем замолчать, и они замолчали. Тогда Первородный приказал седлать коней.

– Утешавший не желавшего жить был мудр и добр, но что он знал о смерти любви?

– Он не был добр. – В полных серебра глазах доброты тоже нет. – Он был честен и хотел помочь. И еще ему не нравилось, когда человек уступает судьбе. Желаю вам доброго пути, баронесса. Надеюсь, ваше нынешнее путешествие окажется приятней предыдущего.

2

Обед затянулся, как затягивался всегда, когда дела позволяли регенту не только перекусить, но и поболтать с доверенным сотрапезником, а не доверенных Ноймаринен за свой стол не пускал, даже если это грозило осложнениями. Встречи, переговоры, подачки – пожалуйста, но из одной плошки со свиньями волк не ест. Так повелось с Манлия, и обычай этот оказался сильнее и эсператизма, и оллариянства.

– Как молодой Придд? – Рудольф передвинул тарелку с остатками яблочного пирога и обстоятельно стряхнул с мундира крошки. – Не удивляешься собственному выбору?

– Радуюсь, что успел, – усмехнулся Жермон. – Еще пара дней, и Придда ухватил бы Райнштайнер. Вы представляете, что со временем получил бы Талиг?

– Примерно, – кивнул герцог. – В старшем сыне Вальтера от Гогенлоэ было куда меньше.

– Я графа Васспарда не знал. – Жермон с трудом припомнил слухи о сбежавшем в Торку тенъенте, которого то ли конь понес под пули, то ли собственная глупость.

– Алва таскал его за собой, пока дураку не захотелось жить. Со временем из Юстиниана вышел бы толк. – Рудольф поморщился. Может, вспомнил о чем-то неприятном, а скорее всего, заболела спина.

– Я тоже намерен таскать Придда с собой. – Смотреть на пироги просто так Ариго не умел и, хоть и был сыт, откромсал себе немалый кусок. – Снег стал синим, господин регент. Мне пора к Хербсте.

– Не торопиться? – Регент потер поясницу и поднялся, начиная очередной поход от стены до стены. Послеобеденная беседа переросла во что-то важное и едва ли приятное.

– Бруно мешкать не станет, – пожал плечами Жермон. В том, что скоро начнется, он не сомневался. – У него все готово, дело за весной. Дриксам нужно перейти Хербсте и закрепиться в приречных городках. Время поджигает, поджигают и сторонники Фридриха, деваться фельдмаршалу некуда.

– Не веришь, что кесарь уймется?

– С чего бы? – усмехнулся Ариго. – Кальдмеер с адъютантом уговорят?

– Не сейчас, но кое-что Готфрид запомнит, а дальше поглядим. Если Рамон с Вальдесом загонят «гусей» на берег, Лионель схватит за хвост Фридриха, а Эмиль – Дивина, кесарь задумается.

– Если фок Варзов к этому времени не окажется в шкуре адмирала цур зее, – уточнил Жермон. – Перейти Хербсте непросто, но я бы взялся.

Тяжелые шаги, сутулящиеся плечи, седой затылок... Рудольф все еще возьмет на рога тину кабана и согнет подкову, но как же он устал!

– Взятся бы, говоришь?

– За всем берегом не уследишь – не крепость, – подтвердил Ариго. – Рано или поздно что-то да проморгаем...

– Решил – поезжай, – невпопад откликнулся регент и снова потер поясницу, – все равно ведь не успокоишься.

– Не успокоюсь.

Рудольф, тот умел ждать, но Жермону перед войной в четырех стенах становилось тесно. Он не любил драться «вслепую», предпочитая лично представиться каждому пригорку. Эта привычка раз за разом спасала генералу жизнь, а однажды едва не отправила к праотцам. Сорвавшийся с гор камнепад чудом не похоронил проводящего рекогносцировку Ариго вместе с разездом. Было это перед самым восстанием Окделла, и Жермон до сих пор не знал, кто столкнул первый камень – незадачливая косуля или человек.

– Вальдес с Джильди уезжают, – прервал молчание регент. – Надо проводить. Гоганни я отправляю с ними. В Хексберг выходцам хода нет.

– Думаете, Борн вернется?

– Вряд ли, но гоганские премудрости для меня – темный лес. – Рудольф явно думал о чем-то равно далеком и от рыженькой девушки, и от переправы. – Вальдес сводит малышку на гору, а там видно будет...

– Я генерал, а не торговец, – бестолково пошутил Ариго, – я в гоганах не понимаю.

– Тебе и не нужно, – усмехнулся регент и остановился. – Что думаешь обо мне и фок Варзов, генерал?

– Монсеньор? – поперхнулся пирогом Жермон. – Как это?..

– Вольфганг старше меня, а я еще регент, но уже не Первый маршал, – размеренно произнес Ноймаринен. – Старые кони хороши, но не когда нужно скакать галопом от заката до заката. Ты уверен, что мы справимся? Отвечай, ты уже все проглотил.

– Вы – регент, – пробормотал Ариго, – фок Варзов – маршал Запада... Он знает Бруно...

– А Бруно знает его, – с непонятой злостью бросил Рудольф. – Для топтания на месте оба подходят лучше не придумать, но за Бруно по-прежнему кесария, а что дышит в спину нам, я и думать боюсь. Нужно успеть перервать дриksam горло и обернуться – нет, не к Ракану... Он что, блоха на собаке. А вот собака – бешеная.

– Придд в этом лучше понимает, – признался Жермон, – я в нечисти дурак дураком.

– А я с тобой не про Надор с Роксли говорю. И не про выходцев! – прикрикнул герцог. – Нам нужно отделать Бруно не хуже, чем Рамон отделал Кальдмеера. Вольфганг на это способен? О том, что у Альмейды было двадцать кораблей форы и внезапность, знаю не хуже тебя. Как и о том, что, даже выскреби я все, что можно, фора все равно будет у Бруно.

– У нас здесь нет лучшего маршала, чем фок Варзов, – с отчаяньем произнес Жермон, – только вы.

– А ты? – Глаза регента стали еще жестче. – Ты, часом, не лучше? Кто про переправу заговорил?

– Этого мало... Я – сносный генерал. – Жермон поймал взгляд Рудольфа и махнул рукой. – Ладно, я – хороший генерал. Я могу держать перевалы, командовать авангардом, аррьергардом, рейдом по чужим тылам, наконец, но я никогда не водил армии. Я не Алва и не Савиньяк.

– Алвы тут нет, – отрезал Рудольф, – а единственный из находящихся в моем распоряжении Савиньяков не одну шляпу съест, пока тебя догонит. Если догонит. Я никогда не спешил себя хоронить, а Вольфганга – тем более, но наше время уходит. Невозвратно. Мы еще хороши, если за нами Талиг, но не для схватки с Дриксен один на один. Не знаю, видит ли это Бруно, я вижу.

– Отзовите Лионеля, – предложил Ариго, сам понимая, что несет чушь: на командующем Северной армией висело слишком много. Отозвав Савиньяка, Рудольф к осени получал большие неприятности в Бергмарк и, весьма вероятно, в самом Надоре. – Я бы мог поехать на каданскую границу.

– Ты бы еще в Варасту собрался, – скривился Рудольф. – Знай я, чем все обернется, я б тебя еще осенью в Надор определил. С приказом пусть не наступать, но обороняться на своей территории. На то, чтоб держать медведя за уши, тебя точно хватит, но в Олларии ты бы не справился.

– Да, – кивнул Жермон, – врать и вешать я не умею.

– В любом случае мы опоздали, – махнул рукой Ноймаринен. – Лионель, даже выдерни я его, прибудет не раньше, чем через пару-тройку месяцев, а принимать армию, что Северную, что Западную, в ходе боев – не дело!

– Вот видите! – непонятно чему обрадовался Жермон. – Если я не понял такой простой вещи...

– То обдумай на досуге другую простую вещь. Хватит считать других умней себя. Ты давно не тенъент, Жермон Ариго. И потом, боюсь, сейчас ты в моей армии – лучший...

Двадцать лет назад он мечтал о таком разговоре. Как же мерзко порой сбываются мечты...

– Монсеньор, – отчеканил Ариго, – я знаю себе цену. Вольфганг фок Варзов не просто опытнее меня. Он талантливей и умней. Я сделаю все, чтобы помочь вам и ему, но мне вас не заменить.

Рудольф просто устал. Смертельно, до одури, до головокружения. Подготовка кампании вымотала регента до предела, а тут еще нечисть, Хайнрих и проклятые землетрясения! От такого любой почувствует слабость, но это пройдет. Старый волк еще покажет зубы...

– Генерал Ариго! – Голос Рудольфа стал жестким. – Вам поручается оборона Хербсте. И потрудитесь ошибиться скорее поздно, нежели рано.

– Да, монсеньор! – с облегчением выпалил Жермон. – Разрешите выехать утром.

– Бери Райнштайнера, и отправляйтесь. – Регент вновь мерил шагами потертый ковер. – Наш разговор можешь подзабыть. До худших времен.

3

Повелевающий Волнами не вышел на порог. Зачем? Он все сказал, и слова его были горячи и остры. Они могли очистить рану, но не излечить. Тот, о ком говорил Первородный, захотел жить, но его убили, значит, он был опасен. Если б тот, кто топчет души любящих, захотел смерти Мэллит, как хотел смерти названного Удо, ничтожная бы боролась. Ее жизнь стала бы ее мстью и ее ответом, но ее забыли. Все, даже первородный Робер.

Свеча не может гореть вечно, это и отличает ее от звезды. Счастливые зажигают в сердцах других звезды, ничтожной Мэллит это не дано. Ее огоньки умирают, едва вспыхнув, а дорога вьется и вьется... Из Агариса в Сакаци. Из Сакаци – в город Первородного. От осколков любви к бликам смерти и дальше, к холодному морю, где не будет ни Повелевающего Волнами, ни усталого регента. Только чужие и равнодушные, но она поедет. Люди севера не знают слова «нет».

– Госпожа баронесса, я счастлив сопровождать вас. – Этого воина, красивого и молодого, Мэллит видела дважды. Еще один возчик на пути поклажи. Он будет столь же честен, что и Валентин, и столь же рад сбросить груз.

– Я благодарю вас, господин...

– Джильди. Капитан Луиджи Джильди из Фельпа, – подсказал еще один человек. Мэллит помнила и его, он все время улыбался и ходил так, словно слышит песню.

– Я благодарю и вас, господин...

– Ничтожный Ротгер к услугам прекраснейшей. – Черные глаза уже не улыбались – смеялись. – Так уж вышло, что на этот раз вы достались брүнетам. Вас это не пугает?

– Нич... ничего страшного, – едва не оговорила Мэллит, стараясь не глядеть на навязанных регентом спутников. – Не надо обо мне беспокоиться.

– Сударыня, – смеющийся не собирался прерывать забавлявший его разговор, – я беспокоюсь исключительно о благе Талига, и то лишь тогда, когда рядом нет того, кто делает это солидно. Например, Райнштайнера или регента. Вы не желаете, кстати, с ними проститься?

Вежливость первородных требовала учтивых слов. Мэллит свела брови, припоминая, что следует говорить, но регенту Талига вряд ли понравится заученное в Ракане.

– Я желаю герцогу Ноймаринену и всем близким его пребывать в добром здравии, – наконец нашлась гоганни, – и благодарю за кров и помощь.

– В Хексберг вы будете в безопасности, – седой герцог смотрел на ничтожную и улыбался, но глаза его были суровы, – а в дороге вас будет защищать адмирал Вальдес.

– Ой, буду! – Названный Ротгером выхватил пистолет. Гроыхнуло. Растущая на карнизе ледяная гроздь со звоном упала на камни. – Видите, герцог, я уже начал.

– И чем же грозила нашей гостье покойная сосулька? – Стоявший рядом с регентом генерал улыбнулся.

– Она могла напасть. – Вальдес убрал пистолет. – Ледышки так коварны, особенно когда начинают таять. Командор Райнштайнер подтвердит.

– Подтаявший лед ненадежен, – командора Райнштайнера нельзя не бояться и нельзя забыть, – но это вина солнца. Сударыня, вы заслуживаете счастья, это очевидно. Желаю вам встретить того, кто заслужит вас.

– И это все, что вы можете сказать весной красивейшей девушке этого замка? – Снег ушел из-под ног, небо качнулось, став синее пронизанных светом сапфиров. Серебром зазвенел умирающий от любви лед. – Я уношу баронессу, господа! Таких женщин, если вы еще не поняли, надо носить на руках. По радуге и обратно. Жаль оставлять вас без прекрасного, но вы его недостойны, так что ступайте и займитесь чем-нибудь скучным.

– Адмирал Вальдес. – Голос Райнштайнера, звон капли, солнечные лучи. Почему ей не холодно? Не страшно? Не стыдно? – Неужели вы решили внять советам вашего дяди?

– Почему бы и нет? Дядюшка Везелли дает их столько, что какому-нибудь внемлешь обязательно. Командор, я прослежу за исполнением баронессой вашего распоряжения. Оно не только своевременно и справедливо, но и совершенно восхитительно...

Глава 5

Ракана (б. Оллария)

Хербсте

400 год К.С. 18-й день Весенних Скал

1

Приехал Орельен, привез письмо. В плоской гайифской шкатулке розового дерева, украшенной герцогскими ласточками и короной. Племяннику генерала-адуана следовало еще неделю прохлаждаться в «Красном баране», наслаждаясь обществом прекрасной подавальщицы, но Шеманталь-младший знал, что такое служба. Ради нее он расстался не то что с усами – с дамой сердца – и в сопровождении дюжины почти урготских гвардейцев понесся в столицу.

Предъявив у Ворот Роз подписанную почти Фомой подорожную, посланец проскакал почти уже не столичными улицами и осадил коня у посольского особняка.

О срочном послании его величества доложили немедленно. Принимавший гостей граф Ченизу изысканно, но торопливо извинился и поднялся из-за стола. Он удалялся в свой кабинет, оставляя дорогих гостей в обществе откормленных орехами и сливами поросят и присланной Капуль-Гизайлем лунной форели. Граф умолял его не дожидаться, но обещал вернуться сразу же по прочтении. Гости вежливо вдыхали восхитительный аромат – они все понимали, разделяли и не возражали. За Марселем последовал лишь Котик. Верный варастиийским традициям пес принес желудок в жертву долгу. Господин посол едва не прослезился, но в последний момент сдержал неуместный для мужчины и дипломата порыв.

Бросив самоотверженному волкодаву пряник, граф Ченизу открыл футляр, в котором, как и следовало ожидать, возлежало короткое письмо «Фомы» и длинное – «Елены». Шеманталь честно переложил оба послания в основное отделение из потайного, куда их сунул Марсель, отправляя в «Урготеллу» очередного гонца. Мимоходом подосадовав на стражников, так ни разу и не вскрывших дипломатическую почту, посол вытащил украшенную опалом булавку и плавно отвел в сторону перышко в раздвоенном хвостике нижней ласточки, зажимая смертоносные иглы. Двойной нажим на клюв, и инкрустированная пластина сдвинулась. Писем Валме не ожидал – папенька и Дьегаррон предпочитали передавать приветы на словах, – но в этот раз в потайном отделении что-то белело. Что-то запечатанное одним из отцовских перстней. Старый греховодник стал неосторожен. Лишенный наследства отпрыск укоризненно покачал головой, бросил косящемуся на дверь Котику очередной пряник и прочел:

«Злодеяния Мтсараха-Справедливица были превзойдены в первый день Весенних Скал текущего года. Море сперва стало красным, а затем – грязным, остается уповать на то, что к осени зубаны его очистят, но грехи врагам Талига отпустить больше никому. Дурные вести верны и неотвратимы; к счастью, в распутицу они не летают, но ползают. Создатель, храни Талиг».

Хранить короля папенька не просил ни Создателя, ни сына. Граф писал левой рукой и был предельно краток, да и что тут добавишь? То, что шады подняли алые паруса не для красоты, было ясно еще зимой, хотя сотни краснокрылых кораблей, входящих на рассвете в бухту, – это красиво. Марсель с детства любил батальные полотна, но почему Агарис? Никто не сомневался, что первыми станут дожи, а вторыми – гайифцы. Что ж, мориски оказались правоверней, чем о них думали.

– Померанцевое море загадили, – тоскливо сообщил Марсель покончившему с угощением псу. – Кардиналами и, возможно, самим Эсперадором. Ты понимаешь, что это значит?

Котик не понимал и, в отличие от господина посла, имел на это все права. Увы, граф Ченизу сидел в Оллари не для того, чтоб завиваться и носить пристежное пузо, и даже не для того, чтоб продлевать существование Сузы-Музы, хоть это и забавляло... У него было дело. Неизбежное, страшное, мерзкое, и продолжать с ним тянуть становилось невозможно.

Марсель не воздел к небу руки и не возопил. Он даже не присвистнул, а просто сунул в огонь записку, прикоснулся к вискам пробкой от духов, расправил манжеты и неторопливо спустился к живо обсуждавшим достоинства форели гостям. Они почти ничего не успели съесть. Даже выздоровевший наконец кагет.

– Господин Карлион, – обратился полномочный посол герцога Урготского к главному церемониймейстеру Великой Талигойи, – я получил долгожданные известия и хотел бы незамедлительно донести их до сведения его величества. К счастью, курьер встретился с моим гонцом до того, как достиг опасных земель. Мой соотечественник был столь беспечен, что путешествовал один и мог оказаться добычей адуанских разбойников.

– Могу ли я узнать подробности? – засуетился Карлион. – Я немедленно еду...

– О нет, – Марсель изящно расправил салфетку, – я вам ничего не скажу до конца обеда. Ваше общество слишком приятно, чтобы его лишаться, а дело... Оно терпит. Мой герцог и ее высочество Елена всего лишь просят передать его величеству их письма.

– Так выпьем за ласточку Ургота! – вскочил с места Тристрам. – За ласточку, щебет которой несет в Талигойю весну!

– О да, – торопливо подхватил Бурраз-ло-Ваухсар, – за ласточку, которая скоро станет розой! Прекрасной розой на груди его величества.

– Пусть весна принесет в Талигойю любовь и радость!

– Так и будет!

Под столом, напоминая о своих законных правах, твякнул Котик.

2

Больше всего Руппи бесила салфетка. Ослепительно белая, с аккуратной, вышитой коричневым шелком монограммой, она доблестно защищала фельдмаршальский мундир от капель и крошек. Вежливость Бруно и его офицеров была такой же – накрахмаленной, жесткой и украшенной малюсенькой короной. Не дай Создатель, кто-то заподозрит, что сии достойные господа не до конца уверены в победе и не в полном восторге от венценосного Готфрида и его доблестного родственника Руперта фок Фельсенбурга, перенесшего в плену невыносимые испытания.

Доблестный родственник аккуратно, не торопясь, жевал и глотал сочной свинину, запивал старым алатским, отвечал на вопросы, улыбался и вспоминал Шнееталья с Бюнцем. Капитан «Весенней птицы» утверждал, что сухопутные продувают кампанию за кампанией, потому что слишком много жрут и слишком много врут. Адольф был сдержанней, но не скрывал того, что в море если и утонешь, то в воде, а не в раздорах и циркулярах.

Прибытие Бермессера с Хохвенде лишь сплотило Западный флот вокруг его командующего. Стоило любимцам Фридриха войти в кают-компанию, как им давали понять, что моряки не собираются плясать под чужую вольнку. За столом Бруно сидело восемь человек, и каждый был не за Дриксен и не за кесаря, а сам за себя. Кроме Олафа, разумеется. Поменяйся Ледяной с фельдмаршалом местами, он бы... Он бы так или иначе показал, что рад возвращению если не друга, то соратника и не допускает мысли, что тот не исполнил свой долг. Бруно предпочел отгородиться крахмальными салфетками, безупречно начищенным серебром и штабными офицерами, среди которых могли затесаться дружки Хохвенде. Разумеется, позволить себе беседу наедине с вернувшимся из плена адмиралом командующий Южной армией не мог, но есть взгляд, улыбка, тон разговора, наконец. Бруно вел себя с Олафом, словно чужой, хотя они и были чужими.

Дядя кесаря и отдавший себя не Готфриду, а Дриксен и морю сын оружейника могли стать не более чем союзниками против Фридриха, а союзников, которым не повезло, покидают. На суше.

– Как вы нашли талигойцев, господин Кальдмеер? – с вежливым равнодушием осведомился фельдмаршал. – Они не растеряли боевой пыл без своего непобедимого кэналлийца?

– Насколько я мог заметить, не растеряли, – в тон хозяину ответил Ледяной.

– Очень жаль, – посетовал Бруно, – но дурное самочувствие не способствует наблюдательности. Возможно, мой внучатый племянник заметил больше вас?

– Весьма вероятно. – Олаф внимательно посмотрел на адъютанта. – Руперт, фельдмаршал желает знать ваше мнение о талигойцах.

– Они настроены на войну, господин фельдмаршал, – с удовольствием доложил Руппи и мстительно добавил: – Насколько я мог судить, среди высших талигойских офицеров нет

фигур, равных господам Бермессеру и Хохвенде. Вашу армию ждет ожесточенное сопротивление.

– Твердая земля не располагает к мечтам, – произнес худой генерал с седыми висками. – Мы начинаем кампанию с открытыми глазами и понимаем, что против нас сосредоточена сильная армия, которой командуют сильные генералы. К счастью, мы можем быть уверены, что во время решающего сражения к противнику не подойдут резервы, по численности превосходящие его изначальные силы.

– Вам повезло, господа. – Руппи широко улыбнулся. – То есть я хотел сказать, что вам повезет, если вы и впредь будете смотреть собственными глазами, а не глазами назначенных в орлы кротов. И вам повезет еще больше, если к вам не приедут лягушки с полномочиями...

– Руперт, – негромко попросил Олаф, – не увлекайтесь землеописанием. Вряд ли господам офицерам интересны кроты и лягушки.

– Прошу прощения, – Руперт поймал взгляд генерала с седыми висками и внезапно понял, что если тут и есть друг, то это он, – я желаю нашим хозяевам не столкнуться с подобными... гадами. Они весьма неприятны.

– Но они здесь водятся, – седой обернулся к красивому кавалеристу, – не правда ли, фок Хеллештерн?

– У реки не может не быть лягушек, – вмешался в беседу Бруно, – но зимой гады спят, а я намерен форсировать Хербсте до того, как они проснутся. Руппи, вы не желаете при этом присутствовать? Спор Дриксен и Талига будет нами решен этим летом раз и навсегда.

– Наследнику Фельсенбургов это было бы полезно, – очень спокойно произнес Ледяной. – Вы видели море, Руперт. Посмотрите, как воюют на суше.

– Господин фельдмаршал, я признателен за оказанную честь. – Такой разговор можно вести только стоя, и Руппи встал, чувствуя на себе чужие взгляды. Очень разные. – К сожалению, я не могу воспользоваться вашими родственными чувствами, как бы мне того ни хотелось. Мой долг, слово, данное морякам «Ноордкроне», и справедливость требуют моего присутствия в Эйнрехте.

О том, что он не променяет Ледяного и на дюжину Бруно, Руппи вежливо умолчал.

3

– Его величество Альдо Первый ожидает посла великого герцога Урготского, – плохо обструганным голосом объявил Мевен. Гимнет-капитан столь сильно давил в себе презрение к однокорытнику, что оно выступало из ушей и ноздрей. Бедняга, он, как и все северяне, не видел, как давят виноград, хотя должны же они что-то у себя там давить. Дриксенцев, например, или какую-нибудь чернику.

– Благодарю, мой друг, – томно протянул граф Ченизу, вplывая в брезгливо распахнутые двери. Предстоящие деяния урготский посол жевал и пережевывал до тошноты. Пока все шло как по маслу. Марсель угадал даже со временем – ради выгодной женитьбы его величество пожертвовало послеобеденными раздумьями, пожертвует и другим. И другими.

– Мы рады вновь видеть вас, – изрек истомившийся жених. – Письма из края ласточек несут весну, а ее нам сейчас не хватает. Кроме того, мы намерены вручить вам жезл почетного судьи турнира Сердца Весны. Мы даем его в честь прекраснейшей из принцесс.

Марсель застыл в приличествующем случае поклоне. Два месяца в столичной дикости свое дело сделали – граф Ченизу больше не проверял надежность пуза и не путался в староновых начинаниях. Сердце Весны вместо Талигойской Розы стало очередным перевертышем. На то, чтобы переименовать затеянный Франциском в честь своей Октавии ежегодный турнир, Альдо хватило, но сменить день ниспровергатель Олларов не догадался.

– Я безмерно польщен. – Валме растерянно хлопнул ресницами. – Безмерно, но я... Я дурной знаток благородного рыцарского искусства. Я, знаете ли, никогда не испытывал тяги к древности и даже не знаю, что носят почетные распорядители, а мои портные... Они весьма добросовестны и именно поэтому не могут работать быстро.

– Пустое, – снисходительно утешил хранитель древних обычаев, на сей раз влезший во что-то вроде маршальского мундира, но без перевязи и слишком короткого. – Никто не требует от вас надевать доспехи и браться за меч или секиру. Чтобы судить о мастерстве участников, довольно книг и гравюр. Мы пришлем вам несколько выписок и подборку рисунков с пояснениями. Уверяю вас, этого достаточно, а наши портные весьма расторопны. С вас сегодня же снимут мерку, но не раньше, чем мы закончим беседу. Карлион утверждает, что нас ждут хорошие вести. Это так?

– Ваше величество... – Присевший было посол вскочил и приложил руку к сердцу. Вышло слегка по-кагетски. – Я уполномочен передать вам письмо, запечатанное, помимо Большой государственной печати, личной печатью его величества Фомы, а также послание ее высочества Елены. Тайное послание. Моя принцесса просила одного из придворных кавалеров догнать гонца его величества, чтобы вручить ему письмо. Оно адресовано мне, поскольку ее высочество, согласно этикету, не может писать коронованным особам, минуя своего царственного родителя. Ваше величество, если об этом узнают, мне... Мне придется...

– Мой друг... – Альдо Ракан поднялся. Высочайшая длань шмякнулась на плечо Марселя, и виконт пожалел, что не носит накладного горба. – Мой дорогой друг... Тайна, доверенная дамой, священна для эория. Не бойтесь, мы не забываем оказанных нам услуг и не предаем тех, кого любим и кто нам верен.

– Ваши письма, ваше величество. – Марсель едва не преклонил колено, но рассудил, что это будет слишком. – Разрешите мне удалиться.

– Нет-нет, – не согласился Ракан, – останьтесь. Вам придется выпить с нами вина в честь принятия должности Судьи турнира. Садитесь же, мы приказываем.

Марсель сел. Альдо углубился в письма. Как и положено жениху, он начал с розового. Прочитал. Перечитал. Отложил. Взялся за послание Фомы. Оно было коротким, хотя стоило Марселю куда больших усилий, чем переделка списанных с дневников Юлии чувств в горестный шестистраничный вопль. С герцогским письмом граф Ченизу провозился до рассвета, но получилось достойно. Виконт заслуженно гордился переходом от заверений в дружбе к сожалениям о невозможности скрепить оную узами брака.

«...трудно переоценить преимущества, которые получил бы Ургот в случае заключения союза с Великой Талигойей, – писал Марсель Валме, то есть, простите, Фома, – однако в голодный год золото падает в цене, а зерно растет, но голод не столь страшен, как войны. Первейший долг государя – уберечь своих подданных. К несчастью, Ургот не обладает армией, способной отразить посягательства презревших Золотой Договор держав. Перед угрозой гайифского и бордонского вторжения нашей единственной защитой является армия, предоставленная в наше распоряжение согласно договору, заключенному с Фердинандом Олларом. Маршал Савиньяк скрупулезно выполняет все пункты соглашения, в том числе и указанные в попавших к нему в руки секретных приложениях. Соответственно, урготская сторона не может их нарушить, не рискуя потерять лояльность командующего.

Не могу передать степень нашего отчаянья, но в нашем нынешнем положении мы вынуждены жертвовать блестящим будущим во имя спасения настоящего, залогом чего станет союз маршала Савиньяка и нашей старшей дочери. Мы испытываем глубочайшую уверенность, что Вы, Ваше Величество, сделаете счастливой любую избранную Вами девушку и вскоре позабудете скромную красоту наших дочерей. Увы, долг государя превыше отцовской любви...»

Альдо отложил письмо и задумался, выпятив подбородок. Подобное выражение было у виконта Кведера, когда он собрался убить ростовщика. Марсель время от времени жалел, что выручил проигравшегося однокорытника деньгами, помешав злу уничтожить зло. Что бы ни проповедовали священники о равной угодности Создателю голубя и змеи, Валме полагал живоглотов весьма сомнительным украшением вселенной. Сам он, впрочем, с ростовщиками не путался, предпочитая добывать деньги у папеньки или с помощью пари. На первый взгляд, заведомо проигрышных.

Зашелестело. Его величество опомнился от удара и вновь взялся за письмо «Елены». По пятнам от соленой воды Валме узнал четвертую страницу. Главную. Ту, ради которой все и писалось. Королевская челюсть выпятилась сильнее обычного, и у Марселя застучало в висках – дойдет ли? Вчера скрытый меж строк выход казался очевидным, но на смену вдохновению всегда приходит сомнение. Сомнений в том, что Ракан перемахнет хоть через Создателя, хоть через Леворукого, давно не осталось, только поймет ли красавец теперь уже в синих штанах, где перемахивать?

Альдо Ракан смотрел на закапанный соленой водой лист и думал. Марсель кусал губы и почти молился. Он еще не отдавал приказа убийцам, а своими руками убивал только в Фельпе и еще на дуэли, но это было несерьезно. Убивать самому, за себя и для себя нетрудно, а вот для дела... Папенька, тот играл в жизнь и смерть, как в кости. Любопытно, каково ему пришлось в первый раз? Кажется, он убрал кого-то из Приморской Эпинэ. Или все-таки из Марана?

– Граф, вы оказали нам неоценимую услугу! – очнулся венценосец. – Мы и наша будущая супруга – ваши вечные должники.

Альдо Первый Ракан милостиво улыбался, но ноздри его раздувались, как у почуявшей кровь гончей. Герой и повелитель разобрался в девичьем лепете и принял решение. Единственное для себя возможное. Единственное возможное для Алвы. Единственное возможное для Марселя Валме и, наверное, для Талига, как бы пошло это ни звучало. Посол Ургота вздрогнул и торопливо изобразил восторг:

– Я счастлив служить вашему величеству!

О судьбе Надора и Роксли виконт старался не думать, все равно в Валмоне остались одни астры. Братья – в армии Дорака, отец мутит воду вместе с Рафиано, мать разделяет одиночество герцогини Колиньяр... Потерю цветочков мир и папенька переживут, а слуги, случись что, успеют уйти. Не станут же они сидеть и ждать конца под собачий вой! Догадались в Роксли, догадаются и в Валмоне.

– Мы вынуждены взять с вас клятву молчания. Радость должна стать неожиданной. Мы сами опишем его величеству и ее высочеству, разумеется, умолчав о вашей роли и о роли помогавшего... нашей несравненной Ласточке дворянина, но пока ни слова, мой друг! Вы меня поняли? Ни единого слова!

– Клянусь своей верностью вашему величеству и... ее высочеству.

– На турнире Сердца Весны мы объявим о нашей помолвке. – Сине-золотая ручища вновь опустилась на плечо. – И помните, мы говорили только о судеюстве.

– Я передал письма, – напомнил Марсель, – это известно многим.

– Да-да, – отмахнулось занятое не своими замыслами величество. – Вы передали письмо, а мы пригласили вас судить наших рыцарей... У вас прекрасная память, и вы так предусмотрительны. Мы рады, что вы наш друг и союзник.

– О, – с чувством подтвердил граф Ченизу, – это столь же верно, как то, что я – посол его величества Фомы при Талигойском дворе.

Глава 6
Ракана (б. Оллария)
Кадана
400 год К.С. 20-й день Весенних Скал

1

Зима ушла, но весна напоминала вернувшуюся осень. Позднюю, продрогшую. Лишенная красок Ракана то скрывалась за снежной пеленой, то попадала во власть тумана. Пустые улицы и площади нагоняли тоску, а низкие облака, растрепанные деревья и пятнистые от сырости стены делали город неопрятным. Ричард знал что, по крайней мере его собственный двор выметен дочиста, но ненастье сводило усилия слуг на нет. Особняк словно бы тонул в холодной грязи. На душе было не лучше.

Дикон сам не понимал, что вынуждает его часами простаивать у окна, глядя на вершины тополей и мокрые крыши. Шел четвертый месяц одиночества, хотя первые полтора о беде никто не знал. Жизнь катилась своим чередом, только без Надора. Колокол ударил в начале Зимних Молний. Вестниками беды стали вояки Робера, везшие письмо об отсрочке свадьбы и подарки для Айрис, но до цели не добравшиеся. Дорога обрывалась у превратившегося в чудовищный провал озера. Отряд попытался его объехать и едва уцелел – огромный кусок берега на глазах солдат оторвался от кромки обрыва и рухнул в пропасть, дно которой скрывала мгла. О том, что внизу вода, южане узнали лишь по раздавшемуся плеску, и даже после этого ведущий южан Дювье не повернул. Вторая дорога уперлась в скальную стену, третья – в перекореженный лес...

Больше недели отряд метался между дрожащих гор, но все тропы вели в никуда, и сержант вернулся. Его рассказ герцог Окделл выслушал, не перебивая; вопросов юноша тоже не задавал. Это сюзерен и Робер что-то спрашивали и очень много говорили о том, что разрушенная дорога – еще не разрушенный замок. Они говорили, а Дикон словно вживую ощущал скальную дрожь, слышал гул обвалов, видел разорванный пополам вековой дуб, меж корней которого змеилась трещина...

Двуногое дерево не отпускало. Оно вздымало корявые руки к пустому небу, словно проклиная, а небо было то серым, то ослепительно синим, и тогда в нем появлялась одинокая черная птица. Это не было сном – снов Ричард Окделл больше не видел, их заменяло воображение, с которым юноша не мог ничего поделать. Непрошенные утешители во главе с Карлионом кивали, вздыхали, шевелили губами, а Дикону виделся похожий на человека ствол и одинокий ворон в бездне света. Однажды юноша произнес эти слова вслух и лишь по удивленным глазам собеседников понял, как это нелепо. Пришлось что-то врать про поселившегося в Нохе хищника. «Хищников», – поправил Лаптон, а Мевен фальшиво засмеялся и пообещал, что все будет хорошо. Тогда Дик еще бывал во дворце, а доброжелатели наперебой рассказывали про Роксли, где, без сомнения, нашли приют застигнутые землетрясением и куда сюзерен отправил гонцов.

Прошло еще две недели, гонцы вернулись, и Альдо объявил траур. Когда именно стряслась беда, в Ракане так и не узнали. Это могло произойти в любой день после двадцать третьего дня Зимних Скал, когда матушка дописала свое последнее письмо, а внук старого Джека вскочил на коня и миновал так и не приведенный в порядок мост. Сам Ричард не сомневался, что, когда письмо добралось до Раканы, мать была уже мертва. Потому-то он и бросил исписанные листы в огонь в тщетной попытке заглушить раздавшийся из небытия голос.

Теперь Дикон отдал бы все, чтоб вернуть письмо, но остывший пепел давным-давно выгребли. Письма не было, как и надежд на то, что кто-то уцелел. Матушка, Наль, сестры, слуги, солдаты – все они погибли, когда гора, не выдержав собственного веса, вместе с замком провалилась в наполовину иссякшее подземное озеро. То, что случилось с Надором, случилось и раньше. Мэтр Шабли говорил, что именно так появилось Алатское озеро. И не только оно...

Юноша провел рукой по волосам и заставил себя отвернуться от привратницкой, над которой мотался траурный флаг, от сырости казавшийся черным. Матушка вечно твердила, что ее похоронят по-эсператистски, и Дикон не захлопнул двери перед явившимся с утешениями Левием, хотя тот и был лицемерным негодяем. Притворное сочувствие вызывало бешенство, но Повелитель Скал терпел, отвечал на письма, принимал визитеров в сером и пытался осознать, что семьи у него больше нет. Той самой семьи, от которой он мечтал избавиться! Матушка никогда не приедет в Олларию, не станет требовать невозможного и прилюдно поучать сына. Наль не станет краснеть и мяться, собираясь сказать очередную глупость. Айрис больше никого не оскорбит. Их нет и больше не будет. Герцог Окделл свободен, но свобода казалась страшной и ненужной.

Дышать становилось все труднее. Горящие, несмотря на то что лишь слегка перевалило за полдень, свечи расплывались в маленькие желтые луны, а с портрета глядел отец. Он ушел раньше всех, ушел честно и гордо, оставив свое имя и свое дело сыну. Память матери требовала молитв, икон, запертых дверей, серых флагов. Память отца взывала к долгу. Ричард подошел к конторке и, не задумываясь, написал на плотном желтоватом листе:

«Мой государь, я оплакиваю и буду оплакивать свою потерю вечно, но сейчас не то время, когда герцог Окделл может предаваться горю. Смысл моего существования – служение великой Талигойе и ее анаксу, а приближающаяся война не позволяет ждать окончания эсператистского траура. Я верю не в агарисские выдумки, но в истинных богов и их наследника и избранника. Я прошу моего государя располагать мною и готов исполнить любое поручение...»

2

Все сильнее отставали обозы, в том числе и артиллерия, все больше становилось обессиленных, отставших, заболевших. Даже среди «Старых псов» Вайспферта, не говоря о северных надорцах, добрая треть которых нюхала порох лишь на ученьях. Коннице приходилось немного легче – бóльшая ее часть в марше на Олларию не участвовала. В столице ждали две с половиной тысячи кавалеристов-перебежчиков, и Проэмперадор Севера решил побережь лошадей для неизбежного весеннего перехода. Савиньяк не просто оставил Хейла на прежних квартирах, он выдвинул кавалерию поближе к границе, к Дальнему Лараку. Робби Дир, бывший однокорытник Чарльза, оставаясь без Олларии, был вне себя, но решение оказалось верным. Неверных решений за маршалом Чарльз вообще не замечал, разве что нынешний бросок наперерез Фридриху мог оказаться просчетом. Резкость и холодность Проэмперадора бесили, но Давенпорт предпочел бы, чтобы гонка по еще заснеженным холмам не стала ошибкой. Савиньяка Чарльз переносил с трудом, но для Талига было бы лучше, окажись прав маршал, а не те, кто предлагал идти в Бергмарк. Поворачивать, впрочем, было поздно. Каданская граница осталась за спиной три дня назад.

Разведчики Реддинга вели авангард в обход крупных сел и тем более укрепленных городов. Терять время на каданцев и выдавать себя раньше времени Савиньяк не собирался. Изучив карты и выслушав донесения, маршал решил форсировать славящуюся своим норовом Изонис выше Ор-Гаролис и перехватить Фридриха в каком-нибудь ущелье, не дав выбраться в предгорья. Поторопившись, можно было выйти на исходные позиции заранее, выгадав день-два на столь необходимый отдых. Бэзил, тот в успехе не сомневался, а вот Давенпорту было неуютно, особенно когда торные талигойские дороги сменились каменистыми тропами.

Дело было не в отсутствии магазинов и не в том, что Савиньяк нарушал все что можно и нельзя. Изонийское плоскогорье слишком напоминало Старый Надор, чтобы думать о чем-нибудь, кроме зимнего кошмара. За каждым поворотом Чарльзу чудилась заиндевевшая кляча, оказавшаяся гонцом беды. Давенпорт боялся не дриков, а полной тумана бездны, над которой, забыв и о войне, и о том, как их сюда занесло, топтались алые гвардейцы Эпинэ и черно-белые кавалеристы Бэзила. В царстве неожиданной смерти живых швыряет к живым. На грани небытия места недоверию нет.

Они пытались найти дорогу, увязали в снегу, переходили на шепот вблизи нависавших над головами камней, замирали на краю трещин. Люди пытались идти вперед, кони отказывались. Все, кроме приبلудного короткохвостого жеребца. Южане узнали эту лошадь – она была из надорских конюшен. Это давало надежду, и они кружили вокруг бывшего замка и бывшего озера. Сверкал снег, чернели скалы, сияло солнце. Все было таким же неисправимо мертвым, как и здесь, – дальняя, похожая на диадему гряда, равнодушная синь над головой, глухие, не весенние снега, сквозь которые тянулась ниточка жизни... Тысячи муравьев на ладони вечности.

– Капитан Давенпорт! – Подлетевший драгун вряд ли думал о чем-либо, кроме войны. – Вас требуют... Сами требуют. Срочно!

Никогда еще Чарльз не бросался с такой прытью на зов начальства. Любой приказ, любой выговор, любая резкость, что угодно, только не это сводящее с ума сверканье.

3

«Герцогу Окделлу. Приказываю тотчас по получении сего прибыть во дворец. Ты мне очень нужен, Дикон, так что хватит отлынивать. А.Р.».

Государь жил стремительно. Отвозивший письмо во дворец надорский гвардеец опередил королевского курьера не более чем на час. Надорский гвардеец... Эти слова все еще вызывают боль, но отречься от имени нельзя. Надор есть и будет. Надор и Надорэа! Повелители Скал вернут отобранное эсператистами имя и отстроят замок среди других утесов. Возможно, в осиротевшем Лараке или нынешнем Красном Манрике, где нет предательских озер и промытых водой пещер, о которых рассказывал мэтр Шабли. Скалы не могут доверять Волнам – предательство Валентина было знаменем, но его не понял никто.

Негромкий кашель камердинера заставил оглянуться. Джереми бы просто окликнул господина, в каком бы настроении тот ни был. Насколько же солдатская прямота лучше лакейской вкрадчивости!

– Ваше платье, монсеньор. Разрешите помочь...

Траурный камзол в услужливо протянутых руках. Слово Спрута раздели! Узкая черно-золотая оторочка ничего не меняет: серое тянется к серому, напоминает о рясе Левия и о крысе из Лаик... Не нужно было загадывать на смерть твари, а загадав, следовало добить. И проверить. Попросить Катершванцев сдвинуть мебель и посмотреть во всех углах. Арамона ничего бы им уже не сделал – ведь они покидали Лаик навсегда.

– Конь монсеньора оседлан, – доложил второй лакей. Все слуги, по распоряжению дядюшки Карлиона, надели серое, но Ричард Окделл не слуга, а Анггеран не Повелитель.

– Принесите парадную одежду. И поторопитесь.

– Слушаюсь, монсеньор.

Ни удивления, ни возражений. Лакею все равно, что наденет господин, лишь бы платил и защищал. Простолюдины думают только о себе, да и среди эориев дальше своего носа видят единицы. *«Ты мне очень нужен...»* — написал Альдо. Это не просто слова – у сюзерена остались только Скалы и Молнии, но Робер после покушения едва таскает ноги и не верит ни в победу

Раканов, ни в собственное предназначение. Нет, Ричард Окделл не вправе отсиживаться за спущенными шторами, он возвращается к своему анаксу. Возвращается в строй.

Отец бы понял сына, а матушка... Она была слишком эсператисткой, чтобы принять Великую Талигойю. Создатель герцогине Окделл был дороже мужа, сына, самих Скал... Матушка не сняла бы траур, даже рушья мир, а Золотую Анаксию, скорее всего, прокляла. Осуждать, не понимая, проще, чем идти вперед.

Слуги мешкали, и Ричард раздраженно дернул шнур звонка. Письмо Альдо словно сорвало прилипшие к ране повязки, вернув боль, а вместе с ней жажду жизни и жажду дела. Казалось странным, что он почти два месяца просидел в четырех стенах, не видя даже снов. Еще утром Ричард тоскливо считал дни до истечения траура, не зная, чем заполнить казавшийся бесконечным досуг; теперь каждая уходящая минута была на вес золота.

4

Савиньяк спешил не напрасно. Нацелившиеся на дальнюю разведку «фульгаты» едва не столкнулись с легкими дриксенскими кавалеристами, и произошло это не так уж и далеко – всего в паре дней пути. «Гуси» явно занимались тем же, что и талигойцы, только было их на порядок больше. Люди Реддинга не дали себя обнаружить, но подобраться к чужой армии поближе они не смогли.

Судя по месту, где были замечены вражеские разъезды, Фридрих или кто-то из его генералов нацелился на тот же мост, что и Савиньяк. Выходило, что обе армии движутся сходящимися маршрутами по разным берегам Изонис, причем дрикссы оказались куда расторопней, чем ожидалось.

– Примите мои извинения, господин Проэмперадор. – Подъехавший одновременно с Чарльзом Айхенвальд слегка наклонил голову. – Я недооценил наглость Фридриха. Не представляю, сколько договоров он нарушил, и ради чего? Его рейд нисколько не облегчит положение Дриксен и Гаунау на главном театре, тогда как удар по Бергмарк...

Серый в яблоках мориск Савиньяка выгнул шею, косясь на бергерскую гнедую. Несмотря на усталость, кони чуяли весну, это люди думали о войне.

– Вы слишком солдат, чтобы понять принца, а я решительно склоняюсь к тому, что мы имеем дело именно с ним. – В отличие от Айхенвальда и самого Давенпорта Савиньяк был спокоен. – Спокойно, Грато! Уймись... Норман, напомните мне принятые в дриксенской армии порядки. На какое расстояние у них принято выдвигать дозоры при марше?

Давенпорт тоже мог напомнить, но маршал предпочел спросить генерала. Айхенвальд, правда, не ответил, вернее, ответил по-своему:

– Мы вынуждены петлять вдоль берега, дрикссы идут прямой дорогой. – Лошадиное лицо бергера было угрюмым. – Они достигнут Ор-Гаролис уже послезавтра, скорее всего, еще до вечера. На следующий день к полудню переправа завершится. Мы не успеем подойти вовремя, кроме того, наш подход обнаружат – на прибрежной дороге армию не спрятать. Нам не только не удастся перехватить их в горах, как было задумано, внезапного нападения не получится вообще. Самым разумным будет ускоренным маршем вернуться в Талиг и встретить дрикссов у Альмины. Туда следует спешно стянуть все, что находится в нашем распоряжении.

– Вот как? – рассеянно переспросил Савиньяк, шаря взглядом по каменной диадеме на горизонте. – Признаться, Фридрих меня удивил. Не ожидал я от него такой прыти... Что ж, на крыльях зависти летают даже каплуны. Хейл, Хеллинген, вы уже знаете?

– Знаю. – Начальник штаба многословием не отличался. – Принимать бой в таких условиях неразумно, к тому же солдаты измотаны переходом. Я поддерживаю план генерала Айхенвальда. Для чего-либо иного у нас слишком мало сил.

– Семнадцать тысяч пехоты, семь – кавалерии, и еще три пехотных полка и один кавалерийский в арьергарде, – напомнил своему жеребцу маршал. – Для кагетов – много, для Бруно – мало, для Фридриха в самый раз. Давенпорт, записывайте: «Полковнику Стоунволлу. Присоединить к своему полку полк Росбека, конноартиллерийскую батарею Хауге и с ними немедленно выступить к Ор-Гаролис. Раньше времени себя не обнаруживать. Атаковать дриксенские дозоры только тогда, когда на подходе появится авангард Фридриха или если будет слышен шум сражения. В обоих случаях следует отбросить вражеское охранение, спешиться, подтянуть артиллерию и удерживать мост. На другой берег всерьез не рваться, но желание такое продемонстрировать, создавать впечатление, что мост нам нужен для переправы...» Записали?

– Пишу, господин маршал.

– Пишите быстрее. Основные обозы вместе с больными и уставшими и вся тяжелая артиллерия остаются здесь, под охраной полковника Смайса, одного полка будет достаточно. Все остальные – к Изонис. Будем переходить вброд, у Проца это возможно. Сегодня переправимся, завтра ускоренным маршем двинемся наперерез. Коротким путем, через холмы. Там меньше дня пути.

– Люди не выдержат. – Хейл даже не пытался скрыть сомнений.

– Люди выдержат, – отрезал Проэмперадор, – лучше подумайте о лошадях. Давенпорт. Приказ генералу Эрмали – полковые пушки и повозки с боеприпасами тащить хоть на руках, но не бросать. При попытке бросить оружие – расстрел на месте.

– Господин Проэмперадор, – голос Айхенвальда стал торжественным, – значит, мы принимаем бой?

– Нет, господин генерал, – по губам Савиньяка скользнула шальная улыбка, – не принимаем. Даем.

5

Дэвид Рокслей поздоровался, отвел глаза и отошел. У него никто не погиб. Обитатели Роксли успели уйти. Большею частью на север, но самые смелые пробрались в Ракану. От них все и узнали...

– Ричард! Как чудесно! – Громкая радость Лаптона была неприятней стыдливой отчужденности Дэвида. – Как же давно я тебя не видел!

– «Вас», – холодно поправил Ричард. – Мы с вами не родичи и не пили брудершафта.

Лаптон оглянулся и глупо хихикнул. Из кабинета Альдо вышел Карваль и, не глядя на придворных, скрылся в сумрачной анфиладе. Ричард только сейчас вспомнил, что коротышка с выражением сочувствия так и не приехал. Едва ли не единственный из занимавших видное положение. Это было достойней лживых утешений, но выглядело оскорблением, на которое придется отвечать. Не сейчас, когда окончатся траур и войны.

– Герцог Окделл, – провозгласил дежурный гимнет, – государь ждет вас. Дорогу Повелителю Скал!

Знакомо стукнули тяжелые створки, запахло горячим вином и специями. Альдо, не поднимаясь с места, кивнул на золотистый кубок.

– Пей. На улице холодно... Я не привык к таким веснам. Хорошо, что ты очнулся. Я, признаться, уже собирался тебя вытаскивать. Мы не можем долго страдать, Дикон. Даже по самым близким.

– Все было бы иначе, если бы я... – Матушка погибла, потому что сын не желал слушать поучений, но доверить это даже сюзерену язык не поворачивался. – Если бы я вызвал их всех сюда.

– Прекрати считать себя более виноватым, чем ты есть, – Альдо стукнул ладонью по столу, – и более любившим. Не надо преувеличивать свои потери. Я понимаю, почему ты себя

грызешь, но будь честен – ты же Вепрь, а не Спрут. Вспомни своих родичей. Честно вспомни, без эсператистских посмертных слюней. Такими, как ты их расписывал в Сакаци. Такими, как ты их нашел здесь. Ты мне врал, когда говорил о Надоре?

– Нет! Но...

– Все «но» приписала смерть. – Альдо скомкал какую-то бумагу и швырнул прямо на пол, он часто так делал. – Даже не смерть, а эсператисты. Эти крысы превращают мертвых в святых, а нас – в вечно виноватых. Им нравится заставлять нас ползать на брюхе перед гробами и просить прощения. Не столько у покойных, сколько у своего Создателя. Только мертвые не становятся правыми от того, что умерли. Я не знал твою мать, но сестру и кузена видел... Будь они живы, хотел бы ты их иметь в своем доме? Хотел бы ты, чтобы герцогиня Окделл была рядом с тобой, рядом со мной, рядом с советом эориев? Каждый день, с утра до вечера?

Ричард не хотел, но они снились в ту ночь, когда пришло письмо. Если б только он их вывез... Но тогда он бы возненавидел!

– Окделлы не врут, – усмехнулся Альдо, – эсператисты не говорят о мертвых плохо. Ты эсператист или Окделл?

– Альдо...

– Молчи уж, твое надорское преосвященство, а я буду каяться во грехах. Я люблю Матильду, до сих пор люблю, хоть она меня и предала, но я рад, что бабка сбежала. Она так и осталась алаткой и не понимает, не желает понять, для чего я был рожден. А твоя матушка? Вдова Эгмонта должна быть на виду, но она – эсператистка, а у нас тут Левий... Этот мерзавец уже подмял Катарину Оллар. Ладно, это анаксия переживет, а если б под оргán заплясала герцогиня Окделл?! Ты представляешь, что бы началось? А твои сестры... Мне их жаль, Дикон. Ужасно жаль, но у Робера и без Айрис глаза на мокром месте, а мозги набекрень. Повелительница Молний не должна быть дикой кошкой. Эория – тень своего мужа, а не его позор. Стала бы твоя сестрица тенью бога или бросалась бы на всех с кулаками?

– Не знаю, Альдо... Я ничего не знаю! Я готов был убить Айри... Я не хотел, чтобы матушка приезжала, привозила Эдит...

– И был прав, – отрезал сюзерен. – Я знаю, я жесток и говорю жестокие вещи, но я не эсператист. Я – анакс и отвечаю за этот мир. За весь, а не за какое-то герцогство или поместье. Я не могу позволить себе врать избранным и не могу позволить избранным ничего не делать, когда из двадцати фамилий можно опереться едва ли на пять. Потому-то я с тобой так и говорю. Плачущий Повелитель Скал, сомневающийся Повелитель Скал, кающийся Повелитель Скал не нужен ни мне, ни анаксии.

Нас не могут подчинить враги, но нас подчиняют родичи. Особенно старшие. Они считают себя вправе навязывать нам друзей, невест, союзников, богов, наконец! Особенно опасны женщины. Истинные боги не зря лишили их силы – они знали, что делали. Ты представляешь, что бы случилось, повелевай твоя матушка или сестра Скалами? Или будь моя бабка в состоянии вызвать Зверя? Тут бы Кэртиане и конец... Знаешь, я чем дальше, тем больше радуюсь, что женюсь на урготской дурочке. Елена слишком глупа, чтобы лезть в мои дела, при этом она знает мне цену, и у нее достаточно широкие бедра, чтоб рожать. А ты еще не оставил мысли связать себя с Катариной Ариго?

– Нет. – Он исполнит любой долг перед анаксией и перед Скалами, но женится лишь по любви.

– Жаль... Что ж, придется отобрать ее у Оллара и отдать тебе, хотя ты достоин лучшего. Разумеется, не сейчас. Когда я получу меч и сверну шею агарисскому крысенку.

– Я буду ждать столько, сколько она скажет, – твердо сказал Ричард. Сюзерен усмехнулся и покачал головой.

– Ты получишь Катарину Ариго, как только я пошлю к кошкам Агарис. Если ты станешь ждать ее согласия, то умрешь холостяком, а я, сам понимаешь, позволить тебе такого не могу.

– Альдо, нет! Катари уже однажды... Ее уже вынудили выйти замуж за Оллара.

– И правильно сделали. То есть не то, что за Оллара, а то, что заставили. Видел я таких девиц... Одни молитвы и волосы. Дай им волю, всех в слезах утопят и так ни на что и не решатся. Понимаю, что после матушки и сестры тебя на овечек тянет, но овечек надо пасти. Одно хорошо, Катарина тебя не предаст. Раз уж она от мешка этого своего не отреклась...

– Мой государь, – положил конец разговору Ричард, – вы сказали, что я вам нужен. Что я должен сделать?

– Что ты должен сделать? – Взгляд Альдо стал лукавым. – Для начала вспомнить, что мы на «ты». И что у меня слишком мало друзей, с которыми я откровенен, в том числе и для их же блага. Так что изволь слушать и не перебивать. Ты меня понял?

– Да! – Но о Катари с сюзереном он говорить все равно не будет. Альдо любит только анаксию, он просто не поймет...

– Очень хорошо, – кивнул Альдо, углубляясь в кучу бумаг, – тем более о любви я уже все сказал, теперь о деле. Не мне тебе рассказывать, до чего докатились наши законники. Спрутью слизь так быстро не оттереть. Манрикам это, по крайней мере, не удалось, хотя жаль... Доведи навозники дело до конца, мне было бы проще, но они бросили на половине. А может, твой «друг» Валентин успел с ними сговориться, потому и уцелел?

– Так оно и было. – Ричард словно вживую увидел длинную физиономию с глазами-ледышками. – Спрут всех и предал... Он был трусом еще в Лаик!

– Несомненно, но сейчас не до него. Если дом нельзя отмыть, его сносят. Нынешний суд не отмыть, потому я его к кошачьей матери и разогнал. Вместо него будет Высшая Судебная Канцелярия во главе с супремом. Потом мы все переназовем. Надеюсь, ты помнишь, кого в Гальтарах называли «Законником»?

– Помню.

Закон, нерушимый, как Скалы, и Повелитель Скал. Хранитель буквы Закона, того самого, что выбивают на каменных скрижалях...

– В таком случае приступай, господин супрем. Мантия и нагрудный знак с меня.

– Я... – растерялся Ричард. – Что надо делать?

– Откуда я знаю? Посмотри, кто под судом, какие дела в рассмотрении, что за судьи, кого гнать, кого оставлять. Всех, кто имел дело со Спрутами, – к кошкам! Комендантов тюрем вызови, узнай, что им нужно, да мало ли... Главное – начать разгрести эту рухлядь. На, держи! Писал утром, прочитав твои каракули.

– Альдо, – Ричард с сомнением развернул внушительный указ, – я военный, а не чиновник.

– Ты хочешь быть военным, – не согласился государь, – но камни не плавают. Тебе от отца достались честь, преданность и упорство... Закатные твари, да они теперь только у тебя и уцелели. Ты смел, но ты не военный и им не станешь. Истинные Боги отдали Скалам Закон, а не Войну, иначе Франциск не захватил бы Талиг, а твой отец – не проиграл Борраске...

Надо смотреть в глаза правде, Дикон. Воюют Ветра и Молнии, Скалы и Волны строят. Ты не справился с должностью гражданского коменданта, ты даже со Спрутом не совладал, и это не твоя вина. Мне не нужен еще один незадачливый полковник, мне нужен «Законник», как в Гальтарах, а справедливость у тебя в крови, как войны у Боррасок, даже если их сейчас зовут Алва. Истинные Боги, да никак я тебя уговариваю, когда могу просто приказать. До чего все-таки доводит дружба! Так ты согласен?

Разве можно было ответить «нет»?

Глава 7

Кадана. Изонийское плоскогорье

400 год К.С. 22-й день Весенних Скал

1

Подниматься пришлось затемно. Ночевка в продуваемых колючими ветрами предгорьях вышла не слишком приятной, но за полтора дня гонки армия вымоталась так, что была бы рада даже Закату. Лишь бы упасть и уснуть. О солдатах бросившийся наперерез Фридриху маршал заботился меньше, чем о лошадях, но больше, чем об офицерах. По крайней мере, свите командующего добраться до палаток удалось часа на два позже, чем драгунам Бэзила, а подниматься пришлось на час раньше – Савиньяк собирал то, что почему-то называл советом.

– Как в лагере? – Проэмперадор принимал офицеров на склоне холма. Впрочем, палатку командующего уже разбирали.

– Люди устали. – Явившийся первым Хейл-старший был краток. – Очень.

Савиньяк не ответил. О том, что все на пределе, маршал знал не хуже генералов, что не мешало ему гнать армию со скоростью, достойной Ворона. И Фридриха. Лишние обозные повозки бросили еще за Изонис вместе с тяжелой артиллерией, ротными котлами, половиной палаток и прочим добром, мешавшим перейти несущуюся по обледенелым камням реку. Эту переправу Чарльз запомнил надолго – припасы волокли на руках, легкие пушки перетаскивали на канатах, переправившиеся сразу же уходили в холмы. Обсохнуть и согреться Савиньяк не давал – не было времени. Шли без передышки и весь следующий день. Спотыкаясь на склонах, увязая в скопившемся в низинах снегу, одновременно обливаясь потом и дрожа от холода. Ели на ходу, запивали из походных фляг сухари и вяленое мясо, на отстающих не оглядывались. То, что было невозможно бросить, волокли на себе. Приказ на остановку Проэмперадор отдал затемно, когда до долины, в которой собирались перехватить дриков, оставалось несколько часов пути. Даже сейчас, после ночного отдыха, предстоящая дорога казалась страшнее боя. Его Давенпорт все еще ждал, хоть и много меньше, чем в начале гонки, но седло и отсыревшие сапоги вызывали животный ужас. Деливший с Чарльзом палатку весельчак Сэц-Алан шмыгал носом и утешал, что бывает и хуже. Чарльз с маршальским адъютантом не спорил, вспоминая собственный бросок в Фельп, но прошлые злость и усталость всегда слабей настоящих.

Небо на востоке начинало зеленеть. Из лагеря потянуло гарью – внизу, в укромных местах, торопливо разводили костры. Уходящая ночь еще скрывала дымы, а северный ветер сносил их к реке, не забывая при этом пробираться до костей и без того дрожащих людей. Генералов трясло так же, как солдат, а явившийся к командующему последним Фажетти чихал не хуже батареей генерала Эрмали, на что не преминул указать Айхенвальд. Бергер казался отдохнувшим и довольным. Единственный из всех, считая маршала.

– Господа, – раздавшийся наконец голос Савиньяка был хриплым то ли со сна, то ли от начинавшейся простуды, – солдаты просто устали или уже разозлились?

– Боюсь, второе, – прохрипел Фажетти. Этот был простужен без всякого «то ли».

– В таком случае, – отчеканил маршал, – вам надлежит объяснить по полкам: все трудности и неудобства сегодня закончатся. Победой. Иначе зачем было лезть в этот ледник? После боя люди смогут как следует отдохнуть, но сперва придется вырвать перья уродам, из-за которых мы здесь мерзнем. Пусть все до последней клячи уразумеют – во всем виноват Фридрих. Не будь его, крутили бы мы сейчас усы в Надоре.

Айхенвальд удовлетворенно кивнул, Бэзил хихикнул, Фажетти чихнул и выругался. Хейл-старший с сомнением пожевал губами, но спорить не стал. Он не имел обыкновения оспаривать неизбежное. Промолчали и Хеллинген с Эрмали. Проэмперадор поежился и глянул вверх. Звезды бледнели на глазах – весна еще не грела, но уже светила.

– Выступаем ровно через час. – Савиньяк родился на юге, но в Бергмарк он был бы вполне уместен. – О диспозиции. Ночью вернулась разведка. Реддингу удалось наконец оценить численность дриков и порядок марша. Больше сомнений нет, это Фридрих собственной персоной. Разъезды видели его штандарт, его гвардейцев и его самого.

Конь у принца и в самом деле вороной. Кроме коня и эйнрехтских подхалимов при высочестве тысяч тридцать пять или чуть больше, в том числе тысяч восемь конницы. Дрикс и гаунау идут вперемешку. Штандартов, известных по Бергмарк, замечено не было, так что перевалы Хайнрих не оголил. Видимо, зятю достались полки, набранные в помощь Дриксен, но недооценивать «медведей» я бы поостерегся, там паче мы не знаем, кто их ведет и до какой степени они подчинены Фридриху. Главное, полковые обозы – все! – сведены в один и присоединены к общему.

Все имущество вместе с армейской артиллерией тащится в хвосте, потому что принц спешит. Кавалерия частично идет перед обозом, частично – в авангарде. Если судить по только что замеченным дозорам, Фридрих поднял армию даже раньше нас. К Ор-Гаролис дрикс намерены добраться где-то к полудню, но тут они ошибаются. Мы атакуем их гораздо раньше.

...Зеленеющее небо, дым, черные иззубренные горы, песок в воспаленных глазах и озноб. Бой будет сегодня. Первый настоящий бой Чарльза Давенпорта, но нет ни страха, ни возбуждения. Холод, раздражение, усталость, разве с этим идут в атаку, хотя какая атака у офицера для особых поручений? «Маршал Ли бросает в бой себя, когда не остается резервов», – шутил Бэзил, только что считать резервами? Вайспферта? Реддинга с его «закатными кошками»? Штабной отряд?

– Господин маршал, – подал голос Эрмали, – я хотел бы получить более развернутый и подробный приказ.

– Как и я, – поддержал артиллериста Лейдлор.

– Почебу дадо атаковать дебедреддо? – Фажетти никогда не боялся возражать, а гонка и простуда не отбили у рафианца охоты думать собственной головой. – Разве де разубей выждать, пока противдик де устроит деразбериху при переправе?

Лионель Савиньяк привычно обвел глазами пятерых генералов и двух полковников. Он всегда разглядывал подчиненных, прежде чем приказать.

– Насчет неразберихи не обольщайтесь, – таким тоном говорят во дворцах, – дрикс – люди серьезные. Будьте уверены, каждый полковой командир уже получил соответствующий приказ и знает, когда и как он будет переходить мост и где располагаться как до переправы, так и после. Но это неважно, хуже другое. Даже Фридрих не в силах внушить гаунаским конным егерям и их командирам должную глупость.

«Фульгаты» проявляют чудеса изворотливости, но всей армии это сделать вряд ли удастся. Долину, которую нам предстоит пересечь, гаунау проверяли вчера вечером и сегодня рано утром. Чем дольше мы будем ждать, тем больше шансов, что нас обнаружат. Не следует желать всего, сразу и задешево, и еще меньше следует считать противника сборищем дураков. Нам и так несказанно повезло с его высочеством, так что будем атаковать сейчас.

– Егеря – серьезный довод, – принял сторону командующего Айхенвальд. – Пусть лучше нас заметят уже на подходе. Каковы приказы по полкам?

– Я не собираюсь составлять подробный план. – Хрипотца в голосе Проэмперадора почти исчезла. Савиньяк был здоров, просто не выпался. – Мы не знаем, когда именно нас обнаружат и кто перед нами окажется, а без этого любая диспозиция – письмо на воде. Это Бруно с фок Варзов успели чуть ли не родственниками стать. Нам «медвежьих» генералов придется

пробовать на зуб. С «гусями» легче, никто из них не умнее Фридриха, и никто из них против него не пойдет, пока принц дееспособен или так полагает. Из этого и исходим.

Нужно как можно ближе подобраться к хвосту колонны. Если получится – заставить врасплох арьергард и, разгромив и разогнав его по окрестностям, захватить обозы. Как вы понимаете, без них дрикссы серьезной угрозы для Надора не представляют. Провести задуманную кампанию без припасов и тяжелой артиллерии Фридрих не сможет.

– Как и де сбожет хорошо сражаться с даби сейчас, оставшись без большей части пороха, – уточнил повеселевший Фажетти. – Преибущество в восебь тысяч в этоб случае несуществеддо.

– И все-таки, – уточнил Айхенвальд, – я бы предпочел более подробные указания.

– Я не Пфейтфайер, – отрезал маршал, – а вы – не Бруно. Наше дело – лишить Фридриха движимого имущества и по возможности рассеять по обоим берегам. Как сложится на деле – увидим, когда начнем. Потрудитесь не увлекаться и четко выполнять приказы. Если они будут. В противном случае придется решать на месте. Вы – опытные офицеры, в вашей храбрости и здравом смысле никто не сомневается, так что желаю успеха. И не забудьте напомнить людям, по чьей вине они натерли ноги.

2

Чарльз не слышал, что говорили солдатам офицеры, но слова эти пришились к месту. Затемно оставившие неуютный лагерь войска больше не нуждались в понуканиях. Армия, подобравшись, словно охотящийся волк, спешила наперерез уже совсем близкому врагу. Оставалось пересечь небольшую ложбину между двух отрогов, а затем и сами отроги. За ними лежала безымянная долина, по которой маршировали дрикссы и гаунау. Хотелось думать, что встреча станет для них неожиданностью.

Солнце так и не показалось, серое небо сливалось с серыми горами, а тишина была тяжелой и вязкой, точно доживающий последние дни снег, что сосредоточенно месили тысячи башмаков и копыт. Люди хотели боя и знали, что им предстоит, а вот Чарльз не знал ничего. Садясь на коня, маршал обронил, что дело капитану Давенпорту найдется, и как бы этого дела не оказалось слишком много. Оставалось довольствоваться обещанным, к тому же прочим свитским не досталось и этого.

– Еще часок, и начнется, – подсчитал неугомонный Сэц-Алан. Адьютанту ответили, завязался ни к чему не обязывавший приглушенный разговор. Из-под снега выползла треугольная глыба – словно подняла голову гигантская змея. Гадина скалилась и плакала ледяными следами – узкий быстрый ручей скакал меж ледяных наплывов и исчезал в сугробах. Это было бы красиво, если б не напомнило о Надоре. Там тоже из скал били ручьи. Один родился прямо на глазах, вырвался из-под обрушившейся глыбы, превратился в ревуший поток и, ворочая валуны, ринулся вперед, чтобы через сотню шагов сгинуть в бездонной трещине.

– Хорошо, что нет дождя, – быстро произнес Чарльз, выталкивая себя из надорского ужаса.

– Запоздалая весна нам на руку, – подтвердил капитан «фульгатов». – Эх, на холмик бы сейчас, оглядеться!

– Ты всю ночь оглядывался, кот закатный. Другим дай.

– Чужие глаза – не свои.

– Первый эскадрон уже у холмов.

– С того, пузатого, долинка как на ладони.

– С него и смотрят.

– Мы-то их видим, а вот когда они глаза протрут...

Адъютанты и разведчики привставали в стременах, разглядывая совсем уже близкую грядку и торопящиеся за кавалерией пехотные полки, заранее развернутые в боевой порядок. Первый из эскадронов Бэзила почти добрался до склонов, его дозорные наверняка уже наверху. Чарльз дорого бы дал за то, чтобы оказаться вместе с ними. Долгий путь, скопившееся раздражение, чувство вины за прошлое бессилие требовали выхода. Если то же чувствуют и другие, драка выйдет безжалостной. И хорошо!

Остатки прошлых неудач упали под копыта грязными ледяными ошметками. Давенпорт провел рукой по ольстрам и внезапно рассмеялся.

– Что с вами, капитан? – удивился молодой Лецке. – Вы начинаете смеяться, когда Сэц-Алан становится серьезным.

– Вам, часом, не случалось бывать в Варасте? – Отвечать вопросом на вопрос невежливо, но он, слава Создателю, не во дворце.

– Нет...

– Но про его преосвященство Бонифация вы, надо полагать, слышали? Он благословил меня воевать с миром и при этом посоветовал не доверять ольстрам и заворачивать пистолеты в промасленную кожу.

– Ну а вы?

– Разумеется, я его послушал.

– Это ваш первый бой?

– Да.

– Возьмите мои перчатки. На счастье.

– Благодарю.

Кони прошли едва ли больше сотни бье, когда впереди треснули первые выстрелы. Началось...

3

Черно-белый драгун подлетел галопом, что-то коротко доложил капитану охраны, и тот развернул жеребца. Теперь уже двое всадников спешили наперерез Проэмператору.

– Господин маршал, – капитан успешно сочетал гвардейскую четкость с быстротой адуана, – сообщение от генерала Хейла. Три десятка конных егерей неожиданно стали подниматься на холм, где были наши разведчики. Возникла опасность, что с вершины гаунау увидят подходящую армию. Командовавший разъездом тенъент Аньи предпочел обнаружить свое присутствие, но сохранить в тайне присутствие и численность всей армии. Разъезд открыл огонь. Егеря, потеряв несколько человек, остановились и вступили в перестрелку. Двое всадников ускакали в сторону арьергарда.

Лицо Савиньяка осталось бесстрастным. Маршал лишь слегка повернул голову в сторону вновь замолкшей гряды.

– Что ж, – равнодушно заметил он, – нас и так не замечали достаточно долго, чтобы назвать это удачей. Лецке, поторопите артиллерию. Эрмали срочно ко мне! Корнет, что на дороге? Кто перед нами сейчас? Кто и в каком порядке уже прошел?

– Сейчас идут пехотные части, – оживленно выпалил драгун, и Чарльз внезапно понял, что для корнета этот бой тоже первый. – «Крашенные гуси» – синие и красные. Авангард полностью рассмотреть не успели, но замыкали его два полка пехоты, кавалерия прошла раньше. Основная колонна прошла с отставанием на полчаса. Там были Фридрих с гвардейскими частями, «медведи», а дальше – «крашенные».

– Полковые обозы с ними?

– Гвардия идет с обозами, остальные – нет. Общих обозов и артиллерии не видно. Кавалерии, кроме разъездов и тех, что уже прошли, тоже.

– Давенпорт. – Теперь черные глаза смотрели на Чарльза, и капитан невольно вздернул подбородок. – Отправляйтесь к Хейлу. Старшему. Пусть немедленно атакует, но оставит всех кирасир в резерве. Задача – рассеять ближайшие мушкетерские роты, не дать им подготовиться к стрельбе и тем более – укрыться за пикинерами. По исполнению двигаться в сторону головы вражеской колонны, разгоняя всех, кого можно. Успевших перестроиться пикинеров не атаковать! Беречь людей и слушать сигнальные трубы. По сигналу немедленно прекратить атаки, собрать эскадроны и вернуться. Вам надлежит оставаться рядом с Хейлом. Проследите, чтобы brave кавалеристы не увлеклись и не прозевали сигнал. Все ясно?

– Да, господин маршал.

– Отправляйтесь.

Приказ ускорить движение пехоты Чарльз услышал, давая шпоры коню.

Глава 8

Кадана. Изонийское плоскогорье 400 год К.С. 21-й день Весенних Скал

1

Четыре с половиной тысячи всадников по сигналу горна перешли на легкий галоп и, обтекая холмы, тремя потоками вырвались в долину. Во фланг маршировавшим дриksam. Не отстававший от Хейла Чарльз видел, как остановились и смешались стройные ряды, как началась видимая даже издали суета.

Синие фигурки приближались, росли, и вместе с ними росла дальняя гряда, а по бокам рябыми совиными крыльями вздымались снежно-каменные склоны. Конный поток, с которым скакал Хейл, стремительно накатывал на вражеский строй. Казалось, еще немного, и генерал врубится в него, как простой драгун, а дриksы так ничего и не предпринимали. То ли ждали приказов, то ли просто не поняли, что случилось. Десяток выстрелов где-то наверху обернулся конными тысячами – от такого растеряешься, но не сочувствовать же! Кто их звал в Кадану? В Хексберг? В Придду? Вообразили себя орлами... Гуси!

Пение труб, поющая в ответ земля и свои – впереди, по бокам, сзади. Бьются по ветру знамена, приближается враг, но ты не один, не сам по себе! Ты – часть великой силы, пробудившейся, чтобы смять, сокрушить, покарать вторгшихся в эти горы глупцов, ты сам часть этих гор! Ты защищаешь их, защищаешь себя, защищаешь Талиг!

– Капитан! Капитан Давенпорт... Вправо!

– Чарльз!

– Поворачивай!

– Давенпорт, да очнитесь же!

Несущаяся лавина распадается на отдельные камни. Рокочущий гул слабеет, сквозь него прорывается ржанье, выстрелы, топот. Колонны врага совсем близко, но Хейл забирает вправо, пропуская идущих в бой. Конечно... Командующий может лишь смотреть. Атаки, рубка, лица врагов, брызнувшая кровь... Это для тенъентов и капитанов. Тех из них, кто не привязан намертво к начальству.

Генеральская кавалькада прижимается к крутому склону. Снег укрывает спящие валуны, а тропа уводит в небо. Чужая тропа, в которую впились можжевеловые кусты, разрывая корнями камень. Она вьется вокруг холма, выводит на небольшую террасу. Можжевеловые ветки дрожат, дрожит, просыпаясь, каменное нутро предгорий.

– Хорошее место. – Хейл тянется к зрительной трубе. – Спасибо, Эрик.

Генералы и маршалы видят мир иначе, чем простые смертные. Или делают вид. Чарльз смотрел вместе со всеми, но ничего глубокомысленного в голову не приходило. Долина как долина. Неширокая, каменистая. По дальнему краю петляет безымянная речка, в нескольких хорнах к востоку она вольется в Изонис. К западу долина сужается, где-то там, за сблизившимися холмами, – пока не появившийся вражеский арьергард и обозы. Еще полчаса-час, и Фридрих остался бы без хвоста, который сейчас важнее головы.

А внизу идет сражение... Странное зрелище, словно гравюра ожила. Построенная в походные ротные колонны пехота дефилировала долиной в два потока, мушкетерские и пикинерские части вперемешку. При виде надвигающейся конницы дрикссы бросились перестраиваться, но из-за растянутости сделать это быстро не получалось, а передовые эскадроны уже перешли на галоп. Остается шагов четыреста... триста...

– Это ведь ваш первый бой, Чарльз?

– Да, господин генерал.

Сколько раз он сегодня отвечал на этот вопрос? Сколько раз еще ответит?

– Тогда смотрите.

Тяжесть зрительной трубы в руках и улыбка, до которой никогда не снизойдут Савиньяк и Ворон.

– Молодцы! Хорошо взяли! Видите?

– Вижу!

Галопом пошла вторая линия... Чарльз сам не понял, как привстал в стременах, не в силах оторваться от открывающегося зрелища. Конной атаки он не видел никогда, тем более сверху, когда и свои, и чужие как на ладони, и только расстояние и редкие облачка дыма мешают разглядеть отдельных всадников. Сердце колотилось, словно он тоже несся вперед, а глаза отмечали, что люди Бэзила неплохо держат строй, эскадроны идут ровно, колено к колену, как требует устав, тройные линии всадников почти не изгибаются. Зато противник...

– Не успеете, гуси перелетные! – довольно хмыкнул генерал. – Теперь уже не успеете!

Не успевают... Не успели! Пикинеры оказавшегося под ударом полка так и не собрались в общий строй, чтобы прикрыть своих мушкетеров, а те не успели ни спрятаться за пикинерами, ни запалить фитили. Обтекая оцетинившиеся пиками крохотные островки, кавалеристы обрушились на беззащитных стрелков. Это было изумительно!

2

Он играл за Фридриха. Он был Фридрихом, как до этого был каданским фельдмаршалом, Штанцлером, Фердинандом, Сильвестром... Стать другим и сыграть сперва за него, потом – за себя. Честно, не подменяя карт. Чтобы подменить карты, нужна ловкость, чтобы кем-то стать – только разум, знание и расчет...

Эмиль – тот думал, что станет делать сам, Лионель старался понять, что, когда и почему сделают другие. Так он и попал во дворец, и лучше б ему там и оставаться. Он сыграл за Сильвестра и проиграл, потому что поверил врачам и до весны сбросил смерть со счетов, а она передернула. Это стало уроком, тем уроком, который не дает ничего, потому что разлитое вино и разбитая ваза никому не нужны.

Проземператор Севера не спеша ехал впереди своей свиты. Звуки боя из-за гряды отвлекали, будоража прежнего разухабистого корнета, свободного и от сомнений, и от подчиненных. Хотелось выхватить шпагу и рвануть к Хейлу, но успешное начало – еще не победа. У дрикссов имелся не только Фридрих, но и авангард с арьергардом, теперь предоставленные самим себе. О тех, кто ими командовал, Савиньяк не знал ничего, даже предполагаемых имен. Это могли быть дураки. Могли быть трусы. Могли быть трусы и дураки, а могли – храбрецы и умники,

которые, заслышав выстрелы и поняв, что от принца толку мало, сыграют сами. Значит, надо ждать атаки спереди и сзади и держать наготове резервы, а Хейл справится, как и Айхенвальд.

Генералы не подведут, а Фридрих поможет. Его высочество – отменный союзник, если понять, что с ним делать. Лионель понимал. Недаром он собрал про рвущегося к славе принца все, что только возможно. Вплоть до восхвалявших «Неистового» поэм, за которые герой платил как за кровных морисков. Теперь собранные нитки соткались в узор. В гобелен, на котором царит неразбериха. В этом Фридриху доверять можно. Целиком и полностью. И командующему его гвардией тоже. Моргеншайн не дурак, но царедворец, он не выиграет там, где проигрывает принц. Он будет ждать приказа и будет выполнять этот приказ. Он и весь эйнрехтский букет, а вот гаунау... Гаунау в союзе с Дриксен. Гаунау веками лезут на перевалы. Гаунау непримиримы и неуступчивы. Они умеют драться и один на один, и когда один против четверых, но хорошо драться еще не значит хорошо воевать. В Двадцатилетнюю полки гаунау были безупречны, но генералы гаунау думали по-гайифски и в итоге проиграли. С тех пор «медведи» рычали только в горах и вот теперь вышли в каданские предгорья, где им делать нечего, особенно сейчас. Вышли на стороне старых союзников против старых врагов...

Прискакал порученец. Лионель – маршал Талига выслушал, велел передать Хейлу свое одобрение и требование развивать успех и вновь стал принцем дриксен.

Лионель-Фридрих был в ярости, ведь он предусмотрел все! Еще вчера к мосту у Ор-Гаролис отправился сильный разъезд. Три сотни, а может, все пять! Пришел доклад, что все спокойно, да и кто мог там болтаться, кроме каданских трусов? Утром армия выступила. Вовремя, слаженно. Каждый генерал, да что там, каждый полковник имел подробнейший ордер. По всем расчетам, сразу после полудня основные силы должны были начать переправу. Все шло, как задумано, и тут – гонец. Командир арьергарда доносит, что их разъезд обстрелян на близлежащих холмах. Бред! Никаких врагов здесь нет и быть не может. Каданцы на такую дерзость никогда не осмелятся, Ворон в клетке, а северная армия Талига тупо ползет к Бергмарк.

Фрошеры ждут привычной весенней войны, им и в голову не придет обернуться к разбитой Кадане. Нужно быть Неистовым Фридрихом, чтобы отбросить дурацкие договоры, шагнуть в огонь и зажечь факел победы! Тот самый, из поэмы Вильгельма Никкера.

Что ж, ваше высочество, маршал Талига Лионель Савиньяк, в отличие от заклеянных Никкером тугодумов и завистников, от вас не отворачивался. Он вас понял и намерен понимать и впредь! Сейчас вы вне себя. Вы гоните посыльных с приказами, требуете выяснить, что случилось, и приказываете остановиться, но армия уже стоит. Порученцы возвращаются. Вместе со встреченными на полпути гонцами. Они сообщают, что многочисленная конница из-за холмов атакует хвост колонны. Это фрошеры, ваше высочество. Те самые, которых здесь не может быть. Ваши хваленые «крашенные» не успели перестроиться. Бедняги ничего не успели! Знаменитого дриксенского порядка больше нет. Есть растерявшиеся, ничего не понимающие люди, которых вы утром вытащили из палаток и погнали в западню...

Сколько раз вы представляли, как ослепший и оглохший Бруно подпускает врага, а вы, подобно Кэналлийскому Ворону, выхватываете пистолет? Выстрел. Глупый фельдмаршал валится к вашим ногам, вы принимаете командование и ведете армию к победе. Вы не боитесь, что в вас сейчас выстрелят, принц Фридрих? Не бойтесь. В вашей личной свите нет и не может быть того, кто рискнет головой ради победы Дриксен. Вы можете спокойно потрясать кулаками.

– Лецке, передайте, чтобы Фажетти не задерживался в холмах. Сэц-Алан здесь?

– Да.

– Позовите.

Забавно, прошло не больше получаса, а жизнь до первых выстрелов словно дымом заволокло. После боя пелена рассеется, и время вновь станет самим собой. Пять минут – для того, чтобы выпить бокал, а не прикончить пару себе подобных...

– Господин маршал! Теньент Сэц-Алан.

– Отправляйтесь к Айхенвальду. Пусть продолжает. Не хуже, чем начал Хейл.

3

Везде, насколько хватало глаз, шедшие галопом эскадроны втапывали мечущихся «крашенных» в снег, разворачивались, неслись вдоль колонн, опять поворачивали, продолжая сеять беспорядок. Сопротивления почти не было. Только небольшая часть мушкетеров успела под защиту пик. Лыдинки порядка в кипящем котле поражения, они все-таки стреляли! Эти выстрелы, редкие и разрозненные, не могли остановить разогнавшуюся конницу, но выдыхаемый мушкетерами дым местами уже затягивал поле боя, мешая разглядеть подробности. Главное, впрочем, сомнений не вызывало – атака почти нигде не застопорилась. Судьба улыбалась Талигу во весь рот, словно Хексберг и Кадана могли искупить Олларию.

– Каково? – требовательно спросил Хейл и, не дожидаясь ответа, признался: – Вам, Давенпорт, повезло. Мне пятьдесят три, но я впервые смотрю на бой с такими удобствами. Внизу будет пожарче, дельце-то не из простых. Отменное дельце!

Чарльз честно поборол зависть и улыбнулся:

– Бэзил... Полковник Хейл свою задачу выполнит.

– С него станется, – кивнул родитель, на мгновение перестав быть командующим кавалерией. – А вы, капитан...

– Айхенвальд! – почти взвизгнул один из «фульгатов», мужественно отвернувшийся от притягательного зрелища в долине ради дефиле. – Пошел!

Генералу сразу же стало не до капитана и не до воспоминаний. Сдвинув густые рыжеватые брови, Хейл с довольным видом устоял в проход, откуда выплывало знакомое знамя. Вспыхнули алым еще более знакомые оторочки. Гвардейцы! Первыми в бой Савиньяк пустил тех, кого привел с собой, но лучше б гвардия осталась с Фердинандом и Люра достался бы Савиньяку! Всем было бы легче, даже разрубленной гадине. Пуля милосердной кровавой «перевязи», хотя Люра ее и заслужил. А лезущие в Талиг дриксы заслужили бойню!

Зрительную трубу Чарльз давно вернул, но наступающие колонны было видно и невооруженным глазом. Сложись судьба иначе, Чарльз бы тоже шагнул в гвардейском строю. Воевал бы, а не глазел. Разрубленный Змей, сколько можно думать про «иначе»? Ты там, где ты есть. Твое дело – удерживать Хейла, если кавалерия начнет зарываться. Смешно, разве такие зарываются, а зарвавшись, разве слушают капитанов?

Кавалеристы торопились. Они понимали, что отпущенное им время почти истекло. Развернувшись фронтом к Ор-Гаролис, конница продолжала атаку, оставив недостроившиеся каре пехоте, а та наступала. Мерным шагом, в строжайшем порядке, да иного Айхенвальд и не допустил бы!

– Сожалею, господа, – сожаление в голосе Хейла было неподдельным, – но столкновения мы не увидим. Пора догонять наших мальчиков. Не грустите, Давенпорт. Обнажить шпагу вы еще успеете, а вот воспарить над битвой еще разок вам вряд ли скоро удастся.

– Господин генерал, я исполняю свой долг там, где меня поставили!

Внизу громыхнул по-настоящему мощный мушкетный залп, потом второй, и сразу же за ним раздался глухой рев. Начиналась схватка пехоты.

Глава 9

Кадана. Изонийское плоскогорье

400 год К.С. 22-й день Весенних Скал

1

Если б не егеря-гаунау, первый удар мог прийтись по арьергарду и обозам. Не получилось, арьергард уцелел. Теперь с той стороны следовало ждать ответной атаки, и хорошо бы побыстрее. До того, как Хейл уйдет совсем уж далеко. Возвращать кавалерию без причины, просто чтобы была под рукой, нежелательно.

Савиньяк опер подзорную трубу о колено и обернулся к изрядно подтаявшей свите. Начальник штаба, двое адъютантов, капитан охраны и четверо «фульгатов», вместо того чтоб есть глазами начальство, любовались тем, как Айхенвальд, развивая успех Хейла, со знанием дела давит разобщенные части противника. Зрелище было приятным, только помимо главных сил, с которыми управлялся Айхенвальд, были еще авангард и арьергард. Они в игру пока не вступали.

Взгляд командующего скользнул по разгоряченным, довольным физиономиям, но жизнь адъютантская не есть блаженство вечное.

- Выслать дополнительные разезды в сторону арьергарда дриков.
- Будет исполнено.
- Фажетти ко мне!

Лецке бросил последний жадный взгляд на атакующих и исчез вместе с долговязым «фульгатом»; оставшиеся нависли над обрывом, рискуя свалиться вниз. Что ж, сейчас талигойцам как никогда душеполезно лицезреть вражеские пятки. Мелькающие.

Сам Лионель на подвиги Айхенвальда почти не смотрел – труба Проземперадора раз за разом поворачивалась на запад, где топтался обоз. Увы, под защитой немалого арьергарда. Если у его командира на плечах голова, а не пустая каска с белым пером, и если онный командир не желает Фридриху немедленной смерти, он пойдет на прорыв. В арьергарде тысячи четыре кавалерии и около трех – пехоты. Неплохой кулак, только как он станет бить? Обойдет холмы, чтобы накормить фрошеров их же варевом, или, не мудрствуя лукаво, со всей силы двинет в тыл атакующему Айхенвальду?

Будь в арьергарде сам «Неистовый», Лионель чувствовал бы себя спокойней, но принц продефилировал мимо разведчиков Реддинга пару часов назад. Сейчас гений стратегии и тактики был ближе к авангарду. Оскорбленный известием, что не он один такой... непредсказуемый.

– Фрошеры... в Кадане... большими силами, – одними губами произнес Лионель, ощущая себя возмущенным до глубины души Фридрихом. – Да что они себе позволяют!

В светлом круге снова поплыли камни, снег, хромающая лошадь, кое-как выстроившаяся грязно-красная шеренга. Попавшим под удар разрозненным отрядам устоять не удалось. Смешавшись под мощными гвардейскими залпами, дриков пятились, неся внушительные потери. Отвечать как следует они не могли – слишком мало, спасибо Хейлу, оказалось в их строю мушкетеров, но крашенные «гуси» славились стойкостью. Они и сейчас пытались бить крыльями. Бесплезно. Талигойская волна безжалостно катилась стремительно входящей в историю долиной.

Айхенвальд атаковал умело и аккуратно, последовательно обрушиваясь на растянувшиеся вдоль дороги колонны, и так приведенные в замешательство кавалерийским налетом. Роты

и батальоны рассеивались один за другим. Вот и сейчас неровный строй дрогнул. Кто-то осел на красный снег, кто-то отшатнулся в синюю тень, подался назад, угодил под ноги товарищей... Недостроенное каре под напором пехоты на глазах превращалось в толпу.

– Господид баршал, – глаза Фажетти блестели то ли от возбуждения, то от простуды, – явился по вашему приказанию.

– Отлично. Представьте себя парящей птицей и гляньте на дриксенский арьергард. Он ваш.

– С обозаби?

– Возможно.

Прошло достаточно времени, чтобы Фридрих опомнился и начал делать хоть что-то. Самое естественное – выстроить боевую линию поперек долины, лицом к обнаглевшим фронтерам. Перекрыть все проходы от холмов до реки, встать насмерть, не давая обойти себя с флангов, и послать к арьергарду с приказом атаковать. Пусть как хотят, но пробьют дорогу и подтащат повозки с боеприпасами. Эмиль, тот сделал бы это и без приказа, но сам Лионель четырежды бы подумал, прежде чем выручить какого-нибудь Колиньяра. Государственные интересы порой требуют и не таких жертв. Разменяв одну из армий на избавление от полувенценосного дурака, Дриксен и Гаунау оказались бы в барыше. Понимал ли это доставшийся Фридриху генерал, оставалось только гадать, но Савиньяк предпочел бы честного вояку.

Глаза маршала лениво скользнули по вершинам ближайших холмов, на которых истуканами торчали дозорные. Застать талигойцев врасплох не получится, да и откуда дриксу знать, что там, за холмами, и все ли силы врага вышли в долину? Нет, господин Гусак в обход не пойдет, даже самый умный. Значит...

– Марций, развернете полки прямо там, где мы вышли в долину.

– Долида расширяется, до реки останется деприкрытое пространство. Придется растянуть лидию.

– Растягивать порядки неразумно, а дыру закроет Хейл. Вернется и закроет, а пока Эрмали передаст вам дополнительно три батареи. Этого хватит.

– Иду. – Фажетти улыбнулся. – Вы правильно де послушали дядюшку. Савидьяк должед быть воеддым, а де дипломатоб! С арьергардоб бы разбересся, до ведь есть еще и авадгард. В бост оди уже уперлись, со Стоудволлоб поздакобились. Что дальше?

– Считаешь своим долгом напомнить? – Детство, поездки в Рафиан, сады с фонтанами, зеленые ящерки на белых камнях, пока запретное вино и еще более запретное девичье купанье. Долго же не вспоминалось...

– Считаю свои долгод свердуть шею арьергарду. – Троюродный кузен по матушке предпочитал быть не родственником, а подчиненным. Причем хорошим. – В добрый час!

– В добрый час!

Генералы привыкли, что есть Талиг, есть Сильвестр, есть Ноймаринен и Алва, а их дело – честно воевать. Или не менее честно карать. Они сделают все – умело, добросовестно, отважно; будет нужно – погибнут, но только с приказом в кармане. Приказом, который отдаст тот, кто не сомневается. Что ж, Проземператор не колеблется и не оглядывается – сила и уверенность сейчас важнее хлеба и даже пороха.

Савиньяк взялся было за трубу, но арьергард еще только готовился, а Айхенвальд ушел слишком далеко для наблюдений, да и дыма прибавилось. Смотреть стало не на что, зато слушать... Чем дальше продвигался бергер, тем чаще звучали залпы, и это было просто отлично. Неистовый «гусь» хотел летать, телеги ему мешали – значит, долой телеги! С полковыми обозами шли только личные гвардейцы его высочества – не ради пороха, ради перьев, то есть, простите, парадных мундиров. Шитых золотом. С четырьмя десятками пуговиц. Что ж, «вперед во славу кесаря», то есть, простите, Фридриха! Под барабанный бой, при полном параде, колонны в ряд, и принц на черном коне... Зато у остальных из боеприпасов только то, что

ташат на себе. Полтора десятка выстрелов на большое сражение – мало, а высочайшее топанье ногами и вопли пушек не заменят. Даже самых малых.

– Господин маршал! – Запыхавшийся «фульгат» едва не растянулся у ног командующего. Предательски блеснул подтаявший ледок. – От Реддинга... Со стороны обозов наблюдается подход кавалерии и пехоты. Готовят атаку.

Ну и хвала Пфейтфайеру. Неожиданностей не будет, но отсутствие неожиданностей не равняется отсутствию неприятностей. Дриксенская гвардейская кавалерия мало уступает талигойской, если вообще уступает, а Эмиля Леворукий занес аж в Ургот.

– Возвращайте Хейла. И потрудитесь не спотыкаться. Вражеская конница – не повод подворачивать ноги.

2

Конь Чарльза перескочил убитую лошадь, подкова чиркнула о кирасу лежащего навзничь всадника. Это тоже называлось войной. Той, что пристала офицеру для особых поручений и генеральской свите. Другим достался бой, а им – скачка за ушедшими вперед: Хейл был не из тех, кто оставляет атакующие эскадроны без присмотра. Небольшая кавалькада догоняла спешащую к Ор-Гаролис чужую смерть. На дороге валялись трупы, мушкеты, переломанные и все еще целые пики, шлемы, патронные сумы, холщовые походные торбы, брошенные спасшимися от тяжелых палашей «крашеными». Впереди ржало, орало, скрежетало и бухало. Сзади тоже слышался шум, но Чарльз предпочитал не оглядываться.

Среди серых и белых пятен что-то мелькнуло. Черное и красное. Человек. Свой...

– Поднимите его, – велел на ходу Хейл, и двое адъютантов бросились к пытающемуся выбраться из-под мертвой лошади кавалеристу. Он был ранен в бедро, и снег вокруг становился все краснее. Генерал шевельнул поводьями, раненый и адъютанты остались позади. Навстречу попался еще один раненый. Этот ехал сам, то и дело стирая с лица кровь. Грохотало уже совсем близко, Хейл махнул плетью в сторону ближайшего холма. Разумеется, они опять будут смотреть!

– Завтра попрошусь к Бэзилу. Хоть коневодом, – вслух пообещал Чарльз. Раненые появлялись все чаще. Одни были кое-как перевязаны, другие просто зажимали раны, но честь отдавать они не забывали. И, Леворукий их побери, они улыбались!

– Хороший бой! – крикнул какой-то тенъент. Давенпорт кивнул в ответ, перехватывая поводья. Лошади принялись взбираться по склону, и тут сквозь грохот и гул донесся сигнал – конницу звали назад!

– Горнисты! – Хейл лишь слегка повысил голос. – «Выходить из боя, собираться вместе».

Кавалькада подалась вбок и вверх и застыла на склоне. Десять всадников вскинули горны. Проэмперадор звал, генерал приказывал, но услышат ли полковники? Захотят ли услышать, и что делать с теми, кто предпочтет уже идущую драку?

По долине расплывалось дымное пятно. Негустое, но разглядеть без трубы что-то дальше, чем за тысячу бье, не получалось. Пришлось смотреть вниз. Там раненые прижимались к холмам, освобождая путь тем, кто сейчас бросится назад. Из белесого облака донесся зов полковой трубы, почти слившийся с таким же, чуть более далеким. К чести полковников Хейла, няньки им не требовались. Трубачи один за другим подтверждали: «Слышим. Собираемся. Идем». Схватка послушно затихала. Ближайшие эскадроны прекращали атаки, даже самые успешные, и выходили из боя.

– Могли бы и поживее, – буркнул Хейл. – Не в болоте...

Генерал ворчал, потому что был доволен. Будь он зол, никто б не услышал и слова. До вечера.

– Мальчики, – Хейл требовательно оглядел немногочисленную свиту, – живо к командирам полков. Приказ один – следовать за мной. Пойдем не со стороны гряды, а вдоль реки. Заодно пощиплем тех «гусей», что бегут к обозу или на тот берег.

Чалый жеребец грациозно развернулся на крохотной площадке и, игриво взмахнув хвостом, начал спускаться. Трубы все пели, а первый из возвращавшихся эскадронов уже подходил к холму. Кавалеристы шли в полном порядке, колонной по трое, только голова у богатырского вида корнета с полковым штандартом была обвязана, а у седла болталось еще одно знамя. Трофейное.

3

Айхенвальд по-прежнему наступал. Умело и упрямо, но это перестало быть главным. В поле зрения появился арьергард дриков, и выглядел он внушительно. Пехоты было поменьше, чем у Фажетти, зато густые порядки конницы за дальним флангом внушали большие опасения. Тот, кто гнал солдат в тыл талигойцам, не хитрил, за холмами не прятался, и в этом был свой резон. Завидев у себя в тылу значительные силы, фрошеры должны выпустить Фридриха и перестроиться для отражения атаки. Должны... У Лионеля Савиньяка отродясь не имелось долгов. Даже в юности. Он вообще был добродетелен, пари и тех не терпел, но сейчас поставил бы рамку с Фридрихом против списка Золотого Договора, что приближающимися частями командует злющий гаунау, приставленный Хайнрихом к пока еще не великому зятю. Увы, биться об заклад было не с кем – Хеллинген подобного себе не позволял, а Мениго и Фажетти были заняты.

Марций уже развернул свои четыре полка поперек долины вместе со всей артиллерией, упершись левым флангом в холмы. Правый обрывался, не доходя до реки. Родич приказу подчинился, но только подчинился. Будь его воля, он бы растянул заслон, оставив в тылу пару рот для затыкания дыр. Именно так советуют стратеги – не только злополучный Пфейтфайер. Именно так поступил бы Айхенвальд, Бруно, пожалуй, даже фок Варзов, но дыр у Фажетти не будет. Гаунау поторопился со своей помощью, а Фридрих, судя по скромности дриксенского огня, промешкал или пожадничал. Нет бы отдать часть гвардейских запасов тем, кто дерется, только гвардия Фридриха умрет, но не поделится с тем, кто уже умирает. В том числе и за них.

– Господин маршал, Хейл выйдет на исходные позиции через полчаса.

– Хорошо.

Дриксенский зад может брыкаться, сколько его душе угодно, а вот укусит ли голова? Что сделает командующий авангардом, услышав за спиной грохот боя? Ты бы принялся считать, сколько фрошеров можно собрать в Надоре и сколько нужно, чтобы так смело атаковать. Потом, по мере приближения этого безобразия, ты бы задумался, какие силы нужны, чтобы опрокинуть чуть ли не половину армии. Возможно, ты бы понял, что враг бросил на весы все. Значит, серьезной атаки на мост не будет. Значит, наглецы на том берегу лишь отвлекают внимание и нужно, оставив надежный заслон, мчаться назад. Наплевав на полученный утром приказ. Это самое умное, что можно сделать. Это единственное, что нужно сделать, если хочешь спасти... нет, не затащившего тебя в ловушку напыщенного дурака, а своих людей и свою шкуру. Лучше отдать хвост, чем хвост вместе с головой. Ящерицы – великие тактики, потому и выживают.

– Господин маршал? – Хеллинген, и какой решительный...

– Да, полковник.

– Мне кажется, было бы правильным остановить Айхенвальда. В ближайшее время арьергард дриков будет готов атаковать. Прикажете дать сигнал?

– Раз пехота может наступать, пусть наступает. Что у вас еще?

4

Прямо на глазах Чарльза лопнул строй синего батальона, вернее, его остатков. Отрезанные от своих, прижатые к реке и расстроенные залпами с близкой дистанции дриксы дрогнули и бросились врассыпную до того, как черно-белые пикинеры вышли на расстояние удара. Большинство бегущих кинулось на восток, к своим, но кое-кто из стоящих с краю рванул напрямиком к бурлящей на обледеневших камнях безымянной речке.

Первым мчался синий пикинер. Перемахнув водную полосу, он очутился на галечной отмели, в два прыжка ее преодолел и поскакал дальше, опираясь на обломок пики, как на шест. Несущийся следом мушкетер такой возможности не имел и поскользнулся чуть ли не на первом валуне. Отчаянно взмахнув руками и выронив мушкет, бедняга кое-как выпрямился и, не решаясь двинуться с места, застыл посреди потока дурацкой статуей. Вожак этого не заметил. То и дело оборачиваясь на черно-белых, он мчался вперед заячьими прыжками – напрямиком в объятия созерцающего переправу разъезда Реддинга. За пикинером сломя голову неслась стайка человек в десять. Раздался одиночный выстрел, почти догнавший прыгуна долговязый мушкетер дернулся и упал. Речушка была мелкой, но встать упавший не пытался, а остальные даже не замедлили бег...

Нет, один, с обвязанной головой, вроде бы повернул, но успел ли? Развязки Чарльз не видел – и разъезд, и беглецов скрыла скала.

– Поохотиться бы, – шепнул Давенпорту последний из адъютантов Хейла, еще не понюхавший сегодняшнего пороха.

– Без нас справятся, – покривил душой Чарльз.

Генеральская кавалькада быстрой рысью двигалась вдоль реки вслед за передовыми эскадронами, обходя дерущихся и не ввязываясь ни в какие схватки. У пехоты и так все шло отлично. Попавшие под первый удар дриксы были опрокинуты, Айхенвальд наступал, успешно продолжая то, что так хорошо началось. Отсутствие обоза уже давало о себе знать: талигойцы пороха не жалели, ответная стрельба была редкой и беспорядочной.

– Пока неплохо, – выразил общее мнение незнакомый теньент с перевязанной рукой, сменивший ушедшего в бой порученца, – а вот что-то будет сейчас у нас?

– У нас будет атака вражеской кавалерии, – удовлетворил любопытство теньента генерал и уточнил: – Очень скоро.

О том, что было бы, атакуй дриксы из арьергарда позже, когда полки Хейла ушли бы к Ор-Гаролис и рассеялись в холмах, Чарльз не спросил. Савиньяк или угадал, или знал точно; в любом случае он был прав, а пугать других и себя несчастливыми бедами Давенпорту не советовал еще Генри Рокслей. Когда был не покойником, а маршалом и талигойцем.

5

Дриксы атаковали вполне предсказуемым образом. Неведомый командир арьергарда действовал в полном соответствии со здравым смыслом и Пфейтфайером: пехота, судя по бурокоричневым мундирам – гаунау, наступала Фажетти в лоб, а кавалерия выдвигалась сбоку, направляясь в обход открытого правого фланга. Красивое решение, хоть сейчас в учебный трактат! Хочешь – бей в бок не перекрывшего до конца берег Фажетти. Хочешь – бей в тыл не желающему оглядываться Айхенвальду; сковать упрянца перед решающим столкновением сам великий Гусь велит. Какой выбор, господа, какой выбор!

Грохнуло. Артиллерия дриков всю поддерживала атаку своей пехоты. Ответа не было, хотя пора бы уже, а темно-синие эскадроны красиво заворачивали вправо, явно готовясь обрушиться на фланговые батальоны второй линии. Все-таки решили не бросать в тылу неразбитых

фрошеров... Предусмотрительно и похвально! Гуси вообще птицы вдумчивые, один Август чего стоил!

– Прикажите Айхенвальду остановиться и развернуться, – снова подал голос Хеллинген. Обычно начальник штаба был ходячей субординацией, но бедняга видел, как Фажетти перестроился лицом к надвигающейся коннице. Умело перестроился, но строй вышел слишком уж тонким, и субординация полетела к Леворукому.

– Вы что-то сказали?

– Конный резерв! Пошлите Фажетти конный резерв! – Точно решил, что Марцию конец. И все из-за избытка опыта и знаний.

– Полковник Хеллинген, смирно!

– Я не собираюсь...

Грохот пушечного залпа весьма кстати скрыл грех неподчинения. Грохот талигойского залпа. Успели! Фажетти уже в Лаик умел выбрать нужный момент.

Дымное облако, летящие через конские головы всадники, валяющиеся на снег лошади... С холма выглядит недурно, но Лионель Савиньяк слишком хорошо помнит Торку, чтобы наслаждаться красотой зрелища. Талигойскую кавалерию тоже встречали залпами в упор. Глупая была атака, чего уж там. Сегодняшний гаунау толковой старика Понси, он все понял правильно. Столь уверенное движение синей конницы застопорилось.

– Артиллерия оказалась весьма к месту, не правда ли, Хеллинген?

– Да, господин маршал!

Бунт иссяк. Нет, Хеллинген не испугался, вояки вообще мало чего боятся, но им надо смотреть снизу вверх. Кодорни, Айхенвальд, Хейл, Эрмали, не говоря уж о Лецке, – все они старше и опытней, но в этот Излом опыт не спасает, а тянет на дно. Как доспехи в воде.

Новый залп, прислуга у орудий делает все возможное! Молодцы, их старания не пропадут зря. Не пропадет ничего, что пришлось терпеть во время этого проклятого марша.

– Господин Проземператор. Подходит Хейл.

Пусть докладывают. Хоть бы и о том, что видно в любую трубу. Доклады наполняют некоторые существования смыслом. Пусть исполняют приказы – это придает уверенность. Смысл и уверенность – это счастье, хотя адъютанты и полковники о таком не задумываются. Он и сам не задумывался, пока подыгрывал Росио. Зачитать в нужное время письмо, проворонить неурочную встречу короля с супругой, сообщить о тайной депеше, обронить пару слов в соответствующем присутствии, даже обнажить шпагу... Это просто и иногда – весело, не то что, стоя на холме, гнать других на чужие мушкеты и ждать, ждать, ждать! Предел мечтаний для Фридрихов и скрежет зубовой – для Росио, Рудольфа, отца...

Хватит! Их с тобой нет, есть ты, вот и решай. Это твоя диспозиция, последний полученный тобой приказ. Ты не просто должен защитить Надор, ты должен запереть Хайнриха в Гаунау до конца кампании, так изволь сосредоточиться. На Айхенвальде. Упрямец дошел-таки до боевой линии, спешно выстроенной то ли Фридрихом, то ли кем-то, кто очнулся первым. Если Айхенвальд остановится, дрикссы смогут отдышаться. Если Айхенвальд остановится, схлынет азарт и солдаты почувствуют усталость. Нужно идти вперед. Не давать передышки, не позволять собраться с мыслями тем, у кого они есть.

– Господа, мы перемещаемся вслед за наступающей пехотой. Кто-то один может остаться и понаблюдать за сражением кавалерии. Оно обещает быть интересным.

– Кавалерийский резерв...

– Следует за нами.

Пока обруч катится, он не упадет! Пока идет война, армия не развалится, а будет армия, будет и Талиг. Если остановишься, то потом соберешь половину, треть, четверть... Если остановишься, те, кто не думает, – задумаются, а это удовольствие не для всех.

– Хеллинген, вы остаетесь? Отлично. Потом доложите.

6

Новый пригорок. На этот раз с кривым деревцем на склоне. Сколько можно смотреть сверху вниз на чужой бой! Хуже – на свой, в котором тебя нет. «Особые поручения»... Таскаться за теми, кто знает свое дело и не думает ошибаться, а если ошибется, заметит это первым. И исправит.

– Недурно! – сообщил Хейл, не опуская трубы, но и без нее было видно, как уже обошедшая было заслон дриксенская конница развернулась к новому врагу. Успели. В последний момент, но успели. Неизвестный командир предпочел сшибку отступлению, и теперь две конные лавины неслись навстречу друг другу, словно на гобелене в Роксли. Нелепое сравнение, но чего только не придет в голову обреченному наблюдать. Вечный наблюдатель, хоть хроники пиши... «Я видел арест короля...» «Я видел то, что осталось от Надора...» «Я видел бой у Ор-Гаролис...» Не участвовал – видел. Не дрался – наблюдал. Свысока!

– Свеженькие, – усмехнулся раненный в плечо капитан. Хейл разогнал по полкам уже всех адъютантов, теперь его сопровождали легко раненные офицеры. И Чарльз Давенпорт.

– Ничего, – второй капитан улыбаться не мог, мешала кое-как перевязанная рана, – сейчас они начнут уставать...

Картинно несущиеся всадники сшиблись сразу в четырех местах. Сверху бой казался каруселью, водоворотом, в котором кружат разноцветные листья. Кто-то падал на снег, кто-то на всем скаку пролетал мимо одного противника, чтобы схватиться с другим. Темно-синие мундиры мешались с черно-красными. В бой вступали все новые и новые эскадроны, конные схватки вскипали по всему пространству – от сражающейся пехоты и до речного берега. У Хейла людей было больше... То есть изначально больше, но без потерь при первой атаке не обошлось, вдобавок кое-кто все же отстал, а дриксены только вступили в бой, и еще они очень хотели помочь своим.

Если арьергард прорвется, у Фридриха будет порох, если будет порох, все изменится. Будет не победа, а бойня, только принц в крайнем случае может убраться в Гаунау и набрать новых солдат, а вот Савиньяк... Кроме ушедшего к перевалам Кодорни можно рассчитывать разве что на новобранцев, оправившихся раненых и немногочисленных ветеранов. Вернее, стариков.

– Поторопи этих волов, Шарло. Лебенслюстигу нужна помощь.

Мелькнула обвязанная голова – капитан спускался с холма, спеша навстречу отставшим. Хейл переступил с ноги на ногу и вновь уставился на поле. Отвлекать генеральское внимание на свою персону Давенпорт не стал. Послал своего, пусть и раненого? Его право.

Временная свита в изодранных закопченных мундирах сгрудилась у края площадки. Командующего офицеры не стеснялись. Они громко разговаривали, переживая уже пережитое, выясняя, где Лебенслюстиг, младший Хейл, Гедлер, выискивали в общей каше своих, как-то их узнавали – или им так казалось. Чарльз молча отошел. Из боязни зацепить чужую рану. Из боязни надерзить и выставить себя дураком. По ту сторону холма тоже шел бой, и Давенпорт стал смотреть, как дерется пехота, о которой он почти позабыл, хотя ветер и доносил треск мушкетов, то и дело перекрываемый пушечными залпами. Пороха ни Талиг, ни Дриксен не жалели, но атака арьергарда захлебывалась. Конница была связана боем, а пехоте не хватало сил самой проламывать талигойскую линию.

– Проклятье, они прорываются!

Может, сказалась свежесть людей и лошадей, может – удача, а может – умение командира, но в построениях Хейла возникла брешь, в которую «гуси» швырнули последние резервы. Еще немного, и темно-синие выйдут в тыл пехоте Фажетти. А своих резервов, кроме пары отставших и только что подошедших эскадронов, у генерала не осталось.

– Давенпорт!

Голова еще была в чужом бою и своей досаде, а гвардейские ноги уже щелкали каблуками перед возникшим начальством.

– Вы смотрите, куда нужно, – кивнул в сторону прорыва Хейл. – Передайте Диру – закрыть брешь. Проводите, но не увлекайтесь. Удачи!

Подтвердить приказ Чарльз забыл, вернее, вспомнил об этом у подножия холма. Подоспешший резерв еще устраивался, Дир был в седле – ждал, вернее, злился. Как сам Чарльз пять минут назад.

– Робби, – крикнул Чарльз, наплевав на все уставы, – галопом за мной! «Гуси» прорвались. Приказ – латать дыру.

7

Песня горна, короткое ржанье, охватившая мерзлую землю дрожь – два эскадрона, три с лишним сотни всадников, перешли на галоп. Топот множества копыт разносится по долине барабанным боем, ударяется в скалы, и те отвечают! Рокот накладывается на рокот, а конница все набирает ход, все неотвратимей, все неистовей становится бег. Удары копыт. Удары сердца, встречный ветер, свет, блики на выставленных вперед клинках. Здесь твое место, твое счастье, твоя жизнь и чужая смерть. Чужая!

Чарльз выравнивает коня, мчится рядом с Робби. Как же все ясно и просто! Нужно только держать строй! Безделью, ожиданиям, наблюденьям конец. Конец и офицеру для особых поручений. Теперь он один из многих. Он идет в атаку, как все! Со всеми. Нет людей, нет коней, нет эскадронов, есть единый неистовый порыв, который не сдержать никому!

Белая ложбинка, подъем, и вот они, враги! Совсем рядом!.. Леворукий, да они же стоят! То ли решают, куда свернуть, то ли приводят в порядок смешавшиеся ряды.

– Повезло! – шепчет, говорит, кричит Робби, привстав в стременах, машет рукой.

– Тали-и-иг!..

– Савиньяк!..

– Хе-е-е-ейл!

И вновь: «Тали-и-и-иг!»

Встречать атаку разогнавшихся талигойцев, не успев набрать ход, дриksы не захотели. Огрызнулись десятком pistolетных выстрелов и стали поворачивать коней.

– Вперед!

– Хейл!

– Держи «гусей»!

– Талиг!

Рубаки Диры на плечах бегущих врезаются в круговерть кавалерийского боя. Черный поток разбивается о синий, растекаясь ручьями и ручейками. Дорываются до живого тела клинки, ржут пьяные от скачки кони, сухо щелкают выстрелы, и режут, режут сбоку все еще несытые пушки.

Пронеслась потерявшая всадника лошадь, вынырнул из суматохи усатый дрикс на рыжем коне, поднял палаш. Чарльз принял удар на эфес, ответил, синий сдал вправо и вперед... Пара бесполезных ударов, pistolетный выстрел, усатый хватается за бок, рядом возникает Робби.

– Все, друг! – Сияющие глаза, на мокрому лбу черные полосы. – Хватит с тебя сладкого! Дальше наша работа. Дуй к генералу – доложишь. Стив, прикрывать капитана!

– Так точно!

Лавина рассыпается на части, тает в общей схватке. Тысячи человек продолжают упорно резаться. Что для этакой мясорубки несколько лишних сотен и тем более трое? Капитан и двое

солдат выбираются на обочину, пробиваясь назад. Обгоняют раненых. Их немного, потерянные в ложбинке минуты аукнулись дриksam упущенной удачей.

– Давайте к тому горбу. Я хочу оглядеться.

При докладе без холмиков не обойтись – разумеется, если начальство не удовлетворится отчетом о твоих восторгах. Безымянный горбик радушно подставил нетронутый снежный бок, позволяя подняться на словно созданную для наблюдений вершину. То, что представлялось мешаниной лиц, клинков, темно-синих спин и лошадиных круп, обрело четкость.

Подход эскадронов Диры окончательно погасил порыв дриксенской кавалерии, но и талигойские порядки пришли в расстройство. Схватка притихла сама собой. Черные и синие отходили, перестраивались, готовясь с новой силой кинуться друг на друга. И кинулись бы, не опереди их пехота. И пушки.

Хейлу все же удалось оттянуть вражескую кавалерию от пехоты Фажетти и полностью завладеть вниманием дриксов, а те упустили из виду, что пехота может не только обороняться от конницы, но и наступать. Эта рассеянность оказалась роковой. Фажетти относился к великим стратегам прошлого и их трудам без должного почтения и не знал, что должен торчать столбом, считая чужих лошадей. Отбив первую попытку обхода, пехотные каре вместе с полковой артиллерией немного постояли, словно наблюдая за боем, и двинулись вперед. Подойдя на выстрел, они обрушились на топтавшихся на месте «гусей» всей мощью своего огня. Артиллеристы просто свирепствовали – картечь сыпалась дождем...

– Не хотел бы я сегодня быть «синим», – проворчал Стив.

Чарльз кивнул. Он мог лишь гадать, каково это – стоять в редущем строю и слушать, как свистит смерть. Смерть, с которой не скрестишь клинок и которой не всадишь в брюхо пулю. Ненавидят ли солдаты тех, кто послал их на убой? Раньше Чарльз о таком не задумывался, но раньше он не смотрел сверху на сражения.

Запел горн – Бэзил и Лебенслюстиг вновь пошли вперед. Вновь боевой клич и топот сотен копыт сливаются в общий рев. Вновь сшибаются шеренги, но инициатива «гусями» бесповоротно утеряна. Черно-синий неистово ревуший зверь, пятная снег, медленно, но верно отползает назад, к западу. По истоптанному полю бредут выбравшиеся из битвы раненые, сбиваются в стайки, тянутся к своим, да бродят среди неподвижных темных пятен осиротевшие кони. Гул делается глуше, ветер носит дым, мешая видеть даже с холма. Все, пора докладывать.

– Возвращайтесь, – велит Чарльз, – дальше я сам.

Стив и его приятель не спорят. Они рады такому приказу. Капитан Давенпорт тоже бы предпочел вернуться к Диру. Чарльз хотел просто воевать уже тогда, когда в Талиге все было в порядке, а ему доставались гарнизон, гвардия, генералы...

Хейл стоял все на том же месте и все в той же позе, словно Чарльз никуда не отлучался, только даже от новой свиты осталось всего трое.

– Как заткнули прорыв, я видел, – взял быка за рога генерал. – Что дальше?

– Пять батальонов второй линии заслона атаковали фланговые эскадроны дриксов, когда те перестраивались.

– Bravo! – Хейл был откровенно доволен. – Атаку мы им сорвали, но так оставлять нельзя, пора переходить в наступление. Давенпорт, отправляйтесь к маршалу. Сообщите, что его приказ выполнен. Ищите его в непосредственной близости от порядков Айхенвальда.

– Благодарю за совет, господин генерал!

– Поздравляю с первым боем. – Командующий кавалерией неожиданно усмехнулся. – Я свое первое сражение встретил оруженосцем. Хуже того, я и впрямь таскал оружие за господином и стерег его лошадь. Как же я был зол! А после боя меня еще и подпоили...

– Кто был вашим господином? – не выдержал Давенпорт.

– Арно Савиньяк. Старший, разумеется.

Глава 10

Кадана. Изонийское плоскогорье

400 год К.С. 22-й день Весенних Скал

1

Два часа, и чуть ли не половины победоносной армии как не бывало, а мушкеты оставшихся вот-вот станут палками. Разве что гвардейцы поделаются. «Гуси» с обозами и «медведи» без ничего... Вот и клин между родичами. Хайнрих с горя похудеет и вырвет у зятя перья, но это будет еще не сейчас, сейчас – арьергард. Его мало отогнать, нужно, чтобы гаунау не пустились на новые подвиги; значит, Фажетти придется наступать. Хоть и жаль дробить силы перед главной схваткой, оставлять за спиной недотрепанных «медведей» с порохом нельзя.

– Господа, как вам нравится пригорок у подножия того холма?

Именно пригорок. С самого холма будет далековато, а свита уже заворачивает коней. Ни вопросов, ни сомнений... Еще бы, ведь маршал спокоен, как бергер, несмотря на то что впереди, по направлению к Ор-Гаролис, виднеются вполне приличные линии... Но как же чудесно хоть на десять минут оказаться в седле! О том, что Эмиль не живет без лошадей, знают все, но его лощеный братец тоже предпочитает паркету седло. Никуда не денешься – кровь...

Шаг, рысь, галоп, прыжок через проталину. Просто так, для удовольствия, снова шаг. Если сегодня выйдет как надо, завтра они с Грато устроят скачку с препятствиями. Или нет, не завтра. Будет слишком много дел, да и бой пока не выигран даже на треть.

Пехота, маршировавшая в голове ухваченной за хвост колонны, наконец-то опомнилась и собиралась встретить талигойцев. Остатки «крашенных» и те, до кого не успела дойти очередь, со всех ног спешили под защиту выстроившихся братьев. Продолжай Айхенвальд столь же лихо наступать, отдельным колоннам пришлось бы туго, но бергер не позволит азарту пересилить осторожность, иначе какой же он, к кошкам, бергер?

Генерал быстро, но без суеты подтягивал отставшую артиллерию, готовясь к новому, куда более серьезному столкновению. Четкость, с которой напротив вражеского построения формировался общий строй черно-белой пехоты, не могла не радовать.

– Господа, вам не кажется, что дриксы и гаунау пришли в себя?

– Все равно у нас численное преимущество, – радостно напомнил напрочь позабывший о сомнениях Хеллинген. Лионель и сам бы позабыл, но бурная молодость – отнюдь не залог достойной старости.

– О преимуществе говорить будем вечером. Подсчитав потери.

– Не только свои! – не унимался Хеллинген, косясь на чужой арьергард, а тот отступал. Не имевшие преимущества в численности и, главное, в артиллерии «бурые» не смогли опрокинуть заслон, а неудача обходного маневра окончательно похоронила надежды на успех. Хейл сумел отбросить противостоящую ему конницу, и генерал-гаунау, опасаясь окружения и полного разгрома пехоты, дал команду на общее отступление. «Медведи» все быстрее пятились в ту узость, из которой столь красиво появились, но головы они не потеряли и совести тоже – отход не перешел в бегство, и никто никого не бросил. Сильно потрепанная кавалерия, как могла, прикрывала отход не менее потрепанной пехоты. Батарея тоже замолчала – видимо, пушки, опасаясь захвата, предпочли увезти.

– Хейл что-то не собирается проявлять назойливость. – В голосе вошедшего в раж Хеллингена слышалась легкая досада.

– Эта схватка для него не последняя.

– И все-таки сегодня наш день! – не выдержал кто-то из свиты. – Наш!

Савиньяк обернулся. Обвел взглядом молчащих тенъентов, капитанов и полковников. Сэц-Алан опустил глаза. Значит, он. Маршал усмехнулся.

– День – слишком мало, капитан. Сегодня – наш Круг, соглашаться на меньшее – преступление против Талига.

2

Лошадь оступилась на подтаявшем склоне, и Чарльз едва не вылетел из седла. Только свалиться с коня на глазах маршальской свиты под конец и не хватало! Более глупого завершения «особого поручения» не придумаешь, да и само поручение... Оно выполнено, только докладывать нечего. Со своего пригорка Савиньяк прекрасно видел и Хейла, и отходивших «гусей», и занятого поисками командующего капитана Давенпорта, хотя на такую мелочь Прозэмперадор отвлекаться не станет. Вот адъютанты, те не преминут заметить и самого капитана, и пошатнувшуюся лошадь.

– От генерала Хейла, – четко произнес Чарльз.

– Докладывайте. – Савиньяк опустил трубу, в которую только что видел то, о чем Давенпорт еще не знал и знать не мог.

– Приказ выполнен. Дриксенская кавалерия понесла большие потери, не выдержала удара и отошла вместе с пехотой. Тем не менее полного успеха добиться не удалось, противник отступил в определенном порядке. Угроза со стороны дриксенского арьергарда снята. Генерал Хейл остановился для короткого отдыха и перестроения.

– Благодарю. – Маршал смотрел не на Давенпорта и не на Хейла, а в сторону Ор-Гаролис. – Это прекрасно, но вражеский авангард может вступить в бой в любой момент.

– Именно поэтому следует подождать, пока не подтянутся Хейл и Фажетти, – буркнул командующий артиллерией, явно продолжая какой-то спор.

Савиньяк пожал плечами, словно ему было невыносимо скучно.

– Мы будем наступать сейчас. Правым крылом от холмов. Отожмем Фридриха к речке, а потом туда и опрокинем. Он у нас гусь, пусть плавает.

Давенпорта никто не отпускал, его просто перестали замечать, и капитан счел за благо отойти к переговаривавшимся вполголоса свитским. Обсуждали основной удар, нацеленный на ближний, левый, фланг противника. Туда подтягивались резервы, туда тащили свои пушки люди Эрмали. До начала решающей схватки оставалось совсем немного.

– Хотите? – Адъютант артиллериста протянул Давенпорту флягу.левой рукой. Правая была подвязана шейным платком.

– Я бы предпочел трубу...

– Одно другого не исключает.

С маршальского пригорка бой выглядел так же, как с генеральского холма. Медленно ползущие прямоугольники батальонов, мечущиеся между ними одинокие фигурки, лениво плывущие клубы дыма. Смерти сверху видно не было.

– Капитан Давенпорт!

– Слушаю, господин маршал.

– Ваша лошадь устала?

– Нет. – Он ответил раньше, чем подумал, но лошади не люди, гонор их не спасет. – Не слишком.

– Тогда вы, Лецке. Поторопите Хейла. Пусть оставит Фажетти три полка, а с остальными встает за нашим правым крылом, на склонах. Ближе к Ор-Гаролис.

3

Эрмали не подвел. Полтора десятка орудий уже находилось в первой линии пехоты. Плотные клубы и полосы дыма поднимались над черно-белыми прямоугольниками с радующей сердце частотой – Айхенвальд выжимал из преимущества в артиллерии все возможное. Дриксы отвечали с не меньшей страстью. Артиллеристский гул возвестил о начале столкновения главных сил, но «гусей» надолго не хватит. Еще четверть часа, и отсутствие обозов начнет сказываться. Кое-где уже сказывается: сплошные дымные полотна сменяются светло-серыми фонтанчиками, все более редкими, контуры бурых и синих построений обретают обреченную четкость.

– Интересно, – шуруется не в меру разговорчивый Хеллинген. – Если Фридрих и поделился порохом, то не со всеми.

Благодаря утренним удачам силы почти сравнялись, более того, сейчас Айхенвальд имеет перевес. Если прикинуть на глаз, его пятнадцати тысячам противостоят тысяч тринадцать Фридриха, вдобавок лишенных поддержки конницы. У талигойцев конница есть. Под рукой.

Маршал Севера перевел трубу влево, с законной гордостью созерцая кавалерийский резерв. Полторы тысячи кирасир и вновь собравшиеся «фульгаты». Реддинг успел влечь погонять гаунаских егерей и был не прочь продолжить, но все хорошо в меру.

– Согласно Пфейтфайеру, пехота без кавалерии наступать не должна, – не унимается начальник штаба. – Они никогда не решатся...

– В некоторых обстоятельствах приходится забывать и классиков.

Если дриксы отречутся от Пфейтфайера, хватать за уши атакующего кабана придется «фульгатам», им не впервой. Савиньяк и сам нашивал мундир с оскаленной крылатой кошкой. При тогда еще генерале Дораке. У Доу они не дали драгунам Бруно зайти во фланг фок Варзов. Это было красиво.

От воспоминаний становится весело, только вряд ли это добрый признак.

– Те, кого нет на поле боя, могут появиться, – напоминает Савиньяк больше себе, чем Хеллингену и хихикающим адъютантам. – Половина конницы Фридриха – в авангарде. Ее возвращения можно ждать в любой момент.

Разговор обрывается. Поле застилает дым, по большей части талигойский, но смотреть он мешает всем. Оценить потери, хоть свои, хоть чужие, невозможно, но боевые порядки обеих сторон еще не утратили стройности. Как бы ни был силен огонь, и черно-белые, и сине-бурые батальоны держат позиции.

– Айхенвальд пошел вперед! – весело сообщают за спиной. Верно, пошел. Не дожидаясь, когда дриксы и гаунау решат, отступить или броситься в отчаянную атаку.

Центр и левое крыло наступают медленно, неторопливо, давя противников частой стрельбой. Полки правого крыла действуют решительней. Айхенвальд выполнил приказ, с которым был не согласен, дополнительно перебросив туда половину сил второй линии. Теперь вся эта масса с Лейдлором во главе ударила вдоль не таких уж и дальних холмов. Это еще можно видеть.

Спираль сражения раскручивается все стремительней, и все труднее возвышаться над происходящим невозмутимым многозначительным истуканом, но с ротой место капитана, а с полком – полковника. Командующий бросает в бой себя, когда других резервов нет. Или испытывая судьбу. Или будучи дураком – но в этот бой дурак не полезет. Фридрих «не играет по чужим нотам, он их рвет», хотя личное присутствие его высочества гвардейцам было бы в радость. Драться за вождя приятней, когда вождь рядом. Разумеется, если он не мешает.

– Фридриху следует находиться среди войск, – Лионель с усмешкой оглядывает свиту, – это поднимет боевой дух дриksam и облегчит жизнь Айхенвальду.

Смеются, даже не смеются, ржут. Ну и хорошо, а пехотинцы уже сошлись лицом к лицу. Схватка раскачивается туда-сюда, то выплескиваясь на один склон, то заливая другой, но в целом остается на месте. Все идет хорошо, все идет правильно, значит, жди неприятностей, а пока их нет, изволь подготовиться. Хейл все еще не подошел... Неудивительно – кавалерия с утра взад-вперед мотается по долине, а лошадей нужно беречь. Что ж, сделаем, что можем, – выждать разумно лишь в том случае, когда враг сделает все за тебя. Алва чуял такой поворот за сотню бье, Лионель Савиньяк не бог, не Ворон и не болван. Он должен действовать.

– Кавалерийский резерв – за правое крыло. «Старых псов» туда же. Пусть Вайспферт поторопится.

Перевес атакующих и усилия Лейдлора начинают наконец сказываться, «гуси» пятятся, а кое-то уже и бежит. Сперва поодиночке и отдельными десятками, затем поток становится гуще. Откуда-то из дымной глубины выступает несколько колонн гаунау, им удается замедлить отход, но лишь замедлить. Линия сражения начинает загибаться к реке. Теперь двинем туда васспардский полк, пусть прикроют открытый фланг, а то ведь и оглянуться не успеешь...

Уже не успели, и это твоя ошибка. Вот они, долгожданные неприятности! Подкатывают от Ор-Гаролис, вынырнув из дымного марева чуть в стороне от дороги. На сей раз кавалерия атакует первой. Впереди, судя по серебру и синеве, знаменитые «кесарские рейтары». Следом движется пехота, причем много. Значит, у моста оставлен лишь небольшой заслон. Все-таки хорошо, что армией командует Фридрих, а не этот генерал.

Поток рейтар катится вперед, не теряя разбега под выстрелами, обрушивается на оказавшиеся с самого края полки из Северного Надора, захлестывает их соседей. Впору восхититься стремительностью и яростью атаки. Сторонний наблюдатель так бы и сделал, но маршал Савиньяк сторонним наблюдателем не являлся и красоты момента не оценил.

4

Черно-белая пехота, только что уверенно гнавшая дриков к реке, затопталась на месте и попятилась. Один из надорских полков не устоял, его строй разваливался прямо на глазах. Утром Чарльз уже видел эту картину, на этот раз стороны поменялись местами. Еще несколько минут, и остановился весь правый фланг.

– Выстоят или нет? – Вроде бы он сказал это вслух, но никто не ответил. Все смотрели, как серебряные рейтары, опрокинув два фланговых полка, сдают назад, открывая дорогу идущим следом драгунам и пехоте. И молчали.

– Снова «крашенные», – обычно веселый Сэц-Алан бледен и зол, – только не бегут.

И опять – тишина. И чужое наступление. Дриков берегли порох, но не себя. Три залпа при сближении и удар по растрепанным надорцам. Мощный. Безжалостный. Отчаянный.

Державшиеся до поры до времени за спиной рейтар драгуны лезут по холмам вверх. Хотят обойти и атаковать сверху. Битва переламывается надпиленной шпагой, а командующий не делает ничего! На столичных смотрах он и то был живее, а тут... Поводил трубой по порядкам атакующих дриков и повернулся в сторону речки. Утешился!

У реки центр и левое крыло талигойцев продолжали поливать противника огнем. Сильная ответная стрельба виднелась лишь в центре – наверное, там стояла гвардия Фридриха. Стояла... А могла бы пойти вперед, помочь атакующему авангарду, но нет, не по чину. Все это было бы прекрасно, если бы не рейтары и не трещавший по швам правый фланг!

– Похоже, больше резервов у нашего «непредсказуемого» не осталось, – наконец задумчиво изрек Савиньяк. Как всегда, куда-то в пространство. – А Реддинг – молодец, господа, ему лишние приказы не требуются. К слову сказать, они никому не требуются.

«Фульгаты» и впрямь не растерялись и не промешкали. Сходиться с тяжелыми рейтарами они не собирались, а вот затормозить драгун... Это у «кошачьих отродий» выходило

отменно. Подвижные и проворные, на лучших, чем у противника, лошадях, они с блеском доказывали, что по праву считаются первыми среди легких конников севера. Мгновенно оказавшись выше по склону, «фульгаты» принялись донимать противника быстрыми короткими налетами, вынуждая спешиться, собраться вместе и отбиваться.

Пять сотен вьющихся осами талигойцев и почти тысяча гаунау. Выбывших из наступления, бесполезных, почти беспомощных на голых скользких склонах. Удара с холмов Айхенвальд мог больше не опасаться, но положение оставалось сложным – на дороге вновь собравшиеся в кулак рейтары готовились к повторному удару. Было их тысячи три, и строились они умело и быстро. Если повторится успех первой атаки...

Чарльз не хотел смотреть на маршала и все равно то и дело смотрел сразу со злостью и надеждой. До сих пор Савиньяк рассчитывал верно. Только бы он не ошибся и сейчас! Только бы выиграл этот бой, эту войну, и пусть смотрит сквозь людей, обрывает на полуслове, отмахивается, не замечает. На Изломе не до обид.

Рейтары двинулись вперед. Им навстречу спешил кавалерийский резерв. Полторы тысячи кирасир... Так много. Так мало.

Снова схлестнулись две гривастые лавины, стремясь пересилить, опрокинуть одна другую. Снова Чарльз наблюдал с безопасного места, а сердце рвалось в бой. Хотелось вскочить в седло, выхватить палаш, догнать своих, врубиться в синий строй, вкладывая в общий удар капельку своей силы.

Охваченной неистовой, невозможной надеждой, Давенпорт повернулся к маршалу, поймав отчаянный взгляд Сэц-Алана. И младшего Лецке. И раненого «фульгата»... Все смотрели на Савиньяка, а Савиньяк смотрел назад. Туда, откуда рано или поздно – только бы не поздно – должны появиться полки Хейла.

Глаза впивались вдаль и проглядели, как, нещадно погоняя коня, вверх по склону несется одинокий всадник. Подлетел. Торопливо, задыхаясь, вскинул руку:

– Господин Проземперадор... Генерал Хейл на подходе! По вашему приказу... три полка оставлены... для помощи Фажетти... Остальные будут здесь меньше чем через четверть часа... Фажетти докладывает... Он уже ведет бой... в непосредственной близости от обозов. Захвачены четыре орудия... Он обещает... скоро захватить обоз полностью...

5

У подножия холмов кипела лютая рукопашная – ветераны Вайспферта и спешно посланные Айхенвальдом стрелки укрепили дрогнувшие было порядки Лейдлора. Стрельба почти стихла – противники сошлись вплотную. «Крашенные» являли себя во всем блеске, не то что утром, но их усилия уходили в песок – теперь надорский фланг стоял твердо. Иссак и разгон серебряной конницы. Рейтары раз за разом сходились в ожесточенной рубке с васспардскими кирасирами. Первым не удавалось прорваться, вторым – отбросить врага. Все доблестно били всех, и все топтались на месте, а полководцы возвышались и ждали. Савиньяк – кавалерию, Фридрих... Фридриху ждать было нечего. Свой последний шанс «Неистовый и Неповторимый» упустил, не поддержав рывок авангарда.

Лионель обвел взглядом тревожные физиономии свитских. Они видели то же, что и маршал, по крайней мере, те, кому достались зрительные трубы, и они не знали, что и думать. Нахолившийся Хеллинген был готов искушать завязшего в гаунау Айхенвальда, а молодняку хотелось в бой. Проземперадору хотелось того же, он терпеть не мог стоять на одном месте и все время стоял. Особенно во дворце.

«Первый – на паркете с бокалом, второй – в седле со шпагой, но первый со шпагой первый. Кто такие?» Так шутили остряки, знавшие, что Лионель Савиньяк фехтует лучше брата. Они не знали другого, того, что Эмиль фехтовать обожал, а Лионель терпеть не мог, потому и

старался быстрее заканчивать поединки. Росио, Ротгер и Леворукий фехтовали еще лучше, и по крайней мере двое из трех любили это дело до одури. Значит, причина не в любви, а в чем-то, что отличает просто мориска от Моро, просто женщину – от богини, а просто хорошего вояку – от полководца. Хеллинген – хороший вояка.

– Если до подхода Хейла Фридрих не выкинет чего-нибудь великого, его положение станет очень тяжелым. – Пусть поговорят, а то как бы с начальником штаба удар не случился.

– В действиях вражеской армии не ощущается единой воли, – с готовностью откликнулся Хеллинген. – Арьергард пытался прорваться сам по себе. Это понятно – возможности снестись с главными силами у его командующего не было. Но почему главные силы толком не использовали столь опасную для нас атаку авангарда? Создается впечатление, что принц не может организовать взаимодействие собственных войск.

– Создается, – рассеянно подтвердил Лионель, с завистью глядя на холмы, где люди Реддинга окончательно закружили менее поворотливых драгун. «Медведи» пятились вниз, отгоняя настырных «фульгатов» нечастым, но точным огнем. Лионелю всегда нравилось играть с крупным зверем, но в свое время наиграться не удалось, а сейчас поздно. Нужно забыть, как поют пули, свистит в ушах ветер, пляшут свои и чужие кони, тяжелит руку палаш. Старший в роду не играет. Маршал не играет. Проземперадор не играет тем более. Вернее, играет. Не собой – людьми и провинциями.

– Сэц-Алан, доберитесь до Эрмали и передайте ему благодарность! Можете не возвращаться!

– Слушаюсь, господин маршал!

Сколько счастья, а разницы – жалких семь лет и титул... Остальные тоже не прочь получить в подарок бой или пулю. На холмах мы все кажемся себе бессмертными, да и в бою – до первой раны...

– Эрмали и в самом деле прекрасно использовал оставшуюся у него конную батарею; жалко, их у нас только две. – Хеллинген уже составлял в уме приказ. – Его артиллеристы успевают по всему правому флангу.

Частые картечные залпы и впрямь немало способствовали тому, что «медведи» откатились назад. Теперь пушки Эрмали поддерживали надорцев, зато слева, где до появления дриксенского авангарда Айхенвальд наносил главный удар, дело застопорилось. Опасаясь за фланг и тыл, бергер остановился, дав тем самым возможность противнику перевести дух. Пехота гаунау дух перевела и даже попыталась поддержать атаку собратьев, но встречный огонь оказался слишком силен.

Понимая, что война одним сражением не ограничится, Айхенвальд предпочитал действовать ядрами, а не сталью, недостаток же пороха у Фридриха сказывался все сильнее. Недостаток пороха и недостаток ума. Савиньяк усмехнулся, представляя себе бешенство противника, потом улыбка сползла с губ. Маршал Талига стал принцем дриксов, и принц этот был готов растерзать не только и не столько наглых фрошеров, сколько своих. Разведчиков, пропустивших врага. Командующего арьергардом, не подвезшего порох. Авангард, думающий только о себе и своей славе. Гвардейцев, пятящихся, словно раки. Это была неудачная армия, не способная воплотить великий замысел. К тому же она была мала, а генералы-гаунау то и дело оглядывались на Хайнриха! Нет, с такой армией не победить. Лучшее, что можно сделать, – покинуть это сборище тупиц и лентяев и привести настоящих вояк! И никаких офицеров-гаунау!

– Доброго пути, ваше высочество, – вежливо попрощался Лионель. – Вы сделали все, что могли!

Внизу, под «маршальским» пригорком, проходили эскадроны Хейла.

Глава 11

Кадана. Изонийское плоскогорье

400 год К.С. 21-й день Весенних Скал

1

Возвращение Хейла стало последней каплей. Кесарские рейтары прекратили свои атаки, и тут же потрепанные «крашенные» расцепились со столь же потрепанными «черно-белыми». Словно по взаимному уговору, дриксы, гаунау и талигойцы в изнеможении опускали оружие.

Армия Фридриха отползала от холмов и от противника. Ее пехота затягивала прорехи в своих рядах и выравнивалась. Рейтары и драгуны отходили дальше влево, прикрывая фланг, пришедшая с ними пехота примкнула к общему строю. Здесь все было кончено, и Чарльз попробовал разглядеть, что творится в других местах. Судя по всему, правый фланг Фридриха хоть и отступил, но ненамного. Ни опрокинуть, ни прижать его к реке так и не удалось.

Центру дриков пришлось труднее – когда под натиском Лейдлора левое крыло начало отходить, на стыке мог образоваться разрыв. Это грозило большими неприятностями, и соседние полки волей-неволей начали пятиться, загибая фронт и превращая его в некую дугу. Вернувшийся авангард спас положение. Отступление прекратилось, но восстановить утраченное было уже невозможно. «Гуси» выдохлись, хотя талигойцы выглядели не лучше. Утомонились даже «фульгаты», а смотреть на поредевшие эскадроны Хейла и мелькавшие там и тут перевязанные руки и головы было тягостно и стыдно. Особенно сверху.

– Мы торопились как могли, – хрипло доложил поднявшийся к маршалу Хейл, – но у меня в строю не осталось и трех тысяч всадников.

– Даже в таком виде вы остаетесь серьезной силой, – веско произнес начальник штаба. – Само ваше появление резко изменило ход боя.

– Я хотел было ударить вдоль дороги и отбросить кесарских на их же пехоту, но не успел. – Похвалы кавалеристу были не нужны, он знал цену и тому, что сделал, и тому, что не сумел. – Нас заметили на подходе, но встретить им было нечем, вот и...

– Мне не кажется, что гаунау готовы бежать, – Савиньяк не отрывался от трубы; казалось, он хочет по головам пересчитать всех солдат как своей, так и вражеской армий, – а держится все именно на гаунау. Я имею в виду генералов.

– Пожалуй. – Посеревшее лицо Хейла оживилось. – Фридрих не любит тех, кто ему перечит, но «медведи» отвечают за армию перед Хайнрихом.

Прозэмперадор кивнул. Он смотрел, как само собой затихает сражение, и ничего не делал. Не было ни суеты, ни приказов. Все слишком устало, а исход сегодняшнего дня уже с полчаса как стал очевиден последнему корнету. Победа была бесспорной и своевременной, но как же все вымотались...

– Едем к Айхенвальду. – Савиньяк заговорил негромко, но от неожиданности Чарльз едва не вздрогнул. – Адъютанты, собрать совет.

Маршал Севера в последний раз оглядел продолжающую сдвигаться к реке чужую линию и тронул коня, направляя его вниз. Свита послушно и устало потянулась за командующим. Лошадь Чарльза оказалась рядом с игреневой «фульгата», исполнявшего обязанности очередного адъютанта Хейла. Они ехали рядом и молчали. «Фульгат» разглядывал конскую гриву и время от времени до странности глубоко вздыхал. Чарльз привставал в стременах, пытаясь разглядеть дриков. Это было нетрудно.

Крашенные и бурые шеренги медленно стягивались к торчавшему посреди долины небольшому пригорку, охватывая его дугой. Левый фланг упирался в речку, правый подвисал посреди долины, его прикрывала вся оставшаяся конница. Центр выстроился перед пригорком, словно созданным для того, чтобы стать командным пунктом, и, судя по пестроте мундиров, именно там пребывала гвардия его высочества. «Гуси» готовились обороняться, словно талигойцы еще могли наступать...

2

– Можно выждать и посмотреть, до чего додумаются в ставке Фридриха, можно атаковать самим, – равнодушно сообщил Проэмперадор измотанным генералам и полковникам. – Силы почти сравнялись и по пехоте, и по кавалерии. И там, и там у нас имеется некоторое преимущество, но, если эта труба не обманывает, оно не превышает и полутора тысяч человек.

Съехавшие к Айхенвальду офицеры переглянулись. Военные советы в Надорской армии ничего не решали даже в относительно спокойные времена, а уж теперь... Маршал давал понять, что доволен, не более того. И все-таки Бэзил не сдержался.

– Надо давить и давить! – радостно выпалил он. – «Гуси», нас завидев, сами назад покатились, без боя. Не отпускать же.

– Снова гнать людей в атаку? – пожал плечами Эрмали. – А если армия потом не сможет наступать?

– Кавалерия с самого утра почти не выходит из боя, – напомнил Хеллинген то, что Бэзил знал всяко не хуже начальника штаба, – ей нужна передышка.

Да уж, передышка была бы кстати. Собственно, она нужна всем, в том числе и «гусям» с «медведями».

– Его высочество наверняка уже понял, что его «неожиданный» план обернулся столь же «неожиданным» пшиком, – позволил себе улыбнуться Реддинг, – поняли это и все остальные. На западе не стреляют уже с полчаса, значит, арьергард Фажетти добавил. Надежды на обозы у Фридриха не осталось. Поход в Надор закончился, господа.

– Успех достигнут, – Эрмали был полностью удовлетворен и не скрывал этого, – обозы и артиллерия захвачены, половина, а то и больше армии разгромлена и разогнана. С такими потерями, без продовольствия, пушек и боеприпасов, «гуси» не представляют для Талига никакой угрозы. Все, что им остается, – поскорее унести ноги в Гаунау.

– Не стоит дожимать такого противника. – Хейл с укором взглянул на набычившегося сына. – Будут лишние потери, а люди измучены.

Про лошадей генерал не сказал ничего, только весьма красноречиво вздохнул.

– От добра добра не ищут, – подвел итог Реддинг. – Отходят, ну и Леворукий с ними!

Больше желающих говорить не нашлось. Бэзил тоже молчал, упрямо вздернув подбородок в ожидании заслуженной взбучки, но Савиньяк на него не смотрел – он проверял пистолет.

– Прошу господ полковников предоставить списки убитых, раненых и отличившихся, – взял дело в свои руки Хеллинген, – и подготовить свои соображения на предмет возможности дальнейшего наступления. К утру.

– Последнее излишне. – Проэмперадор сунул пистолет в ольстру. – Господа, я понимаю ваши опасения. Тем не менее мы атакуем. Сейчас. Если Фридрих еще не переправился на тот берег притока, он сделает это в ближайшее время. Нужно, чтобы вслед за ним не отступало в порядке, но неслось галопом все, что еще остается на ногах. Айхенвальд, вы атакуете по всему фронту. Как и раньше, зарядов не жалеть. Хейл, займите ваших дриксенских «друзей» и оторвите их от пехоты. У вас преимущество в пару полков, придержите их, потом бросайте в разрыв – наводить панику и угрожать окружением. Эрмали, на правом крыле у дриксов вся конница, да и пехота там приличная. Дело для конной батареи найдется. Где именно, смотрите

сами. Остальные пушки пусть действуют, как и раньше. Не скрою, я очень доволен вашими артиллеристами. Все понятно?

– Да! – завопил Бэзил, с обожанием глядя на свихнувшегося маршала.

– Да, – подтвердил Эрмали. – За артиллерию я ручаюсь, но, проезжая, я видел нашу пехоту. Люди вымотаны до предела, я не уверен, что их хватит еще на одну атаку.

– Что ж, значит, придется приободрить. Все, господа, – помимо обычной категоричности в тоне командующего слышался ранее не проявлявшийся напор, – начатое надо довести до конца. Этим мы все сейчас и займемся.

– Совет получился коротким, – вполголоса хмыкнул Хейл. – Бэзил, хватит считать «гусей». До конца так до конца...

3

Они были недовольны и не уверены. Ни в чем – ни в успехе, ни в провале. И слишком измотаны, чтобы спорить. Исполнять всегда легче, вот они и исполнили. Приказы «побежали» сверху вниз – от генералов и полковников к капитанам, тенъентам и наконец к сержантам, что вместе со своими солдатами сейчас пойдут в атаку. Хочется им этого или нет.

По всей линии шло шевеление: сновали порученцы, батальоны под окрики ротных командиров и сержантов ровняли ряды. Рядом хмурился и молчал Хеллингген. Начальник штаба уже выполнил все, что входило его обязанности, даже перечислил предполагаемые трудности. В его рассуждениях был резон, но очень уж... манриковский. Нельзя останавливаться на полдороге. Когда в Талиге нет ни короля, ни кардинала, ни Первого маршала – нельзя. Можно только побеждать, безжалостно и расчетливо, как Альмейда. Нужно вбить в голову последнего коногона, подносчика пороха, кашевара, что он – талигоец, а значит – победитель. Что ему по плечу и изнурительные марши, и разгром превосходящих армий хоть Дриксен, хоть Гаунау, хоть Леворукого...

Пропели трубы, возвещая начало наступления, затанцевал, порываясь вперед, Грато. Еще рано, дружок, еще рано...

Лионель видел спины пехоты, медленно, но слаженно двинувшейся вперед. Следом тронулись запряжки с орудиями – Эрмали не имел обыкновения терять время. Конной батарее отсюда видно не было, но, можно не сомневаться, она появится в нужном месте. Какая все же полезная вещь... Обычная артиллерия никогда бы не поспела за драгунами Стоунволла, да и здесь пушки пришлось очень кстати. Вытащить в Надор Эрмали было верным решением. Генерал управляется с последней выдумкой Рокэ не хуже Вейзеля. С последней... Так и пони-маешь, что больше не ждешь и не надеешься, вернее, надеешься на себя.

Впереди грохнуло, над первыми рядами взлетела полоса белого дыма, и тут же вдогонку ударили пушки. Дрикссы ответили чуть погодя и слабее, гораздо слабее! «Гуси» уже вытрясли все, что имели, а имели они немного. И вновь треск залпа, вновь его поддерживают более гулкие удары орудий. В те короткие мгновенья, когда стрельба в центре стихает, слышится словно бы эхо, доносящееся с обоих флангов. Там тоже началось...

Пушки говорят, люди ждут. Еще можно остановиться, внять голосу разума, но армии нужна цель. Ей нельзя оставлять время на раздумья. Ей вообще нельзя оставлять времени. Надо выдрать у гусиного высочества перья, одернуть Хайнриха, озадачить Эйнрехт и подхватить хексбергскую удачу. Никто не знает, как сложится у Рудольфа и фок Варзов. Старики могут не выдержать, и тогда тебе придется стать Талигом... Как Проэмператору Севера, пусть и другого. Как молодому. Как сыну и внуку маршалов, как соратнику и как бы не наследнику Алвы. Можно верить, что Рокэ вернется. Можно верить в Рудольфа...

Это так заманчиво: верить, что тебя найдут, прикажут, исправят то, что ты натворил, наорут, в конце концов. Когда есть начальство, его можно любить, ненавидеть, считать дураком

и невежей. А можно обожать. Доставшийся Эмилю порученец этим и занимается, но Леворукый даровал сие сокровище югу. Северу достался знаменитый Давенпорт. Толк, впрочем, со временем будет из обоих. Или не будет, потому что ни дотошность, ни отчаянность без ума погоды не делают.

– Капитан Давенпорт, что вы думаете о наступлении?

– Люди и лошади очень устали, господин маршал.

– Не слышу ответа. Что вы думаете о наступлении?

– Айхенвальд может...

– Что вы думаете о наступлении, капитан?

– Я не... Я не имею личного мнения, господин маршал.

– Благодарю вас.

Взрыв стрельбы справа – глухой и то услышит. Близко, теперь жди доклада. Наверняка «медведи». В общем треске и грохоте проступают отдельные голоса. Левее, где находился полугий, но достаточно широкий пригорок, артиллерийский огонь стал чаще. Значит, Эрмали уже расставил последние из тащившихся по долине орудий. Участие в предыдущей схватке они принять не успели. Отдохнувшие пушки, измотанная живая плоть... Кони будут скакать по воле всадников, пока не упадут. Люди могут вынести больше. Если захотят и поверят...

А вот и гонец.

– Господин командующий. От Лейдлора. Находившиеся против нас гаунау пошли вперед. Вместе с кавалерией. Рейтар мы перехватили. Пехоту остановила конная батарея. Картечью, в упор. «Медведи» не выдержали и отошли.

Двенадцать орудий... Картечные выстрелы, раз за разом рвущие в куски плотные ряды пехоты. Второй раз с начала сражения внезапно появившиеся в первых рядах пушки решают дело. Жаль, вторая батарея сейчас бездельничает у моста.

– Хорошо.

Привстать в стременах, оглядеть примолкшую свиту, погладить коня...

– Что ж, господа, пора. Теперь вперед пойдём мы.

И опрокинем Фридриха в реку. Эти камни и эти холмы запомнят и дриксы, и талигойцы. Одни – полный разгром, другие – столь же полную победу. Сегодня в Талиге должна взойти новая звезда. Звезда маршала Савиньяка. Это важнее всего, потому что становится слишком темно.

Дать шпоры Грато. Улыбнуться, чувствуя на себе чужие взгляды, подставить лицо слабенькому ветру. Ты бросаешь на кон пусть не все, но многое. Ты должен выиграть – значит, ты выиграешь.

4

Разошедшиеся было пороховые облака вновь затягивали оживающую схватку. Дриксенские шеренги почти скрылись в белесом мареве, да и свои полки первой линии разглядеть стало непросто, к тому же битва по-стариковски устало и медленно сдвигалась к реке. Савиньяк решил ее догнать. Зачем? Неужели остановит? То, что для капитана Давенпорта, для Хейла с Айхенвальдом – работа, для маршала – выбор. Тот самый, из шестнадцати дорог, где лишь одна не ведет в Закат.

Легкий галоп и овевающая лицо свежесть – как мало нужно, чтобы вновь захотеть боя. Маршальская кавалькада летела по посеревшему снегу навстречу канонаде и, скорее всего, ничему. Проэмперадор остановит наступление в последний момент, заставив дриксон потратить оставшийся порох. Можно было бы и сказать, хотя... Хотя ложная атака и выглядит ложной, а так поверили даже Хейл с Хеллингеном. Сейчас они, конечно, догадались, но сперва

поверили. Может быть, так и надо. В конце концов, Савиньяк побеждает, и все-таки жаль... Жаль, что не будет еще одной атаки.

Проскакав меж двух резервных батальонов, маршал напрямик направился к расположившемуся за первой линией своей пехоты Айхенвальду. Лица бергера и его офицеров были черны от пороховой копоти, но даже она не могла скрыть усталость. Скоро все отдохнут. К несчастью, придут в себя и дрикссы, хотя их можно будет тревожить выстрелами. «Фульгаты» уже воспрянули, а пороху в обозе хватает.

– Генерал, – невозмутимо объявил Проэмперадор, – передайте приказ по всей линии: решительная атака. Бьем со всей силы и опрокидываем в реку. Тянуть дальше смысла нет.

Чарльз подумал, что ослышался. Что подумал Айхенвальд, было не догадаться. Короткий кивок и никаких вопросов.

– Слушаюсь, господин маршал. Адъютанты. Сигнал по полкам – «Все вперед»!

А Савиньяк на людей все-таки смотрел. На тех самых гвардейцев, что выполняют граничащий с безумием приказ. Утром эта же самая пехота выглядела куда более браво. Чарльз не мог похвастаться обширным опытом, но что солдаты и офицеры валятся с ног, понял бы последний недоросль. Да, гвардия исполнит и этот приказ, но угасший огонь не раздуешь. Утренний порыв иссяк, осталась лишь присяга.

Маршал, так ничего и не сказав, шевельнул поводьями, пуская мориска медленной рысью. Решил проводить уходящих в бой. Правильно решил, но кто-то должен идти с ними до конца и почему не капитан Давенпорт?

У задних рядов Савиньяк даже не задержался, двинувшись дальше, в промежуток между соседними батальонами. Проэмперадор не оборачивался, а вот Чарльз... Чарльз ловил на себе странные напряженные взгляды.

Пятая шеренга осталась позади, четвертая, спины третьей... Савиньяк соскочил наземь, кинув Сэц-Алану поводья и плащ. Из-за сомкнутых спин вышел высокий полковник. Ролан Мениго... Южанин, ходили слухи, что старый друг. Друг? У Лионеля Савиньяка?

– Мой маршал...

– Отставить, Ролан. Сейчас наш бергер даст сигнал. Я тут с тобой и твоими ребятами немного пройдуся...

За полковника ответили горнисты. Айхенвальд не мешкал.

– Это нам, – кивнул маршал. – Несколько сот шагов до реки. Суший пустык, не правда ли? В сравнении с тем, что мы уже прошли...

Столичная осанка, гвардейский, с иголки, мундир, еще не знавший боя. В отличие от хозяина... Лионель Савиньяк был торским корнетом, капитаном, полковником. Отец говорил о нем, хорошо говорил, но до этого часа Чарльз не связывал рассказы об отчаянном офицере с надменным начальником.

Чарльз ошарашенно смотрел на маршала, но прежде, чем капитан сообразил, что делать и говорить, выяснилось, что с капитаном Давенпортом уже все решено. Разумеется, без его участия. Савиньяк обернулся, весело и непривычно сверкнув глазами.

– Отправляйтесь к Хейлу. Сражение лучше закончить с теми, с кем начал. Сейчас самое время подрезать «гусям» левое крыло. Идем, Ролан, поможем надорцам. Север и юг – это больше, чем север и север!

Глава 12

Кадана. Изонийское плоскогорье

400 год К.С. 21-й день Весенних Скал

1

Очередная вершинка, на склоне – группа всадников, у подножия – несколько потрепанных эскадронов. Знакомых. Бэзил!.. Значит, генерал наверху. Старший Хейл наблюдает за боем, младший – в резерве. В последнем резерве. Том самом, что бросают в Закат. Раньше Чарльзу не приходило в голову, каково отцам-генералам распорядиться судьбой сыновей, а сейчас вдруг подумалось. Из-под копыта выскочил камень, покатился вниз. Конь пошатнулся – второй раз за день. Дурная примета? Ну и кошки с ней. Сегодня не только маршалы доводят дело до конца.

– Мой генерал!

Хейл, напряженно согнувшись в седле, разглядывал поле боя. Свита кавалериста опять поредела. Теперь ранены были все, кроме самого генерала и недовольного Бэзила.

– Мой генерал! Командующий отдал приказ о решительном общем наступлении. Он лично ведет в атаку гвардейцев Мениго. Приказано ввести в бой все резервы и ударить по левому крылу противника, чтобы поддержать атаку пехоты.

– Говорите, сам повел? – сварливо переспросил Хейл. – Решил бодрости добавить... Савиньяка могила и та не исправит. Надеюсь, хоть в рукопашную не ползет, тут не Манрики собралась...

Манриками тут и не пахло, и Фридрихом, пожалуй, тоже. В воздухе не висела столь густая дымная завеса, как там, где дралась пехота, и Чарльз разглядел небольшую кавалькаду, на рысях уходившую за реку.

За спиной покидавших поле боя сошлись в яростной схватке тысячи всадников. Талигоям не удавалось добиться перелома, и Хейл, похоже, бросил в бой один из двух оставшихся у него в запасе полков. Его кавалеристы уже подходили к месту общей свалки...

Генерал обернулся к сыну:

– Наши мальчики все-таки закружили кесарских. Вон там, видишь? Пусть и крохотный, но разрыв. Объяснить или сам знаешь?

Повеселевший Бэзил подтянул ремешок каски.

– «Медведи» увидят в своем тылу «Победителя дракона».

– Именно. Капитан, вас и спрашивать не нужно. Отправляйтесь с... полковником Хейлом. Как мне сказали, держать строй на галопе вы умеете.

– Приложу все старания!

Чем хорош устав, так это тем, что ответит за тебя, когда не хватает слов. Давенпорт торопливо отсалютовал и бросился к ждущим своего часа эскадронам. Он будет держать строй на галопе. Он будет драться за Талиг, за списанного всеми Фердинанда и за этих треклятых маршалов, раздери их обоих кошки.

Уставшие всадники уже смыкали ряды. Молча, без шуток и бахвальства. Только Бэзил гарцевал перед поредевшим полком, словно было утро и не было смерти. Чарльз пристроился рядом. Взмах руки, блеск выхваченного клинка, подбадривающий кивок.

– Ну, теперь держись, – хмыкает Бэзил, – теперь споем!

И вновь сотни копыт ударяют в еще твердую землю, и она отзывается. Ниже, тревожней, настойчивей, беспощадней, чем пару часов назад. Долина устала, ей хочется покоя, но она

не уснет, пока здесь чужаки. Их надо добить, загнать в реку, втоптать в лед... Они пришли незваными, они несли беду, они нарушили закон. Они умрут!

Эскадроны ускоряли ход, с медленной рыси на широкую, пестрые склоны мелькали все быстрее. Черное, белое, серое... Пятна и полосы. Кто-то глядит в спину. Требуется, приказывает, желает успеха... Кажется, талигойская кавалерия перетягивает удачу на себя: кровавое пестрое месиво откатывается назад и в сторону, отрываясь от пехоты. Бэзил переводит буланого в галоп, ветер треплет черный султан на каске полковника. Конная свалка остается справа. Разрыв действительно есть, Бэзил целит в него, как стрела целит в бойницу.

Чуть в сторону. Еще. Не надо подставляться под выстрелы, пусть и редкие... Обойти пехоту по дуге, выскочить прямо в тыл. Только бы у дриков не нашлось конных резервов! Это было бы совсем некстати...

На дорогу выносит дриксенских драгун. Немного, несколько десятков. То ли отбились от своих, то ли сбежали. И оказались на пути несущегося сомкнутого строя.

– Первый эскадрон! Убрать!

Яростные возгласы, лягз клинков, одиночный выстрел. Дриков снесли, не сломав шеренг и не потеряв разбега. И дальше, дальше!

Проскочили. Пехота дерется слева, конница – справа, а впереди – речка. Круг замкнулся. Полк замедляет ход, заходя в спину медленно отступавшим гаунау. Здесь, на самом фланге, именно они. Ровный коричневый цвет строя. Ровные шеренги. Ничего лишнего. Извечные враги, столь же упорные, как бергеры, и столь же опасные.

– Ну, посмотрим, удастся ли заставить их побегать. – Бэзил подмигнул и призывно вскинул шпагу: – Талиг и Север! Вперед!

– Вперед! – подхватил и Чарльз. Капитан и сам не понял, как у него вырвалось: – Талиг и Савиньяк!

2

Ролан с некоторым сомнением покосился на пристроившегося к его гвардейцам командующего, сделал два быстрых шага вперед и, повернувшись к строю лицом, гаркнул:

– Ваши закопченные рожи надо срочно умыть, мне перед маршалом неудобно. Вода – в речке. Вперед!

Справа и слева это «Вперед!» повторили хриплые злые голоса тенентов и сержантов. Черно-белые шеренги качнулись и двинулись вперед.

Разговор с Роланом и его речь при всей их краткости потребовали времени. Пусть небольшого, но «гуси» успели отступить еще немного. Теперь, чтобы достать их из мушкетов, требовалось пройти сотни полторы шагов. Что ж, их он с полковником и пройдет.

Маршал Савиньяк обнажил шпагу, как на параде. Семейная традиция. В авангарде наступай в первом ряду, в арьергарде – отходи рядом с последним солдатом. Это не глупость и не бравада, это шпоры для армии. Не всегда хватает коленей и голоса, иногда нужен довод повесомей. Как сегодня. «Савиньяк есть Савиньяк!» Сколькие и скольким повторяют сейчас эту бессмыслицу? А твое дело – шагать в первой шеренге. Ровно и уверенно. Они не просто идут за тобой, они *хотят* идти. Хотят драться. Хотят победить. Кто сказал, что раз сторевшее не поджечь? Тот, кто не поднимал уставшие армии, а сидел всю жизнь у камина. И страдал.

– Живей, ребята! Эдак мы их никогда не догоним!

Глупости тоже бывают нужны – если сказаны вовремя. И потом это повод обернуться. Взглянуть в солдатские глаза, увидеть, что они горят. Они снова горят!

– Джеймс, кто тебе больше нравится? «Медведи» или «гуси»?

Лица солдат надо помнить. Чем больше, тем лучше. Ты должен знать их, они – тебя.

– Кто впереди, тот и нравится, – рявкает здоровенный капрал. Он счастлив. Его могут убить, а он счастлив.

– Ровней! – подсказывает шагающий рядом Ролан. – Держи строй, кошачьи дети! Сейчас дойдем!

Неразборчивая, но яростная ругань и пыхтенье. Справа... Так не похоже на мерный шаг пехоты. Облепив небольшую полковую пушку, артиллеристы и приданные им солдаты выкачивают ее вперед, чтобы поддержать атаку. Зарядную повозку тоже тащат на себе. То ли не смогли подвести лошадей, то ли не хотят терять время.

– Эй! – вопит артиллеристам Джеймс. – Поджарьте их хорошенько!

– Подпалите им хвост!

– И под хвостом!

Бьют мерзлую землю солдатские башмаки, дышит в спину вторая шеренга... Смешно, но в такую атаку он еще не ходил. Были нахальные конные налеты, были и стремительные и жестокие пешие схватки среди торских скал. Одиночные поединки тоже случались, но вот так, в полковом строю, считая шаги до того мгновенья, когда придется по команде остановиться, вскинуть мушкет, глянуть поверх ствола на такой же строй в сотне шагов от тебя... Нет, такого не доводилось.

Справа ударила пушка. Одиноко, без поддержки. Дриксы. Для артиллерии четыреста бье – не дистанция. Будь «гуси» при обозе, стреляли бы уже по всему фронту. Нет, рано радовался. Еще выстрел, только дальше. Кто-то дотерпел, доберег бесценный порох, чтобы ударить в упор.

– Ролан, по одному залпу и – вперед. Дружного удара они не выдержат.

– Слушаюсь, господин маршал! Пикинерам приготовиться!

Чуть ли не над ухом рявкает первое орудие. Ему вторит десяток других. Точно деревенские псы за вожаком... И без трубы видно, как валяются сраженные картечью солдаты. Шеренги дриков редуют, но стоят. Они вышколены отменно. Артиллеристы Эрмали тоже. Нельзя не восхищаться их слаженностью и быстротой. Если смотришь с нужной стороны... С другой – можно только ненавидеть. Врагов и тех, кто привел тебя на убой.

Бомбардир и двое канониров перезаряжают пушку, а первые три шеренги изготовились к стрельбе, первая опустилась на колено. Взмах шпаги, слитный залп... Быстро выходят вперед мушкетеры трех задних шеренг. Второй залп. И вслед – череда пушечных выстрелов. Bravo!

– Хватит. – Полковник зол и решителен. Как перед той дурацкой дуэлью в Старой Придде. Тогда Ролан был прав, кстати говоря. – Дальше не пойдешь.

– Пойду. У меня еще двадцать шагов...

– Но стреляют...

– Именно. Не отвлекайся.

Пестрота впереди – красное, синее, желтое. Гвардия. Фридриховы любимцы... Только само высочество вряд ли еще тут.

Вперед. Еще не бегом, но быстрым шагом. Первыми, ошестинившись стальным ежом, пикинеры, следом – стрелки. Вот ты и пришел... Черно-белая волна, обтекая маршала и немногочисленных свитских, устремляется вперед, накатывая на поредевший иноземный строй. Эта армия надеялась вволю повеселиться на талигойской земле. Не она первая.

– Пикинеры, вперед! Талиг! – Ролан никогда не был оратором. – Талиг и... Тали-и-иг!

Правильно: будет Талиг, найдется и король, как бы его ни звали – Фердинанд, Карл, Рокэ, Людвиг или... Арно.

Боевой не клич, а рев. Расстояние между сторонами тает. Дриксы дают залп. Последний залп в упор, для которого берегли заряды, но атаку уже не остановить – слишком силен порыв.

Первая линия сошлась с противником вплотную, лязг и треск столкновения слышен и здесь, и дальше, было бы кому слушать... Ролан давит. Пока один – вторую линию Айхенвальд придерживает, выжидает, примеривается, куда лучше нанести завершающий удар. Нанесет – не

маленький, а твое место здесь. Бой решит, возвращаться маршалу на холмы или заворачивать отступающих и идти уже до конца. Собственного или дриков.

Рев переходит в вой... Опрокинут, должны опрокинуть!

3

Савиньяк хочет, чтобы они нагнали страху на этих гаунау, значит, так и будет! Четыре с лишним сотни с гиканьем кинулись на задние шеренги коричневой пехоты, но гаунау не ослепли и не оглохли. Отчаянный вопль сигнальных труб заставляет «медведей» обернуться, они видят черно-белое знамя. И талигойских конных гвардейцев во всей их пусть и потрепанной, но красе. Всадники Бэзила несутся вперед, не опасаясь налететь на смертельный частокол пик – в задних рядах пикинеров нет, они еще сражаются впереди, из последних сил удерживая строй.

Спешно поворачивающиеся высокие люди. Кто-то выстрелил, часть солдат сбивается в кучу, но некоторые... да! Начинают разбегаться. Еще чуть-чуть... Бэзил с тремя кавалеристами врезался в десяток окруживших офицера «медведей». Бурые отмахиваются разряженными мушкетами, как дубинами, но остановить напор разогнавшихся лошадей им не под силу.

Не успевшего отскочить офицера просто смяли, его судьбу разделили еще двое или трое, и тут Чарльз нашел своих врагов. Собственных. Обретая черты, они вынырнули из общей сумятицы. Краснолицый пехотинец, не став меряться силой с боевым конем, прыгнул влево от Чарльза в надежде избежать клинка. Это ему удалось, зато стоявший за прыгуном оказался не столь расторопен. Тяжелая шпага опустилась на коричневое плечо.

Потом был еще один. Этот пытался убежать и получил удар по затылку. Кто-то здоровенный собрался выбить капитана из седла прикладом, но пистолет не подвел. Молитвами Бонифация... Все больше бурых, не помышляя об обороне, ударялись в бегство, кое-как уворачиваясь от копыт и клинков. Давенпорт осадил жеребца, чтоб не врезаться в двоих гвардейцев, от души работавших палашами. Обученные кони по мере сил помогали всадникам. Люди и лошади расчистили вокруг себя неплохую площадку. Стало видно, что задние ряды гаунау полностью расстроились.

Горнист позади выводит «Сбор». И впрямь пора, а то рассеемся поодиночке. Судя по накатывающему невнятному гулу, приближалась пехотная свалка. Чарльз слушал ее, пока со стороны Ор-Гаролис не донесся слитный топот. Шла конница. Накликал... Кляня собственное разгильдяйство, Чарльз принялся заряжать пистолет, но беспокойство умерло, едва родившись. Ветер развернул черно-белое знамя, под ним темнели родные мундиры. Робби... А вот и он сам. Собственной персоной. Без каски, с хищной улыбкой на неумытой физиономии.

– Все, кончились рейтары, – чуть ли не с досадой объявил однокорытник. – Мы решили, что для вас одних тут «медведей» многовато.

– Не сказал бы...

– Жадный Манрик!

– Дальше давай! Дальше по их линии, пусть везде бегут! – замахал окровавленной шпагой Бэзил и исчез, дав шпоры буланому. И опять – налететь, разогнать, рубануть подвернувшегося неудачника и вперед, туда, где пока держатся.

Вот они! Гаунау в особенных, серебрищихся, мундирах. Кажется, тоже егеря, только пешие. Звери не хуже бергеров-«следопытов». Собрались вокруг знамени и, соблюдая подобие строя, отходят к реке. Ну и кошки с ними, раз такие непугливые! Знамя жаль, но такие не бросят...

– Уходят! Проклятье... Вперед!

Полковник Хейл рассудил иначе, чем капитан Давенпорт. Снова всадники налетают на сбившихся пехотинцев, снова те отгрызаются. Вскидывается и падает конь, подмяная хозяина.

Еще один кавалерист вываливается из схватки, держась за бок. Чарльз поворачивает жеребца, спеша на помощь. Спешат и другие.

Они были шагах в трех, когда черный султан Бэзила нырнул вниз. Леворукий, неужели? Так не повезло?! В самом конце!.. Новые всадники врезаются в схватку, расшвыривая последних оставшихся на ногах егерей. Получив удар лошадиной грудью, вместе со знаменем рушится знаменосец. Рядом мертвый офицер. А вот и Бэзил. Скорчился на земле, держась за бедро, буланый полумориск кружит над ним, защищая хозяина, чуть в стороне валяется егерский мушкет с широким кинжалом, очень аккуратно примотанным к стволу кожаным ремнем. На лезвии – кровь.

Чарльз соскакивает на землю, успокаивает коня. Кто-то помогает полковнику Хейлу сесть.

– Ну что вы тут толчетесь?! – рычит спасенный. – Больше дела нет? Оставьте со мной двоих и дальше! Дальше!

– А дальше не очень-то и нужно, – хохочет Чарльз. – Посмотри, они же бегут. Везде бегут...

4

Глухой непрерывный шум... Сражение рокочет, как море. Шторм и прорезающий его сигнал. Такое знакомое: «Кавалерия, в атаку!» Там, за левым крылом дриков. Это Хейл, прорвался-таки. Теперь все. Теперь никакое упорство, хоть гусиное, хоть медвежье, не спасет.

– Мой маршал, – глаза Сэц-Алана блестят, как у влюбленного, – мой маршал, наши!

– Разумеется. – Быть уверенным в своих людях, удивляться не подвигам, а невыполненным приказам – это и значит быть маршалом. Сомневаться – дело начальника штаба, но Хеллинген в тылу. Некому советовать, что надо приказать Айхенвальду, впрочем, бергер не глухой – все услышит и все поймет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.